УЧРЕДИТЕЛИ:

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
социологический факультет МГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ОСИПОВА Надежда Геннадьевна – доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, главный редактор, г. Москва, Россия, e-mail: ngo@socio.msu.ru, тел., факс: 8 (495) 939-46-98
ПОЛЯКОВА Наталья Львовна – доктор социологических наук, профессор кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, заместитель главного редактора, г. Москва, Россия, e-mail: polyakova@socio.msu.ru, тел.: +7(495) 939-45-39
ИЛЬИНЫХ Ольга Владимировна – сотрудник кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, ответственный секретарь, редактор, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-08-54, +7 (903) 268-89-69, e-mail: ilinih@socio.msu.ru
ДОБРИНСКАЯ Дарья Егоровна – кандидат социологических наук, доцент кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, редактор сайта, г. Москва, Россия, тел.: +7(495) 939-08-54, e-mail: dobrinskaya@socio.msu.ru
ВЕРШИНИНА Инна Альфредовна – кандидат социологических наук, доцент кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-21-37, e-mail: vershinina@socio.msu.ru
КАНЕВСКИЙ Павел Сергеевич – кандидат политических наук, доцент, заместитель декана по научной работе социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-24-05, e-mail: kanevskiy@socio.msu.ru
НОВОСЁЛОВА Елена Николаевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-24-05, e-mail: nauka@socio.msu.ru
СИНЯКОВ Алексей Викторович – заведующий учебной лабораторией по применению ЭВМ и технических средств обучения социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-59-49, e-mail: alsin@socio.msu.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Аверин Юрий Петрович – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой методологии социологических исследований социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия, тел.: +7(495)939-27-95, e-mail: aup@inbox.ru; **Антонов Анатолий Иванович** – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495)939-50-60, e-mail: antonov_ai_@mail.ru; **Вельц Франк** – доктор социологических наук, профессор департамента социологии Инсбрукского университета имени Леопольда и Франца, г. Инсбрук, Австрия, тел.: +43 512 507 73405, e-mail: frank.welz@uibk.ac.at; **Бабосов Евгений Михайлович** – доктор философских наук, профессор, академик НАН Белоруссии, главный научный сотрудник Института социологии НАН Белоруссии, г. Минск, Белоруссия, e-mail: soccomsys@mail.ru; **Водопьянов Павел Александрович** – доктор философских наук, профессор, член-корреспондент НАН Белоруссии, профессор кафедры философии и права УО "Белорусский государственный технологический университет", e-mail: pva1940@bk.ru; **Данилов Александр Николаевич** – доктор социологических наук, профессор, член-корреспондент НАН Белоруссии, заведующий кафедрой социологии факультета философских и социальных наук Белорусского государственного университета, тел: +375-17-259-70-41, e-mail: a.danilov@tut.by; **Желтов Виктор Васильевич** – доктор политических наук, профессор кафедры всеобщей истории и социально-политических наук Кемеровского государственного университета, г. Кемерово, Россия, тел.: +7 (384) 254-49-33, e-mail: politdekanat@kemsu.ru; **Ильхам Мамед-Заде** – доктор философских наук, директор Института философии, социологии и права Национальной академии наук Азербайджана, г. Баку, Азербайджан, тел.: + 99412-439-34-61, e-mail: Ilham_mamedzade@mail.ru; **Кеничи Охаши,** профессор социологии и культурной антропологии департамента культуры и туризма Университета Риккьо, г. Токио, Япония, тел.: +81-48-471-7447, e-mail: ohashik@rikkyo.ac.jp; **Скворцов Николай Генрихович** – доктор социологических наук, профессор, декан факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, председатель Социологического общества им. М.М. Ковалевского, г. Санкт-Петербург, Россия, тел.: +7 (812) 710-00-29, e-mail: n.skvortsov@spbu.ru; **Тай-Лок Луи** – доктор философии, профессор, вице-президент Университета образования Гонконга, директор Академии гонконгских исследований, Гонконг, тел.: +852 2948 7220, e-mail: tloklui@eduhk.hk; **Фарро Антимо Луиджи** – доктор социологических наук, профессор Римского университета "Сапиенца", г. Рим, Италия, e-mail: antimoluigi.farro@uniroma1.it; **Цинекер Хайдрун** – доктор политических наук, профессор Университета Лейпцига, г. Лейпциг, Германия, тел.: +49 341 97 35614, e-mail: zinecker@uni-leipzig.de

Редактор **О.В. ИЛЬИНЫХ**

FOUNDER
Lomonosov Moscow State University
Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University)

Editorial Board

Editor-in-chief: Nadezhda G. OSIPOVA, Doctor of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-46-98, e-mail: ngo@socio.msu.ru
Associated Editor-in-Chief: Natalya L. POLYAKOVA, Doctor of Sociology, Professor of the Department of Contemporary Sociology at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-45-39, e-mail: polyakova@socio.msu.ru
Managing Editor: Olga V. ILINIH, phone: +7(495) 939-08-54, +7(903) 268-89-69, e-mail: ilinih@socio.msu.ru
Website Editor: Daria E. DOBRINSKAYA, Candidate of Sociology, Associate Professor at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-08-54, e-mail: dobrinskaya@socio.msu.ru
Editorial board: Inna A. VERSHININA, Candidate of Sociology, Associate Professor at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-21-37, e-mail: vershinina@socio.msu.ru
Pavel S. KANEVSKIY, PhD, Associate Professor, Associate Dean for Science at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 939-24-05, e-mail: kanevskiy@socio.msu.ru
Elena N. NOVOSELOVA, Candidate of Sociology, Associate Professor of the Department of Sociology of Family and Demography at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-24-05, e-mail: nauka@socio.msu.ru
Aleksei V. SINYAKOV, Head of IT Laboratory at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 939-59-49, e-mail: alsin@socio.msu.ru

Editorial council

Anatoliy I. Antonov, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Sociology of Family and Demography at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495)939-50-60, e-mail: antonov_ai_@mail.ru
Yuriy P. Averin, Doctor of Sociology, Professor, Head of Sociological Research Methodology Department at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495)939-27-95, e-mail: aup@inbox.ru
Frank Welz, Doctor of Sociology, Professor at Innsbruck School of Social and Political Sciences, Department of Sociology (Innsbruck University), Innsbruck, Austria, phone:+43-512-507 -73405, -73420 (secretary), e-mail: frank.welz@uibk.ac.at
Lui Tai-lok, Doctor of Philosophy, Professor, Vice President of the Education University of Hong Kong, Director of the Academy of Hong Kong Studies, phone: +852 2948 7220, e-mail: tloklui@eduhk.hk
Viktor V. Zheltov, Doctor of Political Science, Professor at Chair of General History and Socio-Political Sciences (Kemerovo State University), Kemerovo, Russian Federation, phone: +7 (384) 254-49-33, e-mail: politdekanat@kemsu.ru
Nikolai G. Skvortsov, Doctor of Sociology, Professor at the Department of Comparative Sociology (Saint Petersburg University), Saint Petersburg, Russian Federation, phone: +7 (812) 710-00-29, e-mail: n.skvortsov@spbu.ru
Antimo L. Farro, Doctor of Sociology, Professor at the Department of Social and Economical Sciences (Sapienza University), Rome, Italy, e-mail: antimoluigi.farro@uniroma1.it
Heidrun Zinecker, Doctor of Political Science, Professor of International Relations at the Institute of Political Science (University of Leipzig), Leipzig, Germany, phone: +49 341 97 35614, e-mail: zinecker@uni-leipzig.de
Evgeniy M. Babosov, Doctor of Philosophy, Professor, Academician of National Academy of Sciences of Belarus (NAS of Belarus), Chief researcher at the Institute of sociology of NAS of Belarus, Minsk, Republic of Belarus, e-mail: soccomsys@mail.ru
Pavel A. Vodop'yanov, Doctor of Philosophy, professor, corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, professor at the Department of Philosophy and Methodology of Science (Belarusian State Technical University), Minsk, Republic of Belarus, e-mail: pva1940@bk.ru
Kenichi Ohashi, Professor of Sociology and Cultural Anthropology at the Department of Culture and Tourism Studies (Rikkyo University), Tokyo, Japan, phone: +81-48-471-7447, e-mail: ohashik@rikkyo.ac.jp
Ilham Mamed-Zadeh, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy, Sociology and Law of Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Azerbaijan, phone: + 99412-439-34-61, e-mail: Ilham_mamedzade@mail.ru
Alexander N. Danilov, Doctor of Sociology, Professor, Corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, Head of the Department of Sociology Faculty of Philosophy and Social Sciences (Belarus State University), Minsk, Republic of Belarus, phone: +375-17-259-70-41, e-mail: a.danilov@tut.by

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 18
СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

№ 1 • Том 25 • 2019 •
ЯНВАРЬ — МАРТ

Издательство Московского университета

Выходит четыре раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

Социология неравенства

Викторов А.Ш. Институты неравенства в современном обществе 7

Мартыненко Т.С. Социальное неравенство в социологической теории Зигмунта Баумана 29

Социология медицины

Лядова А.В. Особенности становления социологии медицины как междисциплинарного научного направления 42

Социология города

Вершинина И.А. Новые грани социального неравенства: концепция постмодернистской урбанизации Эдварда Сойи 62

Социология культуры

Молчанова О.И. Аспекты социального управления современной радиостанцией в условиях медиаконвергенции на примере радио “Эхо Москвы 78

Попов Е.А., Нагайцев В.В., Стерлядева Н.А., Шрайбер А.Н. Социология культуры в отечественных учебниках 96

Теория, методология и история социологии

Батуренко С.А. Марксистский феминизм: теоретический проект, генезис и опыт практической реализации в XX в. 111

Бацeнкова А.А. Трансформации публичной сферы как отражение процесса индивидуализации 130

Политология и социология политики

Зиненко В.Е. Патриотическое воспитание российской молодежи: современные реалии 145

Беляков Н.С., Кургачева К.Д. Интернет-технологии в условиях современного политического процесса 162

© Издательство Московского университета.
«Вестник Московского университета», 2019

Moscow State University Bulletin

SCIENTIFIC JOURNAL

Established in 1946

Series 18
SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

N 1 • VOLUME 25 • 2019 •
JANUARY — MARCH

Publishing house of Moscow State University

Four Issues per Annum

CONTENTS

Sociology of inequality

Viktorov A.Sh. Institutes of inequality in modern society. 7

Martynenko T.S. Social inequality in the Zigmunt Bauman's sociological theory 29

Sociology of medicine

Liadova A.V. The peculiarities of the development of sociology of medicine as the interdisciplinary scientific direction. 42

Sociology of the city

Vershinina I.A. New features of social inequality: Edward Soya's concept of postmodernist urbanization 62

Sociology of culture

Molchanova O.I. Aspects of social management of a modern radio station in the conditions of media convergence on the example of radio "Echo of Moscow 78

Popov E.A., Nagajzev V.V., Sterlyadeva N.A., Schrajber A.N. Sociology of culture in Russian textbooks 96

Theory, methodology and history of sociology

Baturenko S.A. Marxist feminism as theoretical project, genesis and experience of implementation in the XX century 111

Batsenkova A.A. The public sphere transformation as a reflection of the individualization process. 130

Political science and sociology of politic

Zinenko V.Ye. Patriotic education of Russian youth: modern realities 145

Beliakov N.S., Kurgacheva K.D. Internet technologies in the conditions of modern political process 162

СОЦИОЛОГИЯ НЕРАВЕНСТВА

DOI: 10.24290/1029-3736-2019-25-1-7-28

ИНСТИТУТЫ НЕРАВЕНСТВА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

А.Ш. Викторов, докт. социол. наук, проф. кафедры социальных технологий социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, МГУ, д. 1. стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

Неоднозначный процесс глобальных изменений, связанный с нарастанием нестабильности современного общества, обострением социального напряжения в мире между развитыми и развивающимися странами, противопоставлением благополучия избранного меньшинства неблагополучию и бедности большинства, обозначил проблему несовершенства существующих институтов и необходимость перехода к новой модели социального мироустройства. На основе институционального анализа в статье раскрывается неэффективность функционирования общественных институтов, которая приводит к воспроизводству неустойчивых структурных социальных взаимодействий и противостоянию различных обществ, групп, индивидов. Проблема трансформации существующих институтов в институты неравенства превращается в системную (структурообразующую) и становится актуальной как в фундаментальной теоретической разработке, так и в ее практическом решении в обеспечении развития и повышения жизнеспособности современного общества.

В результате исследования показано, что системный кризис современного капиталистического общества — это, прежде всего, институциональный кризис, связанный с несовершенством и неэффективностью функционирования его ключевых институтов (семьи, собственности и государства). Они по сути в разной мере перестали (или перестают) способствовать общественному развитию и начали превращаться в институты неравенства на разных уровнях социальной системы и охватывать ее различные структурные элементы: на уровне института семьи кризис связан с началом деформации институциональной матрицы взаимоотношений между мужчиной и женщиной (нарушение гендерного баланса между ролевыми позициями); на уровне института собственности кризис предопределен концентрацией власти и распределения ресурсов

* **Викторов Александр Шагенович**, e-mail: aviktorov@bk.ru

в руках псевдоэлиты; на уровне государства кризис обусловлен тем, что государство трансформируется в некую наднациональную корпорацию, которая в зависимости от характера своей легитимности (или нелегитимности) воспроизводит те или иные допустимые (или недопустимые) пределы социального неравенства.

Ключевые слова: *неравенство, институты, семья, собственность, государство, политическая власть, элита, институциональный подход.*

INSTITUTES OF INEQUALITY IN MODERN SOCIETY

Viktorov Alexander Sh., Doctor of sociology, Full Professor, Faculty of sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: aviktorov@bk.ru

The ambiguous process of global changes associated with the growing instability of modern society, the aggravation of the social tension in the world between developed and developing countries, the opposition of the well-being of the chosen minority to disadvantage and poverty of the majority, has highlighted the imperfection of existing institutions and the need to move to a new model of the social world order. On the basis of institutional analysis, the article reveals the inefficiency of the functioning of public institutions, which leads to the reproduction of unstable structural social interactions and the opposition of various societies, groups, individuals. The problem of transforming existing institutions into institutions of inequality turns into a system (structure-forming) and becomes relevant both in fundamental theoretical development and in its practical solution in ensuring the development and enhancement of the vitality of modern society.

As a result of the research it was shown that the systemic crisis of modern capitalist society is, first of all, an institutional crisis related to the imperfection and inefficiency of the functioning of its key institutions (family, property and state). They essentially stopped (or cease) in various ways to promote social development and began to turn into institutions of inequality at different levels of the social system and encompass its various structural elements: at the level of the institution of the family it is associated with the beginning of the deformation of the institutional matrix of the relationship between a man and a woman (gender balance between role positions); at the level of the institution of property, it is predetermined by the concentration of power and the distribution of resources in the hands of pseudoelites; at the state level, it is due to the fact that it is being transformed into a supranational corporation, which, depending on the nature of its legitimacy (or illegitimacy), reproduces certain permissible (or unacceptable) limits of social inequality.

Key words: *inequality, institutions, family, property, state, political power, elite, institutional approach.*

Противоречивый процесс глобальных изменений, связанный с нарастанием нестабильности современного общества, обострением социального напряжения в мире между развитыми и развивающимися странами, противопоставлением благополучия избранного меньшинства неблагополучию и бедности большинства, обозначил проблему несовершенства существующих институтов и необходимость перехода к новой модели социального мироустройства. Неэффективность функционирования институтов привела к воспроизводству неустойчивых структурных социальных взаимодействий и противостоянию различных обществ, групп, индивидов. Такая ситуация была предопределена тем, что с конца XX в. стала проявляться негативная форма капитализма (хищническая, паразитическая). Ее отличительная черта — неравенство в доходах и неограниченное доминирование глобальной финансовой системы, извлекающей прибыль не из сферы производства, а из спекулятивной деятельности, приведшей к росту мошенничества, потребительству и обогащению узкой группы людей[1]. В связи с этим проблема трансформации общественных институтов в институты неравенства превращается в системную (структурообразующую) и становится актуальной как в фундаментальной теоретической разработке, так и ее практическом решении с точки зрения развития и повышения жизнеспособности современного общества.

Наиболее полно и четко значимые аспекты этой проблемы обозначил американский экономист Д. Стиглиц: "…неравенство есть причина и следствие провалов политической системы, и именно оно ведет к росту нестабильности нашей экономической системы... именно такая экономическая система порождает увеличение неравенства"[2].

В статье раскрываются особенности формирования нового миропорядка через призму несовершенства функционирования современных институтов, которые стали выступать в роли института или основного фактора неравенства на разных структурных уровнях социальной системы.

Теоретико-методологическую основу исследования составили научные разработки и положения разных школ *институционализма*: классического[3], нового[4] и новейшего[5], которые, раскрывая

---

[1] *Викторов А.Ш.* Введение в социологию неравенства. М., 2015. С. 3–4, 122–123.

[2] *Стиглиц Дж.* Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. М., 2015. С. 36.

[3] *Веблен Т.* Теория праздного класса. М., 2018.

[4] *Боулз С.* Микроэкономика. Поведение, институты и эволюция. М., 2010.

[5] *Ходжсон Дж.* Что такое институты? // Вопросы экономики. 2007. Август. № 8. С. 28–48.

противоречивую суть таких институтов, как семья, собственность и государство, исходят из следующих научных принципов: *индивидуализма* (объясняет поведение акторов как проявление их интересов), *институтоцентризма* (описание любого социального явления невозможно без существования тех или иных норм, правил), *несводимости* (у мира природы и мира социальной жизни существуют свои законы), *единства* (социальная жизнь неразрывно связана с различными общественными институтами), *историзма* (все в мире развивается одновременно и вместе), *холизма* (действия субъектов обусловлены существующими структурами)[6].

В самом общем плане концепт институционализма включает два содержательных аспекта: институции — нормы поведения в обществе и институты — организации и учреждения, которые их регулируют. Их взаимоотношения характеризуются набором ограничений, которые формируют не только способ функционирования социальной системы, но и выступают как важные факторы ее долгосрочного развития. Поэтому институциональный подход предполагает существование и выявление индивидуальной институциональной матрицы общества, которая определяет специфику его развития. Например, если в социально-экономическом плане общественное развитие России включало три разных модели: аграрно-капиталистическую, индустриально-социалистическую, и либерально-рыночную, то в институциональном — ее индивидуальная матрица (переплетение формальных правил и неформальных ограничений) по сути своей практически оставалась без изменений, однако обретая новые формы (благодаря созданию новых институтов и внедрению новых институций), каждый раз подвергалась деформации. Поэтому, чтобы понять сущность институтов неравенства в современном обществе, необходимо понять, насколько они отвечают историческим требованиям его развития.

Рассмотрим наиболее значимые из них, такие как семья, частная собственность и государство, поскольку они являются наиболее неизменными и устойчивыми в историческом воспроизводстве и делении общества на неравные группы в различные эпохи, включая нынешнее время.

Институт семьи

Семья как продукт общественных отношений сочетает в себе черты социального института (взаимодействие семьи и общества) и малой социальной группы (внутрисемейные отношения, кото-

---

[6] *Нурев Р.М.* Очерки по истории институционализма. Ростов н/Д., 2014. С. 194–200.

рые непосредственно связаны с характером социальных функций семьи — воспитательной, образовательной, организационной, репродуктивной и т.п.). Эти функциональные особенности семьи имеют большое позитивное значение для членов семьи и общества (в разных странах). Кроме того, семья является особой первичной "социальной ячейкой", в которой закладываются и воспроизводятся различные элементы социального неравенства. Мы оставляем в стороне очевидные проблемы неравенства социального статуса (условно богатых, средних и бедных семей), дающего неодинаковые возможности социальной мобильности и саморазвития. Речь пойдет в первую очередь о разных ролевых позициях мужчин и женщин, опосредованных совокупностью гендерных различий (генетических, биологических, психофизиологических, социокультурных), которые сегодня обретают особое значение (феномен харассмента, сексизма и насилия). По данным специальных исследований, различные половые стратегии, связанные с наличием тестостерона (его концентрация у мужчин более чем в 20 раз больше, чем у женщин), порождают различную мотивацию вступления в брак (фактор физической любви в большинстве своем у мужчин оставляет позади материальную обеспеченность, социальный статус, образование, национальность, место проживания). Кроме того, доминирование мужчины (социально-статусное) во всех человеческих сообществах давало ему большие преимущества в реализации своих репродуктивных способностей. Женщина в отличие от мужчины "наряду с функцией рождения, воспитания и обучения детей, передачи им культурных и нравственных ценностей выполняет важнейшую оценочную функцию — фундамент социальной среды", а потому ее выбор определяют системы ценностей, статусная, групповая и общественная иерархии[7].

В научной литературе существует точка зрения, согласно которой женщины обладают такой особой чертой, как пластичность, которая является следствием их высокой адаптивности к меняющимся условиям среды. Это позволяет им (в возрасте 15–25 лет) легко усваивать нравы среды. На культурную пластичность особенно влияет "синдром Ассоль" (ожидание принца на белом коне, который сможет реализовать все ее романтические мечты). Известно, что более 70% эмигранток из СНГ уходят от своих мужей в течение первого года жизни за границей. К тому же здесь наблюдается закономерность: чем меньше для женщины моральный авторитет мужчины, тем более она склонна в зрелом возрасте к мультикультурализации и

---

[7] *Акопян А.С.* Роль семейных ценностей в перерождении институтов государства: биосоциальный аспект // Историческая психология и социология истории. 2011. Т. 4. № 1. С. 144–145.

толерантности[8]. В результате женщины пытаются реализовать свою внутреннюю природу в реальной жизни в зависимости от возраста как в эмоциональной, так и в рациональной форме. Поэтому их поведение в большинстве своем опосредовано внешними факторами или институциональной средой, что вполне вписывается в рамки современных рыночных отношений. В отличие от мужчин. В юном возрасте они склонны романтизировать свои эмоционально-чувственные представления, а повзрослев, пытаются рационализировать свою эмоциональную природу.

Иначе говоря, если мужчина задает различные жизненные стратегии для детей, то женщина определяет их неравные (субъективно-рациональные) социально-ценностные основания. Как следствие, разные "семейные ценности" в условиях нестабильного состояния общества, снижения эффективности социальных институтов и отсутствия общенациональной идеи развития воспроизводят не только противостоящие друг другу системы ролевых ожиданий (этнических, классовых, религиозных, корпоративных), но и сексуальных стратегий поведения. Это в известной мере объясняет причины вольного (сексуального) поведения российских женщин разного возраста во время чемпионата мира по футболу 2018. Российские сотовые операторы отмечали, что с начала ЧМ–2018 вырос интерес к TINDER (сайт знакомств), особенно с женской стороны: количество лайков на 42%, число пар на 65%. Как показывает анализ комментариев блогосферы, она пестрела в большинстве своем негативными тегами: "время шлюх", "секс гостеприимства", "чернильницы против ведра с холодцом", "матрица тотального преклонения перед Западом", "скрепя скрепами" и т.п. Однако во всем этом следует видеть не только негативизм, но и право женщин на свободу сексуального выбора (не только на уровне подсознания, но и сознания). К тому же в современном обществе потребления сексизм как биосоциальный феномен превращается в значимый фактор неравенства полов, который предопределяет разное поведение женщин, превращая их в хищниц, а мужчин — в жертву. Это в рациональном плане, а в эмоциональном — она ожидает принца, а он воображает себя альфа-самцом.

Как отмечают некоторые авторы, если рассматривать равенство как баланс сил, а неравенство как нарушение одной из его сторон, то русский (российский) мужчина, избавившись от необходимости участвовать в конкурентной борьбе за женщину, деградировал и пре-

---

[8] *Иванов А.* Как женский индивидуализм и эгоизм влияют на экономическую модель общества. URL: http://yablor.ru/blogs/kak-jenskiy-individualizm-i-egoizm-/3154475 (дата обращения: 15.11.2013).

вратился в малоинтересный отброс цивилизации (в самовлюбленное, обидчивое и трусливое существо)[9].

Однако здесь следует уточнить, что низкая конкурентоспособность российских мужчин в низу или в середине социальной пирамиды связана с отсутствием или малой возможностью вертикальной социальной мобильности, реального повышения, изменения своего социального статуса (все давно занято и распределено для "своих"). Наверху же речь идет не о механизме конкуренции (как отбора лучших), а о воспроизводстве и самосохранении особых клановых и клоновых биосоциальных групп (100 российских семей контролируют рынок, на котором конкуренция как таковая отсутствует). В самом широком понимании понятие клана обозначает род или определенную группу родственников, объединенных особыми связями. В социальном контексте клан — это закрытая социальная организация (структура) на основе кровной или иной (национальной, религиозной, культурной) общности, созданная с целью самосохранения, воспроизводства и развития своих членов и самой структуры. Современные кланы России — это внутриэлитарные объединения чиновников, бизнесменов, деятелей науки, культуры, представителей силовых структур и т.п.

По некоторым данным, основная доля богатства страны находится в руках двенадцати российских семей[10], которые были сформированы в течение нескольких лет (1990-е гг.). Но в известном смысле современная российская элита создавалась на протяжении трех последних поколений советской эпохи, хотя некоторые ее представители пытаются доказать свое аристократическое или дворянское происхождение. По неофициальным данным, число россиян, узнавших свои "благородные корни", зашкаливает за 30%, но, согласно статистическим данным, в дореволюционной России таковых было не более 3–5%.

В отличие от России американскую политическую и деловую элиту с момента принятия Декларации независимости сформировали около 200 семей (ее иногда называют наследственной)[11], которые представляют собственные интересы, направленные на то, чтобы контролировать американский капитализм и социально-политический порядок с помощью СМИ.

В нестабильных условиях процесса социальных изменений в России, с одной стороны, клановые интересы одних групп вступили

---

[9] *Иванов А.* О том, как промывают женщинам мозги. URL: http://maxpark.com/community/5932/content/2310854 (дата обращения: 12.11.2013).

[10] *Филимонов В.П.* Раковая опухоль на теле России. URL: https://obshestvomt.ru/blog/43919427122/Rakovaya-opuhol-na-tele-Rossii (дата обращения: 10.08.2018).

[11] *Миллс Ч.* Властвующая элита. М., 2007.

в противоречие с национальными (так, во всяком случае, они позиционируются официальной идеологемой) интересами России (ее самосохранения как независимой самостоятельной целостности), а с другой — обострение противоречий в отношении малой эффективности политического института власти и несправедливого распределения материальных ресурсов привело к внутриэлитным столкновениям, которые могут привести к разному исходу.

Следует отметить особенности социального конструирования образа женщины в российской культуре (а именно его разный ценностный смысл), который трижды изменялся на протяжении двух последних веков:

– первый был сформирован в рамках религиозной традиции, в которой она выступала в роли беспрекословного помощника в сохранении семейных устоев. Избирательное право российским женщинам было предоставлено только Временным правительством после свержения самодержавия в 1917 г.;

– второй — образ советской женщины-матери, которая создает социалистический быт и охраняет семейный очаг наравне с мужчиной;

– третий — образ современной активной "бизнес-леди", ориентированный на личностную карьеру, в котором семейные ценности перестают быть главными.

По данным социологических опросов, за последние 10–15 лет в российском обществе изменилось отношение к женщинам. Так, большинство россиян (77%) считают, что традиционная роль женщины в семье снизилась и ослабла. Согласно мнению социологов, сегодня российская "ячейка" общества оказалась разрушенной чужеродными жизненными ценностями, ложной идентификацией и забвением собственного исторического опыта, а первоочередным устремлением россиян стала жизнь в достатке, семья и дети перешли в разряд ценностей второго порядка[12].

Все это в известной мере способствует воспроизведению неравных отношений в семье, что специфически отражается на воспитании детей и порождает рост обоюдного насилия (сестры убивают отца, а священник — жену, мать пытается избавиться от малолетнего ребенка).

На основании вышеизложенного следует вывод, что если на Западе и в Азии институт семьи воспроизводит отношения равенства/неравенства между мужчиной и женщиной благодаря еще жизнеспособной традиции (культурной, национальной), то в России она деформирована и находится на стадии перехода на новую инсти-

[12] Национальная идея России: В 6 т. Т. 3. М., 2012. С. 1820, 1861.

туциональную матрицу, в которой биосоциальная роль мужчины ослабевает, а женщины начинает усиливаться, разрушая тем самым традиционные стереотипы миропорядка.

Институт собственности

Этимология термина "собственность" в русском языке непосредственно связана со словом "собирать" ("брать") в одни руки некие вещи, имущество. Как показывает анализ различных рефлексий о собственности (проблема, явление, понятие), в социальном отношении они отличаются многозначностью, сложностью, которые условно можно свести к двум идеологемам или морально-нравственным оценкам: зло или добро. Одни считают собственность причиной бесчисленных преступлений и бедствием, кражей или воровством, способом насилия, угнетения и проявления несправедливости[13], а другие — благом проявления первого вида свободы, возможностью быть независимым, самостоятельным и т.п.[14]

Для раскрытия значимости различных социальных взаимосвязей между собственностью и неравенством рассмотрим четыре их относительно разные аспекта: повседневный, экономический, юридический и социологический.

1. В повседневной жизни собственность представлена как неравенство обладания определенными вещами, имуществом, которые получены по наследству, заработаны, подарены или незаконно присвоены.

2. Формирование института частной собственности в капиталистическом обществе привело к возникновению неравных экономических отношений в характере хозяйственного производства и породило конкуренцию и разделение людей на успешных или неуспешных. Как отмечают некоторые авторы, "наиболее высокие доходы на душу населения поступают не за счет заработной платы, а за счет собственности (в 2002 году доходы от собственности составили 28,5% всех денежных доходов наиболее обеспеченного населения)"[15].

3. В России понятие "собственность" появилось в конце XVIII в. и было связано с институционализацией прав дворянства (Жалованная грамота 1785 г., в которой были обозначены их сословные привилегии). Собственность как юридическая категория институционально

---

[13] *Оуэн Р.* Книга о новом нравственном мире // *Оуэн Р.* Избр. соч.: В 2-х. Т. 2. М.-Л., 1950. С. 23; *Прудон П.* Что такое собственность. М., 1919. С. 14.

[14] *Локк Д.* Избранные философские произведения. Т. 2. М., 1960. С. 10; *Гегель Г.* Соч. Т. 7. С. 59; *Мизес фон Л.* Индивид, рынок и правовое государство. СПб., 2006. С. 134.

[15] Социальное неравенство и публичная политика. М., 2007. С. 307.

была оформлена в Кодексе гражданского права Наполеона (1804 г.), в котором были четко определены следующие положения: равенство всех перед законом, частная собственность неприкосновенна, право собственности охраняется государством. Современная правовая традиция рассматривает право собственности как неограниченное и неделимое, сосредоточенное в руках одного лица.

Особенности институционализации понятия собственности непосредственно связаны с возникновением и развитием различных империй, которые выражают не характер имеющейся властной элиты, а своеобразную форму (этнокультурную, религиозную, социально-политическую) объединения многочисленных и разных народов, проживающих совместно на одной земле. В последние двадцать пять лет Россия как преемник "советской империи" находится в некоем перманентном нестабильном состоянии, но благодаря усилению властных ресурсов, воссоединению с Крымом и в связи с введением экономических санкций со стороны Запада сохраняет устойчивую инерцию необходимого единения.

Современное Российское государство, вступив на путь рыночного капитализма, является не только последней империей в мировом геополитическом пространстве (более 85 субъектов Федерации, где проживают около 200 разных народов), но и самой большой по территории страной в мире, которая обладает практически самыми большими природными ресурсами. Капитализм в этом отношении является единственной ступенью (формацией) общественного развития, ибо включает в себя и прогресс, и застой на основе определенного территориального пространства, так как земля и ее ресурсы — это реальная основа власти. Поэтому современный институциональный порядок в России надо рассматривать через призму изменения прав неравного владения землей между государством (как особым корпоративным общественно-частным собственником) и частными собственниками (индивидуальными или групповыми). Понятие общественной земельной собственности было самой большой "фикцией", необходимой для сохранения СССР. Сегодня существует мнение, что практически все природные ресурсы (недра) страны находятся в зарубежной собственности, которой управляет колониальная администрация.

4. Понятие собственности в социологическом плане традиционно строилось на аксиомах марксистской теории социально-классовой структуры общества как по признаку владения правом частной собственности, так и по признаку того, что она является источником социального неравенства и социальных конфликтов, а потому должна быть уничтожена. Однако преувеличение роли частной собственно-

сти в социальном расслоении в обществе привело к неправильному выводу, что установление общественной собственности приведет к ликвидации неравенства. Если в зарубежной социологии она понимается как социология прав собственности (социально-правовая категория), то в российской — как часть экономической социологии, в которой основополагающими являются такие вопросы, как взаимодействие общества и экономики, характер изменений в общества и экономике, влияние собственности на процессы общественной жизни (формирования классов, социально-экономической структуры и т.д.)[16].

В целом социология собственности ориентирована на изучение собственности как социального института, который закрепляет различные формы социальных отношений к ней в разных сферах жизнедеятельности. В контексте социального неравенства это, прежде всего, выявление характера ее воздействия на социальную структуру и на направленность процесса социальной стратификации и дифференциации. В либеральном контексте социальное понимание собственности включает в себя несколько основных положений.

Во-первых, это признание легитимного права на нее разных социальных субъектов.

Во-вторых, признание индивидуальных прав собственности выступает существенным фактором ограничения власти государства, развития гражданского общества и появления социальных прав граждан.

В-третьих, собственность — это не просто отношение к вещам, а прежде всего, отношение к другим членам общества через отношение присвоения. Это приводит к неравномерному распределению материальных благ, углублению социального неравенства и концентрации богатства в одних группах, которое в современных условиях не зависит от индивидуальных трудовых и умственных усилий.

Проблема воздействия института собственности на институт неравенства в современном российском обществе обусловлена тремя моментами. Во-первых, исторически так сложилось, что «вся собственность в России выросла из "выпросил", или подарил, или кого-нибудь обобрал. Труда собственности очень мало и от этого она не крепка и не уважается»[17]. Во-вторых, в течение двух–трех лет общественная (государственная) собственность утратила монопольное положение в стране и была незаконно присвоена меньшинством. В-третьих, большинство населения лишено

---

[16] *Торандо Е.Е.* Социология собственности. СПб., 2001; *Летурно Ш.* Эволюция собственности. М., 2012.

[17] *Розанов В.В.* Уединенное. М., 1990. Т. 2. С. 37.

частной собственности, т.е. возможности получения с нее дохода. В результате рождается не только проблема социализации или национализации собственности, но и возникновения нового принципа дифференциации общества.

По словам Н. Лумана, «экономическая система сдвинула основы своей безопасности с частной собственности и платежеспособных задолжников (таких как государство и крупные корпорации) в сферу игр на бирже. Тот, кто стремится сохранять свою собственность, тот теряет обычно свое богатство, а тот, кто стремится умножить свое богатство, должен день изо дня менять объем вложений… Это ведет к неразрешимым проблемам во всех видах "социально ориентированных" направлений деятельности»[18]. В данном контексте речь идет о новом понимании собственности не как средства социального разделения людей, а ее возможной дифференциации в разных подсистемах целостного общества. Луман писал об этом в конце XX в. и как бы предугадал современный финансовый кризис, связанный с попыткой создания и поддержания некого высшего контролирующего центра мировой собственности и капитала, который одних субъектов делает равными в богатстве, а других — равными в бедности.

Однако некоторые российские авторы считают, что разделение людей на субъектов собственности и субъектов, не владеющих собственностью, содержит в себе определенный потенциальный момент единства, связанный со способностью частной собственности менять облик людей и взаимоотношения между ними[19]. Причем речь идет не о неких групповых интересах или солидарности, а о смене статуса собственника. Один может его лишиться, а другой — приобрести. Вопрос только в том, благодаря каким социальным механизмам возможно это изменение права собственника.

Таким образом, из понимания отношений собственности как социального института неравенства следуют три вывода:

– легитимация незаконно присвоенной собственности связана с высоким уровнем социального неравенства в обществе, обусловленного характером политической власти в стране, поскольку богатство и власть в большинстве своем стали концентрироваться в одних руках политической и экономической элиты, составляющей единое целое;

– появление новых видов прав собственности (например, интеллектуальной) соответственно порождает и новые виды социального неравенства;

---

[18] *Луман Н.* Глобализация мирового сообщества: как следует понимать современное общество // Социология на пороге XXI века: новые направления исследований. М., 1998. С. 95–98.

[19] *Барулин В.С.* Социальная философия. М., 2002. С. 55.

– переход частной собственности в общественную (государственную) и обратно характеризует как высокий (низкий) уровень групповых интересов социальной пирамиды, так и новых принципов социального разделения общества.

Институт государства

Рефлексия воздействия государства как общественного института на характер проявления социального неравенства непосредственно связана как с историей возникновения государства, так и с выделением в этом процессе различных социальных аспектов в контексте институционального подхода.

Этимологически слово "государство" имеет разное происхождение как в западноевропейских, так и в русском языках, ибо обозначает неоднозначные содержательные сущности. В античности оно отождествлялось с понятием *polisa* и *politeja* как особом гражданском объединении частных собственников или родовых общин (синойкизм). В современном понимании государство — это аппарат управления обществом, который наделен особой властью, ибо опирается на силу органов принуждения или закона (они либо предписаны государству обществом через выборные органы, соблюдаются и контролируются, либо государство само устанавливает законы деятельности как себе, так и обществу).

Ученые по-разному объясняют причину возникновения государства, но по сути своей оно связано с проблемой как добровольного объединения людей (в глубокой древности — на основе "некого" договора, хотя ни у одного из более 200 существующих государственных субъектов, официально принятых в ООН в последние 50 лет, такого "доисторического" документа нет), так и насильственного, вынужденного образования. Отсюда и разные целевые ориентиры государственности: если в первом случае главными выступают сохранение, развитие и благополучие общества (человека, народа, нации), то во втором основными приоритетами являются удержание территориального пространства и контроль над материально-природными ресурсами и населением страны. Некоторые народы (такие как берберы, курды) не смогли создать собственной государственности, другие народы сумели ее создать благодаря утрате своей культуры.

В современных условиях (в силу вышеназванных обстоятельств) государство начинает позиционировать себя как некая самостоятельная организация по отношению к обществу, отстраняясь тем самым от решения проблемы социального неравенства.

Исторически уровень самостоятельности государств никогда не был постоянной величиной, что и определяло ту или иную динамику их взаимодействий. В обществознании сформировалось несколько различных теорий происхождения государства (классовая, теологическая, патриархальная, психологическая, "насилия", "договорная" и др.), признающих его неким вторичным образованием после возникновения общества, которое впоследствии (в силу разных обстоятельств) стало определять вектор общественного прогресса.

Отсюда неоднозначность трактовки не только его сущности (и как машины для поддержания господства одного класса над другим, и как средства реализации общих или частных интересов, и как особого аппарата управления, и как результат органической эволюции и т.п.), но и противоречий в ценностном понимании (отождествление с родиной, воплощение общественного единения как высшей ценности общества и как гаранта прав и свобод человека, нашедших отражение в тех или иных идеологических конструкциях).

В рамках классового подхода государство рассматривается, прежде всего, как классовый институт господствующего класса, выступающий средством насилия, давления, контроля над другими группами общества. С позиции неклассового подхода, государство выполняет интегративную роль как орган, выражающий интересы всего общества, как инструмент примирения, баланса интересов всех граждан общества на пути общего благосостояния.

Согласно Ф. Ницше, государство — это изобретение лишних людей, утративших волю к жизни. В XXI в. государство превратилось в некую корпорацию, которая обладает первичной властью (легитимной или нелегитимной) над определенной территорией (природные ресурсы) и населением (человеческие ресурсы).

Государство, не имеющее самостоятельной экономической политики, практически лишено своего суверенитета (*de facto*) и становится неспособным к нормальному управлению (и сохранению) общества как целостного организма. И тогда оно прибегает к различного рода мобилизационным или национальным проектам, связанным с защитой интересов (государственных, экономических и т.д.). Однако из большинства ныне существующих государств только развитые страны имеют практическую возможность проводить независимую экономическую политику, ибо поставили во главу угла не абстрактный интерес, а реальную безопасность и качество жизни человека в обществе. Государство, которое собственную безопасность обеспечивает за счет небезопасного состояния общества, перестает быть легитимным государством.

Когда безопасность общества становится государственной идеологией, то это означает нарушение взаимосвязей или взаимопонимания как между обществом и государством, так и внутри самого общества. Государственная безопасность складывается из двух видов социально-политической борьбы: за власть и за личное самосохранение. Но государственная безопасность — это, прежде всего, защита гражданских интересов общества от интересов той или иной власти.

Для более глубокого понимания характера превращения института государства в институт неравенства рассмотрим противоречивую взаимосвязь между обществом и государством, неравенством и политической властью в контексте относительно разных, но взаимодополняющих подходов: социологического и институционального.

Согласно Э. Гидденсу, термин "государство" является неопределенным, так как относится и к всеобщей форме государственного общества, и к различным государственным учреждениям. В первом случае мы можем говорить о социальной составляющей государства как части общества, как социального института, а во втором — как о неком надобщественном органе контроля, управления, распределения, который существует в виде власти — социальной и экономической политики[20].

Отсюда с необходимостью следует, что общество порождает такую государственную власть, которая в своей социальной и экономической политике воспроизводит отношения социального неравенства, благодаря контролю над материальными (сырьевыми) ресурсами и ограничения социального пространства.

В статье 7 (глава 1) Конституции РФ закреплено, что российское государство является социальным. Это означает, что его политическая система перераспределяет материальные блага в соответствии с принципами социальной справедливости для достижения достойного качества жизни и регуляции социальных различий с помощью социальной политики, социальной ответственности и государственного контроля экономики. Понятие социального государства впервые было употреблено в середине XIX в. и означало поддержание абсолютного равенства в правах для всех имеющихся общественных классов. Поэтому одна из основных функций социального государства — это устранение социального неравенства путем перераспределения доходов и поддержки социально незащищенных слоев населения, национализации здравоохранения транспорта, энергосистемы и др.

---

[20] *Гидденс Э.* Устроение общества: очерк теории структурации. М., 2003. С. 342–356.

В условиях глобальных изменений социальное государство переживает кризисную ситуацию, связанную с:

– ростом социальной напряженности в странах с разным социально-экономическим уровнем (развитых, развивающихся и др.);

– доминированием глобального права, когда интересы ТНК непосредственно замещают суверенное право национальных государств, которые трансформируются в государственно-корпоративные организации и становятся субъектами международной экономики.

Некоторые зарубежные социологи связывают это явление с новыми моделями глобальной стратификации, в которых одни государства, общества и сообщества все более опутываются "глобальным порядком", в то время как другие все более и более оттесняются на второй план[21].

Если в западных странах происходит укрепление института государственной власти (поскольку она берет на себя ведущую роль в управлении региональными странами в сфере экономики, культуры), то в развивающихся странах, где власть ослабла и утратила общественное доверие, она обращается к силовым методам решения проблем социального неравенства, поскольку прежние (индустриальные) принципы регулирования социального неравенства в современном обществе становятся малоэффективными.

Государство как социально-политический институт включает в себя определенные элементы (аппарат управления, идеологическую программу, правовую систему и др.), благодаря которым оно воздействует на сохранение и воспроизводство социальной структуры (социальной стратификации) того или иного общества. Причем это поддержание происходит не разрозненно, а целостно (на основе их совокупного воздействия). Собственно говоря, и возникновение государства связано с первоначальным делением общества на неравные группы, когда государство выступило в роли "медиатора" (посредника), наделенного специальными полномочиями для регулирования всех спорных отношений между ними. Но при этом государство стало постепенно превращаться в инструмент экономического, правового и политического господства одной из привилегированных групп, изначально обладающих определенными социально значимыми преимуществами.

Однако это не означало, что другие социальные группы были лишены собственных прав. Для их защиты в обществе создавали различного рода профессиональные объединения. Они возникали на основе общественного разделения труда и защищали интересы

---

[21] *Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Дж.* Глобальные трансформации. Политика, экономика и культура. М., 2004. С. 9.

людей одной профессии, в них также имелась своя профессиональная иерархия (неравенство). Кроме того, как на основе политических предпочтений возникали различного рода групповые политические интересы, так и на основе общественной активности (защита социокультурных прав) создавались те или иные гражданские объединения и неформальные организации. Государство как бы в целом закрепляло и легитимировало социальную стратификацию людей в обществе, а другие негосударственные объединения, союзы выражали и защищали социальные позиции соответствующих членов своих групп, которые могли выдвигать государству свои требования по изменению их общественного положения в социальной структуре.

По словам У. Бека, "на место социальной фигуры наемного рабочего и работополучателя как противников капитализма и работодателя выступает на одной стороне фигура *трудящегося-для-себя*, а на другой — фигура *общественного предпринимателя*… Ранний капитализм был рассчитан на эксплуатацию труда, сегодняшний — на эксплуатацию ответственности"[22].

Если до Нового времени государство закрепляло и контролировало привилегии определенного меньшинства, обеспечивая его господство над другими группами через механизмы сословно-кастового деления общества, то с утверждением капиталистических (товарно-денежных) отношений изменяется и характер взаимодействия между государством и обществом: теперь оно выступает в качестве политического и правового инструмента регуляции отношений между неравными социальными группами. Теперь вместо некой целостной сословной общности во главу угла было поставлено индивидуально-личностное гражданское правовое начало (личная безопасность, защита частной собственности, социальная защищенность и др.). Согласно И. Канту, это новое понимание взаимодействия государства и общества должно было строиться на априорных принципах свободы, равенства и самостоятельности каждого человека как подданного, гражданина и члена общества[23].

Однако в современных условиях глобальных и социальных изменений мирового сообщества характер взаимосвязи между государством и обществом (в зависимости от уровня или состояния общественного развития), когда малоэффективная социальная политика государства — это проявление его безответственности, а

---

[22] *Бек У.* Что такое глобализация / Общ. ред. и послесл. А. Филиппова. М., 2001. С. 260.

[23] *Кант И.* Сочинения: В 6-ти т. Т. 4. М., 1965. Ч. 1. С. 79.

неоднократное избрание представителей этой власти есть выражение безответственности общества, обретает новые черты:

– превращение государства в некую государственную корпорацию и его отказа от своих функций, обязательств по регулированию социального неравенства;

– расширение гражданского движения за создание нового общественного договора между государством и обществом, основанным на взаимной ответственности друг перед другом.

Институциональный подход в отличие от социологического рассматривает государство не с позиций решения проблемы социального неравенства, а создания определенного институционального порядка, который его воспроизводит в тех или иных допустимых (или недопустимых) пределах. В этом отношении заслуживает внимания исследование этой проблемы американскими учеными: с одной стороны, это Д. Норт, Д. Уоллис, Б. Вайнгаст [24], а с другой — Д. Аджемоглу, Д. Робинсон[25].

В первом случае авторы исходят из положения, что институт государства исторически претерпевает существенные трансформации и в зависимости от уровня развития, характера культурной традиции устанавливает тот или иной порядок общественного устройства. На их взгляд, сегодня в мире выделяются два доминирующих вида государственных объединений: естественного (благо для своих) и открытого доступа (благо для всех), которые имеют разные институциональные матрицы и историческое прошлое (от нескольких тысяч до двухсот лет). На этой основе они создают разные институциональные модели порядка. Естественная, доминирующая в современном мире (в 175 странах, включая Россию, т.е. 85% от общего числа мирового населения) и отличающаяся господством личных связей, привилегий, иерархии, неравенством перед законом, незащищенностью прав собственности. И на этой основе она воспроизводит три разновидности неравенства: хрупкое, базисное и зрелое. Модель открытого доступа формирует такой институциональный порядок, при котором широко распространены безличные социальные взаимосвязи, включающие верховенство закона, справедливость, равенство и все аспекты равноправия (таких государств всего 25, т.е. 15% мирового населения).

Во втором случае зарубежные исследователи, исходя из институционального подхода, ставят проблему неравенства стран (почему

---

[24] *Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б.* Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М., 2011. С. 33, 52–54, 99–109.

[25] *Аджемоглу Д., Робинсон Д.* Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М., 2017. С. 14–18.

одни богатые, а другие бедные), и изучая ее, приходят в выводу: во всем виноват институт государства, который устанавливает определенный порядок на основе двух разных институтов (экстративные и инклюзивные). Экстративные институты направлены на то, чтобы выжать максимальный доход из эксплуатации большой части общества и направить его на обогащение меньшей. Поэтому они концентрируют власть в руках элиты и не ограничивают ее действия, т.е. выступают главной причиной установления неравенства в обществе. Инклюзивные институты способствуют экономическому росту, повышению производительности труда и процветанию общества. Их главный элемент — это защищенность права частной собственности, поскольку оно дает возможность инвестировать всем слоям на благо всего общества, а не только элиты. Инклюзивные институты отличаются разделением власти, свободным доступом на рынок новых игроков и технологий. На взгляд авторов, если власть сильна, то она формирует инклюзивные институты для преодоления неравенства. Причем корни неравенства в мире обусловлены разными траекториями развития стран: богатые сумели запустить процесс индустриализации и технологических инноваций в начале XIX в., а бедные не сумели этого сделать.

В самом общем плане с некоторыми положениями данных авторов (первых и вторых) можно согласиться, особенно того, что касается характера политической институции власти как источника неравенства в обществе, но ключевое положение о частной собственности весьма спорно, поскольку в таких странах, как Россия, вначале была феодально-государственная, потом — условно общественная, а сегодня — государственно-олигархическая собственность.

Таким образом, в результате нашего исследования мы пришли к пониманию, что системный кризис современного капиталистического общества — это, прежде всего, институциональный кризис, связанный с несовершенством и неэффективностью функционирования его ключевых институтов (семьи, собственности и государства). Они по сути в разной мере перестали (или перестают) способствовать общественному развитию и начали превращаться в институты неравенства на разных уровнях социальной системы и охватывать ее различные структурные элементы: на уровне института семьи кризис связан с началом деформации институциональной матрицы взаимоотношений между мужчиной и женщиной (нарушение гендерного баланса между ролевыми позициями); на уровне института собственности кризис предопределен концентрацией власти и распределения ресурсов в руках псевдоэлиты; на уровне государства кризис обусловлен тем, что государство трансформируется в некую

наднациональную корпорацию, которая в зависимости от характера своей легитимности (или нелегитимности) воспроизводит те или иные допустимые (или недопустимые) пределы социального неравенства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аджемоглу Д., Робинсон Д. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М., 2017.

Акопян А.С. Роль семейных ценностей в перерождении институтов государства: биосоциальный аспект // Историческая психология и социология истории. 2011. Т. 4. № 1. С. 144–145. ISSN: 1994-6287.

Барулин В.С. Социальная философия. М., 2002.

Бек У. Что такое глобализация? / Общ. ред. и послесл. А. Филиппова. М., 2001.

Боулз С. Микроэкономика. Поведение, институты и эволюция. М., 2010.

Веблен Т. Теория праздного класса. М., 2018.

Викторов А.Ш. Введение в социологию неравенства. М., 2015.

Гегель Г. Собр. соч. Т. 7. М.; Л., 1934.

Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структурации. М., 2003.

Иванов А. Как женский индивидуализм и эгоизм влияют на экономическую модель общества. URL: http://yablor.ru/blogs/kak-jenskiy-individualizm-i-egoizm-/3154475 (дата обращения: 15.11.2013).

Иванов А. О том, как промывают женщинам мозги. URL: http://maxprk.com/community/5932/content/2310854 (дата обращения: 12.11.2013).

Кант И. Сочинения: В 6 т. Т. 4. М., 1965. Ч. 1.

Летурно Ш. Эволюция собственности. М., 2012.

Локк Д. Избранные философские произведения. Т. 2. М., 1960.

Луман Н. Глобализация мирового сообщества: как следует понимать современное общество // Социология на пороге XXI века: новые направления исследований. М., 1998.

Мизес Л., фон. Индивид, рынок и правовое государство. СПб., 2006.

Миллс Ч. Властвующая элита. М., 2007.

Национальная идея России: В 6 т. Т. 3. М., 2012.

Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М., 2011.

Нурев Р.М. Очерки по истории институционализма. Ростов н/Д., 2014.

Оуэн Р. Книга о новом нравственном мире // Оуэн Р. Избр. соч.: В 2 т. М.-Л., 1950. Т. 2.

Прудон П. Что такое собственность. М., 1919.

Розанов В.В. Уединенное. Т. 2. М., 1990.

Социальное неравенство и публичная политика. М., 2007.

Стиглиц Дж. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. М., 2015.

Торандо Е.Е. Социология собственности. СПб., 2001.

Филимонов В.П. Раковая опухоль на теле России. URL: http://obshestvomt.ru/blog/43919427122/Rakovaya-opuhol-na-tele-Rossii (дата обращения: 10.08.2018).

Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Дж. Глобальные трансформации. Политика, экономика и культура. М., 2004.

Ходжсон Дж. Что такое институты? // Вопросы экономики. 2007. Август. № 8. С. 28–48.

REFERENCES

Acemoglu D., Robinson J. Pochemu odni strany bogatye, a drugie bednye. Proishozhdenie vlasti, procvetanija i nishhety [Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty] M., 2017 (in Russian).

Akopjan A.S. Rol' semejnyh cennostej v pererozhdenii institutov gosudarstva: biosocialnyj aspekt // Istoricheskaja psihologija i sociologija istorii. 2011. N 1 (in Russian).

Barulin V.S. Social'naja filosofija. M., 2002 (in Russian).

Beck U. Chto takoe globalizacija? [Was ist globalisierung?]. M., 2001 (in Russian).

Boulz S. Mikrojekonomika. Povedenie, instituty i jevoljucija. M., 2010 (in Russian).

Filimonov V.P. Rakovaja opuhol' na tele Rossii. URL: https://obshestvomt.ru/blog/43919427122/Rakovaya-opuhol-na-tele-Rossii (data obrastheniya: 10.08.2018) (in Russian).

Gegel' G. Sobr. soch. T. 7. M.; L., 1934 (in Russian).

Giddens A. Ustroenie obshhestva: ocherk teorii strukturacii. M., 2003 (in Russian).

Held D., McGrew A., Goldblatt D., Perraton J. Global'nye transformacii. Politika, jekonomika i kul'tura [Global transformations: politics, economics and culture]. M., 2004 (in Russian).

Hodzhson Dzh. Chto takoe instituty? // Voprosy jekonomiki. 2007. Avgust. N 8. P. 28–48 (in Russian).

Ivanov A. Kak zhenskij individualizm i jegoizm vlijajut na jekonomicheskuju model' obshhestva. URL: http://yablor.ru/blogs/kak-jenskiy-individualizm-i-egoizm-/3154475. 15.11.2013 (in Russian).

Ivanov A. O tom, kak promyvajut zhenshhinam mozgi. URL: http://maxpark.com/community/5932/content/2310854 (data obrastheniya: 12.11.2013) (in Russian).

Kant I. Sochinenija. V 6-ti t. T. 4. M., 1965. Ch. 1 (in Russian).

Lokk D. Izbrannye filosofskie proizvedenija. T. 2. M., 1960 (in Russian).

Mizes L., fon. Individ, rynok i pravovoe gosudarstvo. SPb., 2006 (in Russian).

Luhmann N. Globalizacija mirovogo soobshhestva: Kak sleduet ponimat' sovremennoe obshhestvo [Globalization of the world community: the way contemporary societyshould be understood systematically] // Sociologija na poroge XXI veka: Novye napravlenija issledovanij. M., 1998 (in Russian).

Mills Ch.W. Vlastvujushhaja jelita [The Power Elite] M., 2007 (in Russian).

Nacional'naja ideja Rossii: V 6 t. T. 3. M., 2012 (in Russian).

North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. Nasilie i social'nye porjadki. Konceptual'nye ramki dlja interpretacii pis'mennoj istorii chelovechestva [Violence and social orders. A conceptual Framework for interpreting recorded human history]. M., 2011 (in Russian).

Nurev R.M. Ocherki po istorii institucionalizma. Rostov n/D., 2014 (in Russian).

Oujen R. Kniga o novom nravstvennom mire. Izbr. soch.: V 2-h. T. 2. M.-L., 1950 (in Russian).

Prudon P. Chto takoe sobstvennost'. M., 1919 (in Russian).

Rozanov V.V. Uedinennoe. M., 1990. T. 2 (in Russian).

Social'noe neravenstvo i publichnaja politika. M., 2007 (in Russian).

Stiglitz J.E. Cena neravenstva. Chem rassloenie obshhestva grozit nashemu budushhemu. [The price of inequality: how today's divided society endangers our future]. M., 2015 (in Russian).

Torando E.E. Sociologija sobstvennosti. SPb., 2001 (in Russian).

Leturno Sh. Jevoljucija sobstvennosti. M., 2012 (in Russian).

Veblen T. Teorija prazdnogo klassa [The Theory of the Leisure Class]. M., 2018 (in Russian).

Viktorov A.Sh. Vvedenie v sociologiju neravenstva. M., 2015 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2019-25-1-29-41

СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО В СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ЗИГМУНТА БАУМАНА*

Т.С. Мартыненко, канд. социол. наук, ст. преп. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, МГУ, д. 1. стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234**

Статья посвящена концепции социального неравенства британского социолога Зигмунта Баумана (1925–2017). Прослеживается трансформация взглядов социолога на проблему социального неравенства. В статье также анализируется влияние творчества З. Баумана на современную социологическую теорию, обозначается круг основных тем и вопросов. На основе биографического и методологического критериев в творчестве З. Баумана выделяются несколько периодов.

Варшавский период (Польша) характеризуется влиянием марксизма и рассмотрением социального неравенства при помощи классового подхода. Публикации, изданные на польском языке, не вызвали интереса у социологического сообщества, но послужили точкой отсчета в творчестве З. Баумана. В Лидский период (Великобритания) британский социолог значительно пересматривает методологические основания своей теории. Ключевыми понятиями второго периода становятся «"текучая" современность», "доступ", "потребление". На смену понятиям "класс" и "труд" приходят "новые бедные", существующие в неустойчивых сообществах и вынужденные конструировать собственную идентичность через потребление. Важным компонентом этой трансформации становится процесс индивидуализации. Доступ к перемещениям, производству культуры, информации, отсутствие собственности как отягощающего фактора отличают современные элиты.

Позже автор активно использует понятие "постмодерн", а также обращается к таким категориям, как "нарратив", "рефлексивность" и "идентичность". От объективных характеристик социального положения автор обращается к анализу восприятия субъектами социальных отношений своего положения в обществе. Для описания этой субъективной оценки З. Бауман вводит понятия "рассказанные жизни" и "прожитые истории".

Социальное неравенство поддерживается, конструируется и воспроизводится через совокупность установок, распространенных в современных

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект "Новые формы социального неравенства и особенности их проявления в современной России", № 18-011-01106.

** **Мартыненко Татьяна Сергеевна,** e-mail: ts.martynenko@gmail.com

обществах. Информационная революция не улучшает положение бедных слоев, но оборачивается дальнейшим ухудшением положения, углублением неравенства и эксклюзией. Тем не менее, "обреченность на свободу" позволяет, по мнению З. Баумана, утверждать, что социальное неравенство не является единственно возможной судьбой человечества.

Ключевые слова: *современная социология, социальное неравенство, З. Бауман, доступ, "текучая" современность, постмодернизм, индивидуализация, идентичность.*

SOCIAL INEQUALITY IN THE ZIGMUNT BAUMAN'S SOCIOLOGICAL THEORY

Martynenko Tatyana S., Assistant of the Department of Contemporary Sociology, Faculty of sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: ts.martynenko@gmail.com

The article is devoted to the concept of social inequality of the British sociologist Zygmunt Bauman (1925–2017). The transformation of the views of the sociologist into the problem of social inequality is traced. The article also analyzes the influence of Z. Bauman's work on modern sociological theory, and identifies a range of basic topics and questions. Based on the biographical and methodological criteria in the work of Z. Bauman, several periods are singled out.

The Warsaw period (Poland) is characterized by the influence of Marxism and consideration of social inequality through a class approach. Publications published in Polish did not arouse the interest of the sociological community, but served as a starting point in the work of Z. Bauman. In the Leeds period (Great Britain), the British sociologist significantly reconsiders the methodological foundations of his theory. The key concepts of the second period are «"fluid" modernity», "access", "consumption". The notions of "class" and "labour" are replaced by "new poor" existing in unstable communities and forced to construct their own identity through consumption. The important component of this transformation is the process of individualization. Access to displacement, production of culture, information, lack of property as an aggravating factor is distinguished by modern elites.

Later, the author actively uses the concept of "postmodern", and also refers to such categories as "narrative", "reflexivity" and "identity". From the objective characteristics of social position, the author turns to an analysis of the perception of the situation in social relations by the subjects of social relations. To describe this subjective assessment Z. Bauman introduces the concepts of "told lives" and "lived stories". Social inequality is maintained, constructed and reproduced through a set of attitudes prevalent in modern societies. The information revolution does not improve the situation of the poor, but leads to further deterioration of the situation, deepening inequality and exclusion. Nevertheless, "fatality on freedom" allows, according to Z. Bauman, to argue that social inequality is not the only possible fate of mankind.

Key words: *modern sociology, social inequality, Z. Bauman, access, "liquid" modernity, postmodern, individualization, identity.*

Одним из авторов, оказавших значительное влияние на современную социологическую теорию, является широко известный британский социолог польского происхождения Зигмунт Бауман (1925–2017). Как отмечает российский социолог С.П. Баньковская, "современную социологию и, пожалуй, еще шире — социальную теорию — невозможно представить себе без трудов Зигмунта Баумана"[1]. Творческий путь З. Баумана длился более 50 лет. Первые книги ученого, посвященные британскому социализму[2] и анализу основных вопросов демократического централизма в работах В.И. Ленина[3], были опубликованы в Варшаве еще в 1956 г. и 1957 г. соответственно. И в последние годы жизни британский социолог принимал активное участие в жизни научного сообщества, возглавляя 12-ю конференцию Европейской социологической ассоциации (European Sociological Association), проходившую в 2015 г. и посвященную проблеме социального неравенства: "Различия, неравенства и социологическое воображение" ("Differences, Inequalities and Sociological Imagination")[4]. На протяжении своего творческого пути З. Бауман постоянно обращался к проблеме социального неравенства, многократно пересматривая понятийно-категориальный аппарат и исследуя новые аспекты этой проблемы. Тем интереснее проследить развитие концепции социального неравенства от классового анализа и марксистских установок к подходу, основанному на современных технологиях, доступе, "текучей современности", глобализации, потреблении и индивидуализации.

За это время британский социолог опубликовал более 50 книг и сборников статей. Его творчество стало предметом многочисленных публикаций[5]. Исследователи творчества З. Баумана фактически единогласно выделяют несколько периодов, которые тесно связаны с

---

[1] *Баньковская С.П.* Прощальный взгляд на постсовременность: между "свободой" и "безопасностью". Зигмунт Бауман (1925–2017) // Социологическое обозрение. 2017. Т. 16. № 1. С. 326–329.

[2] См.: *Bauman Z.* Socjalizm Brytyjski. Warszawa, 1956.

[3] См.: *Bauman Z.* Zagadnienia Centralizmu Demokratycznego w Pracach Lenina. Warszawa, 1957.

[4] 12th Conference of the European Sociological Association. 25–28 August 2015. Differences, Inequalities and Sociological Imagination. URL: http://www.esa12thconference.eu/ (accessed: 10.08.2018).

[5] См.: *Beilharz P.* Zygmunt Bauman: dialectic of modernity. L., 2000; *Best S.* Zygmunt Bauman: why good people do bad things. Farnham, 2013; *Davis M.* Freedom and consumerism: a critique of Zygmunt Bauman's sociology. Aldershot, 2008; *Smith D.* Zygmunt Bauman: prophet of postmodernity (key contemporary thinkers). Cambridge, 2000; *Tester K.* The social thought of Zygmunt Bauman. L., 2004; *Tester K., Jacobsen M.H.* Bauman before postmodernity: invitation, conversations and annotated bibliography 1953–1989. Aalborg, 2006; *Tester K., Jacobsen M.H., Marshman S.* Bauman beyond postmodernity: conversations, critiques and annotated bibliography 1989–2005. Aalborg, 2007; The new Bauman reader: thinking sociologically in liquid modern times / Ed. by T. Blackshaw. Manchester, 2016.

биографией британского социолога[6]. З. Бауман родился в Польше, но в годы войны был вынужден эмигрировать. Наибольшее влияние на первые работы З. Баумана оказал марксизм. Ученый неоднократно подчеркивал, что значимыми для него были труды представителей гуманистического марксизма, критической теории и А. Грамши[7]. Научные интересы польского социолога в период с конца 50-х до начала 80-х гг. XX в. (Варшавский период) выстраивались вокруг изучения рабочего движения и классовых отношений. Главной работой этого периода является книга "Между классом и элитой. Эволюция британского рабочего движения. Социологическое исследование"[8], вышедшая в 1959 г. на польском и в 1972 г. на английском языке. Книга посвящена рассмотрению происхождения рабочего движения в Великобритании и охватывает период с 1750 по 1955 г. Выделяя четыре периода трансформации этого движения, З. Бауман последовательно описывает его структуру и особенности. Социальное неравенство в этот период описывается в терминах марксистского подхода, в котором ключевыми элементами анализа выступают классы, организованные на основе отношений собственности.

Позже социолог вновь был вынужден, в частности по причине своих критических взглядов, покинуть Польшу и эмигрировать в Израиль, где с 1968 по 1971 г. работал в университетах Тель-Авива и Хайфы. С 1971 г. начинается британский период, связанный с работой в Университете Лидса. С 80–х гг. XX в. книги и статьи З. Баумана начинают выходить на английском языке, что приносит автору мировую известность и признание. В это время социолог значительно пересматривает марксистский подход к социальному неравенству, обозначая тем самым новый период своего творчества, совпадающий с началом активной деятельности в Лидсе, где он будет работать до выхода на пенсию в 1991 г.

Ключевой работой начала Лидского периода является книга "Воспоминания о классе: предыстория и загробная жизнь класса"[9]. Вопреки названию книги, социолог отказывается не от понятия "рабочий класс", но от классового анализа как единственно возможного подхода к изучению социального неравенства и социальной справедливости. Как писал З. Бауман, "Проблема неравенства все еще существует. Но она не связана только лишь с проблемой рабочего

---

[6] См.: *Kilminster R., Varcoe I.* Sociology, postmodernity and exile: an interview with Zygmunt Bauman // Bauman Z. Intimations of Postmodernity. L., 1991; *Tester K.* The social thought of Zygmunt Bauman. L., 2004.

[7] См., напр.: *Kilminster R., Varcoe I.* Op. cit. P. 205–207.

[8] См.: *Bauman Z.* Between class and elite: the evolution of the British labour movement: a sociological study. Manchester, 1972.

[9] *Kilminster R., Varcoe I.* Op. cit. P. 206.

класса”[10]. В более поздний период своего творчества, формулируя теорию индивидуализированного общества, британский социолог обозначит классовый анализ как подход, необходимый для периода неравного распределения ресурсов: “Оглядываясь назад, можно сказать, что классовое деление (или разделение общества по признаку пола) было побочным следствием неравного доступа к ресурсам, открывавшим возможности для эффективного самоутверждения личности”[11].

По мнению З. Баумана, в современном обществе труд перестает быть основной всех остальных отношений: социолог указывает на изменение трудового характера современного общества на посттрудовой. Изучение бедности и проблемы социального неравенства больше не может опираться на исследование организованного труда. Природа труда изменилась. По мнению З. Баумана, труд все чаще предстает в формах неполной занятости, приобретает свойство эпизодичности.

В 90-е гг. XX в. на смену понятию “труд” в социологической теории З. Баумана приходит понятие “потребление”. Труд и сопровождающая его собственность перестают быть основными критериями социального неравенства в современном обществе. Собственность и труд не только не дают преимущества, но и имеют отягощающее влияние на субъекта. Отказ от понятия “труд” стал отправной точкой обращения автора к сфере культуры.

Основные положения концепции социального неравенства, базирующейся на отказе от сферы труда как определяющей для современного общества, З. Бауман представил в работе “Труд, консюмеризм и новые бедные”[12]. Труд, по мнению социолога, базировался на трудовой этике, которая предполагает наличие двух явных предпосылок и двух негласных. Первая предпосылка заключается в том, что для того, чтобы получить что-то, необходимо оставаться живым и счастливым и делать то, что воспринимается другими как ценное и достойное вознаграждения. Вторая посылка предполагает, что нельзя быть удовлетворенным тем, чем уже владеешь. “Работать — хорошо, не работать — зло”[13], заключает социолог. Неявной посылкой является то, что все, чем владеет индивид, является отражением его прошлых заслуг и выражает его готовность работать дальше. Другая неявная посылка предполагает, что труд вознаграждается, если имеет значение и ценность. По мнению З. Баумана, эти положения характеризуют трудовую этику такого типа общества, который мы называем современным.

---

[10] *Kilminster R., Varcoe I.* Op. cit. P. 206.

[11] *Бауман З.* Индивидуализированное общество. М., 2005. С. 57.

[12] См.: *Bauman Z.* Work, consumerism and new poor. Philadelphia, 1998.

[13] Ibid. P. 5.

Конечной целью следования подобной трудовой этике является улучшение положения человечества в целом. Развитие индустриального общества превращало все общество в подобие огромной фабрики, где труд каждого должен был использоваться продуктивно. Труд являлся не только характеристикой общества, но и основой индивидуальной жизни конкретного индивида[14]. Амбиции, самооценка, стандарты жизни — все выстраивалось вокруг трудовой деятельности. Как пишет З. Бауман, "работа была главным ориентиром, в соответствии с которым все остальные занятия могли планироваться и направляться"[15]. В то же время функции труда заключались в социальной интеграции и контроле. Поскольку большую часть жизни люди стали проводить на работе, в рамках подобных "паноптических институтов" проходило закрепление социальных норм, правил, формировался характер. Бедные и безработные люди символизировали собой самые большие страхи и тревоги человека.

Наряду с формированием трудовой этики возникало новое представление о потреблении. "Вместо того чтобы утверждать, что трудовые усилия ведут к лучшему образу жизни, теперь их рекламировали как средство заработать больше денег"[16]. Приоритетом становится "больше", вместо "лучше". Мерилом качества жизни становится доход. В этих условиях сформировался основной конфликт индустриального общества, заключающийся в противопоставлении автономии и свободы. Желание достигнуть большей автономии приводило к необходимости иметь больший доход, что больше ограничивало свободу индивида.

Характеризуя общество конца XX — начала XXI в. как общество потребления, З. Бауман подчеркивает, что это означает, что самой важной ролью индивида становится роль потребителя. Производители и потребители были всегда, но смещение акцента с первых на вторых, по мнению социолога, произвело значительный сдвиг в устройстве общества. Современное общество характеризуется не трудовой этикой, а эстетикой потребления. Неудавшиеся потребители в современном мире представляют собой новую разновидность неимущих. "Недоступность шоппинга является кровоточащим и болезненным стигматом неполноценной жизни, знаком никчемности и собственного ничтожества"[17].

Важным аспектом этой трансформации и ключевым положением концепции социального неравенства З. Баумана становится индивидуализация. В отличие от производства, которое может

---

[14] *Bauman Z.* Work, consumerism and new poor. P. 17.

[15] Ibid. P. 17.

[16] Ibid. P. 21.

[17] *Бауман З.* Идет ли богатство немногих на пользу всем прочим? М., 2015. С. 68–69.

осуществляться коллективно и совместно, потребление по природе своей индивидуализировано. «Не существует такого явления, как "коллективное потребление"»[18]. Тотальность этих изменений фиксируется З. Бауманом в способах конструирования идентичности. На первый план выходит мода, в рамки которой индивиды стремятся интегрироваться. Те же институты, которые были проводниками трудовой этики, начинают распространять культуру потребления. Потребление начинает выполнять функции интеграции и социального контроля. Традиционные механизмы формирования идентичности призывали индивидов соответствовать конкретным нормам. Общество потребления заставляет индивидов конструировать собственную идентичность. При этом ответственность за выбор ложится на индивида. Идентичность, основанная на трудовой деятельности, была стабильной и последовательной. Идентичности нового общества изменчивы, подвижны и нестабильны.

Значимую роль в оформлении концепции социального неравенства британского социолога играет метафора "текучести" современности. По мнению З. Баумана, на смену устойчивым формам "тяжелой современности" приходят новые, не обладающие подобными свойствами. Метафора "текучести" легла в основу цикла книг, демонстрирующих трансформацию современного общества и его переход к новому состоянию[19]. Страхи, любовь, жизнь и, в конечном итоге, вся наша действительность становятся изменчивыми. Важнейшая категория современного существования — неопределенность.

Новые условия труда привели к формированию новых требований, предъявляемых рабочим. Стабильная "фордистская" модель организации труда замещается требованиями гибкости, мобильности, быстрой адаптации к меняющимся условиям. Создавая образ "поселенцев" и "кочевников"[20], который впоследствии будет широко использоваться, З. Бауман подчеркивает "текучесть" современного мира и неадекватность ранее успешных моделей поведения.

В 90-е гг. XX в. автор активно использует понятие "постмодерн", а также обращается к таким категориям, как "нарратив", "рефлексивность" и "идентичность". От объективных характеристик социального положения автор обращается к анализу восприятия субъектами социальных отношений своего положения в обществе. Для описания этой субъективной оценки З. Бауман вводит понятия "рассказанные жизни" и "прожитые истории". Конструктивистский

---

[18] *Bauman Z.* Work, consumerism and new poor. P. 30.

[19] См.: *Bauman Z.* Liquid modernity. Cambridge, 2000; *Idem.* Liquid love: on the frailty of human bonds. Cambridge, 2003; *Idem.* Liquid life. Cambridge, 2005; *Idem.* Liquid fear. Cambridge, 2006; *Idem.* Liquid times: living in an age of uncertainty. Cambridge, 2006; *Idem.* Culture in a liquid modern world. Cambridge, 2011.

[20] *Bauman Z.* Work, consumerism and new poor. P. 62.

элемент теории британского социолога раскрывает себя через эти понятия, поскольку "как это ни парадоксально, истории, рассказанные о жизни, вмешиваются в прожитую жизнь еще до того, как она проживается и о ней становится возможным рассказать"[21]. Основу для рассказанных историй составляет процесс артикуляции, благодаря которому происходит воплощение опыта в рассказе. «Сущность "социального порядка" заключена в перераспределении, в дифференцированном размещении ресурсов и стратегий трансцендентности, произведенных культурой, а задача всех социальных порядков состоит в регулировании доступности этих ресурсов и в превращении ее в главный фактор стратификации и важнейшую меру социально обусловленного неравенства»[22].

Рассмотрение социального неравенства в условиях "текучей современности" происходит с опорой на понятие "доступ". Понятие "доступ" впервые появляется в социологических теориях во второй половине XX в.[23] На рубеже XX–XXI вв. становится популярным в западных социологических теориях, ориентированных, прежде всего, на изучение влияния развития информационно-коммуникативных технологий на современные общества. Если в теориях Дж. Рифкина[24] и Я. Ван Дейка[25] доступ означает, прежде всего, технологическую включенность индивида в сети отношений, то З. Бауман трактует его значительно шире. Понятие "доступ" описывается в терминах мобильности, культуры и вовлеченности. Учитывая значение технологий, британский социолог не считает их ключевым критерием социального неравенства.

З. Бауман постулирует разрыв между теми, кто живет в мире труда и собственности, зафиксированном в локальном пространстве, и теми, кто живет в глобальном мире, где собственность утратила прежнее значение. Первые ("поселенцы") все еще в трудовом обществе, в то время как вторые ("кочевники") его покинули: "Труд вместе с тем, остается таким же неподвижным, каким он был в прошлом, но место, к которому однажды, как ожидалось, он будет привязан раз и навсегда, потеряло свою былую надежность; в напрасном поиске каменистого дна якорь падает на рыхлый песок. Некоторые из

---

[21] *Бауман З.* Индивидуализированное общество. М., 2005. С. 8.

[22] Там же. С. 5.

[23] *Полякова Н.Л.* Социальное неравенство в социологических теориях второй половины XX в. Оформление конструктивистской перспективы // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 1. С. 8.

[24] См.: *Мартыненко Т.С.* Трансформация социального неравенства в "эпоху доступа" // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2018. № 43; *Артемова Т.С.* Понятие "доступ" в социологической теории Джереми Рифкина // Социология. 2012. № 3.

[25] См.: *Мартыненко Т.С.* Концепция цифрового разрыва Я. ван Дейка // Информационное общество. 2018. № 6.

жителей мира находятся в движении; для других сам мир отказывается оставаться неподвижным"[26]. Фактически британский социолог описывает два мира, тесно связанных друг с другом, но обладающих принципиально иными характеристиками.

На смену "собственности" приходит "доступ": «Неравенство в доступе к мгновенности является важнейшим среди современных версий этой вечной и нерушимой основы социального разделения во всех ее исторически изменяющихся формах: неравный доступ к непредсказуемости и, следовательно, к свободе… В "жидкой" современности правят те, кто наиболее неуловим и свободен передвигаться без предупреждения»[27]. "Скорость движения сегодня стала более важным, возможно главным, фактором социальной стратификации и иерархии доминирования"[28].

Акцент на пространственных характеристиках социальной реальности приводит З. Баумана к анализу городских пространств. Социолог описывает формирование новых элит за счет "добровольной изоляции", которая выражается в создании в городской среде особых территорий, общего доступа к которым не существует. Социальная структура материализуется через организацию пространства. Доступ служит не для создания общности, а скорее для изоляции и отделения от других. Возникает новый Паноптикон: «Главной функцией Паноптикона было гарантировать, чтобы никто не вырвался из тщательно охраняемого пространства; главная же функция базы данных — в том, чтобы никто посторонний не попал в нее, не имея соответствующих "верительных грамот" или подделав их. Чем больше информации о вас содержится в базе данных, тем большей свободой передвижения вы обладаете»[29].

В современном обществе собственность не только перестала играть роль главного фактора социальной стратификации, но и имеет отягощающее влияние на субъекта. Символом "тяжелой" современности является Дж. Рокфеллер, в то время как "текучая" современность требует иных качеств, потому список богатейших людей мира возглавляют такие, как Б. Гейтс. Сравнивая их, З. Бауман пишет: "Замечательное превращение состоит в том, что именно высокопоставленные и могущественные люди наших дней избегают долговечности и лелеют мимолетность, в то время как находящиеся у основания социальной пирамиды, несмотря ни на что, изо всех сил отчаянно пытаются продлить существование своего ничтожного и недолговечного имущества и подольше пользоваться им"[30]. В обще-

---

[26] *Бауман З.* Текучая современность. СПб., 2008. С. 66.

[27] Там же. С. 131.

[28] Там же. С. 163.

[29] Там же. С. 76.

[30] Там же. С. 20–21.

стве, отказавшемся от собственности как основного источника прибыли, этим источником становятся идеи и новации.

Новыми субъектами социального неравенства и одновременно структурными компонентами "текучей современности" становятся "сообщества", представляющие собой свободные и нестабильные объединения, которые распадаются так же быстро, как и появляются. Сегодня покупка товара не является больше удовлетворением потребности в этом товаре, а служит критерием для причисления к социальной группе. «"Сообщество" — одно из важнейших преимуществ, учитывающихся при покупке»[31]. Британский социолог подчеркивает идентификацию индивида с потребляемыми им товарами и услугами. Эта идентификация активно транслируется и поддерживается рекламой. «Возникающие сообщества имеют различные цвета и размеры, но, если их распределить по веберовской оси, простирающейся от "легкого плаща" до "железной клетки", они все находятся очень близко к первому полюсу»[32]. Так, в вопросе эволюции взглядов З. Баумана на субъектов отношений неравенства наблюдаем переход от более строгих, устойчивых, "твердых" классов через индивидуализацию к "текучим" сообществам. Неспособность последних к организованному политическому действию усугубляет неравенство.

В то же время З. Бауман обращается к исследованию влияния информационно-коммуникативных технологий на социальное неравенство. По мнению социолога, для бедных информационная революция оборачивается дальнейшим ухудшением положения, углублением неравенства и эксклюзией. Культурно индивидуализированные, замкнутые в собственном узком опыте "старые бедные" превращаются в "новых бедных" будучи лишены возможности организованного политического действия по защите общих интересов. "Выброшенные жизни. Современность и ее изгои"[33], "Сопутствующий ущерб: социальные неравенства в глобальную эпоху"[34] — эти и другие работы З. Баумана демонстрируют то особое место, которое занимают "лишние люди".

Неравенство, по мнению британского социолога, не является единственной возможностью человечества. "Обреченность на свободу" ставит перед обществом возможность выбора. Опираясь на концепцию социального неравенства и справедливости британского ученого Д. Дорлинга, З. Бауман утверждает, что в основе социального неравенства лежат установки о приемлемости существующего со-

---

[31] *Бауман З.* Текучая современность. С. 101.

[32] Там же. С. 182.

[33] См.: *Bauman Z.* Wasted lives: modernity and its outcasts. Cambridge, 2004.

[34] См.: *Bauman Z.* Collateral damage: social inequalities in a global age. Cambridge, 2011.

циального порядка. Эти установки, которые включают в том числе предрассудки и стереотипы, поддерживаются элитами и настолько укоренены в общественном сознании, что подвергаются чрезвычайно медленной трансформации. Тем не менее, роль социологии заключается в формировании альтернативных представлений об общественном устройстве. "Социология была рождена стремлением общества эпохи модерна сделать это общество лучше"[35].

Теория З. Баумана и в том числе его концепция социального неравенства получили различные интерпретации в социологии. Представляется, что наиболее емко позицию британского ученого охарактеризовала российский социолог Н.Л. Полякова, которая отмечает, что теория З. Баумана представляет собой сочетание "постмодернизма с критической теорией"[36].

Проведенный анализ позволяет выявить основные характеристики концепции социального неравенства З. Баумана. Переняв от марксистского подхода критическую позицию, британский социолог отказывается от собственности и труда как источников социального неравенства. В обществе и социологической теории происходит переход от определяющей роли сферы производства к потреблению: быть потребителем означает быть включенным в сообщества, быть их членом. Информационные технологии меняют требования, предъявляемые современному человеку. Образовывается два новых "мира", где элиты, обладающие возможностью безграничного доступа к мобильности и мгновенности, включены в глобальное социальное пространство, а массы — привязаны трудом к собственности, к точке в географическом пространстве. "Обреченность" субъектов на свободу фиксирует возможность трансформации и конструирования системы социального неравенства путем преодоления установок, оправдывающих существующий социальный порядок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Артемова Т.С. Понятие "доступ" в социологической теории Джереми Рифкина // Социология. 2012. № 3.

Баньковская С.П. Прощальный взгляд на постсовременность: между "свободой" и "безопасностью". Зигмунт Бауман (1925–2017) // Социологическое обозрение. 2017. Т. 16. № 1.

Бауман З. Идет ли богатство немногих на пользу всем прочим? М., 2015.

Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2005.

Бауман З. Текучая современность. СПб., 2008.

---

[35] *Bauman Z.* Collateral damage. Social inequalities in a global age. P. 160.

[36] *Полякова Н.Л.* Социальное неравенство в социологических теориях второй половины XX века. Оформление конструктивистской перспективы // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 1. С. 23.

Мартыненко Т.С. Концепция цифрового разрыва Я. ван Дейка // Информационное общество. 2018. № 6.

Мартыненко Т.С. Трансформация социального неравенства в "эпоху доступа" // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 43.

Полякова Н.Л. Социальное неравенство в социологических теориях второй половины XX века. Оформление конструктивистской перспективы // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 1.

REFERENCES

12th Conference of the European Sociological Association. 25–28 August 2015. Differences, Inequalities and Sociological Imagination. URL: http://www.esa12thconference.eu/ (accessed: 10.08.2018).

Artemova T.S. Ponyatie "dostup" v sotsiologicheskoi teorii Dzheremi Rifkina [The concept "access" in the J. Rifkin's sociological theory] // Sotsiologiya. 2012. N 3 (in Russian).

Ban'kovskaya S.P. Proshchal'nyi vzglyad na postsovremennost': mezhdu "svobodoi" i "bezopasnost'yu". Zigmunt Bauman (1925–2017) [Farewell to the postmodernity: between "freedom" and "security". Zygmunt Bauman (1925–2017)] // Sotsiologicheskoe obozrenie. 2017. T. 16. N 1 (in Russian).

Bauman Z. Between class and elite: the evolution of the British labour movement: a sociological study. Manchester, 1972.

Bauman Z. Collateral damage: social inequalities in a global age. Cambridge, 2011.

Bauman Z. Culture in a liquid modern world. Cambridge, 2011.

Bauman Z. Idet li bogatstvo nemnogikh na pol'zu vsem prochim? [Is the wealth of the few beneficial to all others?] M., 2015 (in Russian).

Bauman Z. Individualizirovannoe obshchestvo [Individualized society]. M., 2005 (in Russian).

Bauman Z. Liquid fear. Cambridge, 2006.

Bauman Z. Liquid life. Cambridge, 2005.

Bauman Z. Liquid love: on the frailty of human bonds. Cambridge, 2003.

Bauman Z. Liquid modernity. Cambridge, 2000.

Bauman Z. Liquid times: living in an age of uncertainty. Cambridge, 2006.

Bauman Z. Socjalizm Brytyjski. Warszawa, 1956.

Bauman Z. Tekuchaya sovremennost' [Liquid modernity]. SPb., 2008 (in Russian).

Bauman Z. Wasted lives: modernity and its outcasts. Cambridge, 2004.

Bauman Z. Work, consumerism and new poor. Philadelphia, 1998.

Bauman Z. Zagadnienia centralizmu demokratycznego w pracach Lenina. Warszawa, 1957.

Beilharz P. Zygmunt Bauman: dialectic of modernity. L., 2000.

Best S. Zygmunt Bauman: why good people do bad things. Farnham, 2013.

Davis M. Freedom and consumerism: a critique of Zygmunt Bauman's sociology. Aldershot, 2008.

Kilminster R., Varcoe I. Sociology, postmodernity and exile: an interview with Zygmunt Bauman // Bauman Z. Intimations of Postmodernity. L., 1991.

Martynenko T.S. Kontseptsiya tsifrovogo razryva Ya. van Deika [The Van Dijk J.'s concept of digital divide] // Informatsionnoe obshchestvo. 2018. N 6 (in Russian).

Martynenko T.S. Transformatsiya sotsial'nogo neravenstva v "epokhu dostupa" [Transformation of social inequality in the "age of access"] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya. 2018. N 43 (in Russian).

Polyakova N.L. Sotsial'noe neravenstvo v sotsiologicheskikh teoriyakh vtoroi poloviny XX veka. Oformlenie konstruktivistskoi perspektivy [Sociological theories of social inequality in the second part of 20th century. Constructivist perspective] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya. 2015. N 1 (in Russian).

Smith D. Zygmunt Bauman: prophet of postmodernity (key contemporary thinkers). Cambridge, 2000.

Tester K. The social thought of Zygmunt Bauman. L., 2004.

Tester K., Jacobsen M.H. Bauman before postmodernity: invitation, conversations and annotated bibliography 1953–1989. Aalborg, 2006.

Tester K., Jacobsen M.H., Marshman S. Bauman beyond postmodernity: conversations, critiques and annotated bibliography 1989–2005. Aalborg, 2007.

The new Bauman reader: thinking sociologically in liquid modern times / Ed. by T. Blackshaw. Manchester, 2016.

СОЦИОЛОГИЯ МЕДИЦИНЫ

DOI: 10.24290/1029-3736-2019-25-1-42-61

ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ СОЦИОЛОГИИ МЕДИЦИНЫ КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО НАУЧНОГО НАПРАВЛЕНИЯ

А.В. Лядова, канд. ист. наук, доц. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, МГУ, д. 1. стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

В статье рассматриваются особенности становления социологии медицины как отрасли социологической науки. Автор указывает, что в системе современного социологического знания социология медицины представляет одно из актуальных направлений в исследовании социальных аспектов здоровья, болезни, медицины как социального института, что обусловлено важностью и значимостью этих тем в условиях современного социума. Рассматривая основные этапы развития социологии медицины, автор отмечает, что первые шаги в становлении этой научной отрасли были предприняты представителями медицины, что предопределило прикладной характер проводимых исследований. Дальнейшее накопление эмпирических знаний по вопросам здоровья вызвало необходимость их теоретического осмысления. Особая заслуга в этом принадлежит представителям американской социологии: Т. Парсонсу, Э. Фрейдсону, Э. Гоффману, Г. Беккеру, Р. Мертону и др. Впервые "социологическое прочтение" медицины было предложено в работе Т. Парсонса "Социальная система", в которой был представлен структурно-функциональный анализ медицины как социального института. После этого стало очевидно, что социология медицины может развиваться не только как прикладная, но и как теоретическая область научных исследований. Как отмечают А.В. Решетников, У. Кокерхам, С. Блум, процесс институционализации социологии медицины завершается во второй половине XX в. в Европе и Америке, а в конце XX — начале XXI в. —в России. В основе исследования проблемного поля социологии медицины лежат такие теоретические подходы социологии, как символический интеракционизм, структурный функционализм, социальный конструктивизм. В заключении автор отмечает, что социология медицины, как любая сфера научного знания, динамично реагирует на происходящие изменения социальной реальности, ее структуры, социальных институтов. Вследствие этого влияния происходит расширение исследовательского поля социологии

* **Лядова Анна Васильевна,** e-mail: annaslm@mail.ru

медицины. Среди актуальных направлений такие вопросы, как социальное неравенство в отношении здоровья, особенности развития цифрового здравоохранения, новые практики в отношении здоровья, трансформация ценности здоровья в постиндустриальном обществе, фармацетикализация, биомедикализация и др.

Ключевые слова: *социология медицины, отрасль социологии, институционализация, медицина как социальный институт, американская социология, концепция "роли больного".*

THE PECULIARITIES OF THE DEVELOPMENT OF SOCIOLOGY OF MEDICINE AS THE INTERDISCIPLINARY SCIENTIFIC DIRECTION

Liadova Anna V., Associate Professor, PhD in History, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Sociology, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: annaslm@mail.ru

The article examines the main trends in the development of sociology of medicine as a branch of sociology. As it is pointed out by the author, nowadays sociology of medicine is an actual scientific course about social aspects of health and illness, medicine as a social structure. All these items are important under the modern social development. Based on the analysis of the main stages in the history of sociology of medicine, the author notes the contribution of physicians to this process and practical meaning of early studies. The accumulation of empirical knowledge on health led to the theoretical comprehension, that was done by American sociologists, such as T. Parsons, E. Freidson, E. Goffman, H. Becker, R. Merton, and others. The author pays special attention to the study of T. Parsons "The Social System", in which a structural and functional analysis of medicine as a social institution was presented. After it became obvious that the sociology of medicine can develop not only as an applied field of scientific research, but also a theoretical one. As A.V. Reshetnikov, W. Cockerheim, S. Bloom note, the process of institutionalization of the sociology of medicine ends in the second half of the 20th century in Europe and America, at the end of the 20th and beginning of the 21st centuries in Russia. The main trends in studies around sociology of medicine are based on such theoretical approaches of sociology as symbolic interactionism, structural functionalism, social constructionism. In conclusion, the author underlines that, the sociology of medicine, like any field of scientific knowledge, reacts dynamically to the ongoing changes in social reality, its structure, social institutions. As a result of this influence, the research field of the sociology of medicine is expanding. Among the topical issues are social inequality in health, the features of the development of digital health, new practices in health, transformation of the value of health in the post-industrial society, pharmaceticisation, biomedicalization, etc.

Key words: *sociology of medicine, branch of sociology, institutionalization, medicine as a social institution, American sociology, the concept of "the role of the patient".*

В условиях трансформирующегося социума, характеризуемого исследователями как общество риска[1], когда под влиянием индустриализации и технологий модернизационные процессы ведут к усложнению структуры социальных взаимодействий, тем самым увеличивая степень неопределенности настоящего, здоровье как важнейшая жизненная ценность, как социальный капитал приобретает особую значимость. Поэтому закономерным является интерес научного сообщества к вопросам обусловленности здоровья в современном социуме, создания эффективной системы организации медицинской помощи для сохранения и укрепления как индивидуального, так и общественного здоровья.

В системе современного социологического знания одним из актуальных направлений в исследовании социальных аспектов здоровья, болезни, медицины как социального института является социология медицины. Это относительно новая отрасль в отечественной социологии, но приобретающая в современных условиях особую значимость, что обусловлено важностью основных тем, которые исследуются в рамках данного направления: трансформация института медицины и его влияние на функционирование социума, социальная обусловленность здоровья и болезни, особенности субъективного отношения к своему здоровью и факторы его формирующие и т.п.

Исходя из названия, очевидно, что социология медицины сформировалась на стыке двух наук: социологии и медицины. Но по сравнению с ними социология медицины — относительная молодая научная дисциплина. Один из основоположников отечественной школы социологии медицины А.В. Решетников[2] выделяет четыре этапа в процессе становления социологии медицины:

1) ранний период (зарождение дисциплины) — XVII–XIX вв.;

2) период формирования (начало XX в. — до Первой мировой войны);

3) период становления (20-е — 40-е гг. XX в., период между Первой и Второй мировыми войнами);

4) период развития как самостоятельной дисциплины (50–80-е гг. XX в.).

Зарубежные исследователи У. Кокерхам[3], С. Блум[4] относят начало становления и развития социологии медицины к 1940–1950-м гг.,

---

[1] *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000; *Луман Н.* Понятие риска // Альманах THESIS. 1994. № 5. С. 135–160; *Giddens A.* The consequences of modernity. Cambridge, 1992.

[2] *Решетников А.В.* Социология медицины: становление, идеи, задачи // Вестник Российской Академии наук. 2001. Т. 71. № 12. С. 1069–1071.

[3] *Cockerham W.C.* Health sociology in a globalizing world // Política y Sociedad. 2011. Vol. 48. N 2. C. 235–248. DOI: 10.5209/rev_POSO.2011.v48.n2.1.

[4] *Bloom S.W.* Institutional trends in medical sociology // Journal of Health and Social Behavior. 1986. Vol. 27. N 3. P. 265–276.

когда вопросы здоровья, болезни оказываются в центре внимания именно социологического сообщества.

Несмотря на разные подходы к определению начального периода становления социологии медицины, следует отметить, что попытки социологического осмысления вопросов медицинской практики, состояния здоровья населения относятся еще к эпохе Нового времени, когда под влиянием общественно-политических либеральных движений происходит реформирование социальной сферы. Новые социальные идеи становятся заметны с начала XVIII в. в разных странах как следствие воздействия новых экономических отношений на положение, прежде всего, неимущих слоев населения[5].

К одной из наиболее ранних работ, посвященных изучению социальной обусловленности здоровья и болезни, можно отнести трактат "Естественные и политические наблюдения, сделанные на основании записей о смертности" ("Natural and Political Observations Made upon the Bills of Mortality") Джона Граунта (John Graunt) (1620–1674), английского ученого, считающегося родоначальником демографии[6]. Используя статистические методы для изучения смертности от бубонной чумы населения Лондона, Джон Граунт одним из первых попытался выявить влияние социальных факторов на распространение этой эпидемии[7].

В конце XVII — начале XVIII вв. итальянским врачом Бернардино Рамаццини (1633–1714) была предпринята попытка выявить влияние условий труда на состояние здоровья местного населения. В своем трактате "О болезнях ремесленников" ("De Morbis Artificum Diatriba"), написанном в 1700 г., Б. Рамаццини, исследуя условия труда ремесленников Модены и Падуи, установил взаимосвязь между ними и наиболее распространенными в рабочей среде заболеваниями, на основе чего разработал рекомендации по их профилактике[8].

О влиянии социальных аспектов на состояние здоровья русского народа писал и великий русский ученый М.В. Ломоносов. В своем письме к графу И.И. Шувалову от 1 ноября 1761 г. под названием "О сохранении и размножении российского народа" М.В. Ломоносов отмечает негативное влияние таких социальных факторов, как усло-

---

[5] *Чикалова И.Р.* У истоков социальной политики государств Западной Европы // Журнал исследований социальной политики. 2006. Т. 4. № 4. С. 501–524.

[6] *Graunt J.* Natural and political observations made upon the dills of mortality / Ed. by W.F. Willicox. Baltimore, 1939.

[7] *Glass D.V., Ogborn M.E.* Sutherland I. John Graunt and his natural and political observations // Proceedings of the Royal Society of London. Series B. Biological Sciences. 1963. V. 159. N 974. P. 2–37.

[8] *Ramazzini B.* De morbis artificium diatriba (diseases of workers) // American Journal of Public Health. 2001. Sept. V. 91 (9). P.1380–1382.

вия жизни, качество питания, отсутствие общественного здравоохранения в городах и деревнях, системы подготовки медицинских кадров на состояние здоровья, а, следовательно, и численность российского народа в середине XVIII в.[9]

В 1848 г. немецкий врач Рудольф Вирхов (Rudolf Virhow) (1821–1902) опубликовал по итогам своих наблюдений "Сообщения о распространении эпидемии тифа в Верхней Силезии" ("Mittheilungen Über die in Oberschlesien Herrschende Typhus-Epidemie"), исследование, принесшее ему широкую известность[10]. В Верхнюю Силезию Р. Вирхов был командирован с целью научного изучения голодного тифа, бушевавшего в Германии. В то время он занимал должность прозектора[11] знаменитой берлинской клиники Шаритэ и был уже известен в медицинских кругах. В своих заметках, сделанных им во время посещения зараженных тифом польских поселений, он пришел к выводу, что причины болезни следует искать не столько в биологических факторах, а в большей степени — в социальных, таких, как условия проживания, качество питания, уровень жизни населения, культурных традициях. Поэтому в своих рекомендациях по результатам работы в качестве эксперта он пришел к выводу, что для предотвращения эпидемии необходимо предпринять меры по улучшению качества жизни местного населения. Как заключил Р. Вирхов, медицина — в сущности социальная наука, поэтому недостаточно выявить болезнь, необходимо найти и устранить те факторы, которые оказывают влияние на возникновение и распространение заболевания[12]. Впоследствии на страницах созданного им периодического издания "Die medizinischer Reform" ("Медицинская реформа"), Р. Вирхов высказывался за проведение социальных реформ в медицине, основанных на понимании социальной обусловленности здоровья населения и необходимости введения государственной политики для его охраны и укрепления.

В это же время выходит в свет книга другого немецкого врача Саломона Нейманна (Salomon Neumann) (1819–1908) "Общественное здравоохранение и собственность" ("Die Oeffentliche Gesundheitspflege und das Eigenthum")[13]. Ее автор, исследуя состояние здоровья различных слоев населения, пришел к выводу, что здоро-

---

[9] *Ломоносов М.В.* Избранные философские произведения. М., 1950. С. 598–614.

[10] *Virchow R.* Mittheilungen. Mittheilungen Über die in Oberschlesien Herrschende Typhus-Epidemie in German. Berlin, 1848. S. 22.

[11] Прозектор — заведующий патолого-анатомическим вскрытием трупов (в клинике, больнице), а также помощник профессора анатомии и оперативной хирургии, заведующий секционным залом.

[12] *Virchow R.* Op. cit. S. 27.

[13] *Neumann S.* Die Oeffentliche Gesundheitspflege und das Eigenthum. Berlin, 1847.

вье — это неотъемлемая собственность каждого человека, следовательно, его зависимость от социально-экономического положения индивида является несправедливым, поэтому каждому должно быть предоставлено право на охрану своего здоровья, которое должно быть гарантировано со стороны государства[14].

Необходимость социального осмысления медицины и вопросов здоровья и болезни нашла отражение и в работе французского врача, участника Французской революции 1848 г., Жюля Рене Герена (Jules René Guérin) (1801–1886). В своем обращении к медицинскому сообществу Франции, опубликованном в 1848 г. в газете "Gazette Médicale de Paris" ("Газета медицинского сообщества Парижа"), он призвал создать новую, социальную медицину, сочетающую в себе знания медицинской практики и социальных аспектов здоровья, что по его мнению способствовало бы наиболее эффективному решению существующих проблем общественного здравоохранения[15].

В Бразилии в рассматриваемый период возникает особое общественное движение — так называемое Санитариста (Movimento Sanitarista), чьи активисты впервые обратили внимание общественности на проблемы здоровья местного населения, указав на социальную обусловленность эпидемиологических заболеваний[16]. Развитие этого движения связано с деятельностью бразильского врача Хосе Франсиско Ксавье де Сигауда (Jose Francisco Xavier de Sigaud) (1796–1856), одного из основателей Медицинской Академии Бразилии, который, изучая географию распространения тропических болезней на территории Бразилии, выявил, что не столько природные особенности и этническое разнообразие страны влияют на состояние здоровья ее населения, сколько социальные условия жизни, качество питания, бедность[17].

Впервые словосочетание "медицинская социология" было использовано в статье врача Чарльза МакИнтайэра (McIntire) "Важность изучения медицинской социологии" ("The Importance of the study of medical sociology"), которая была опубликована в 1894 г. в

---

[14] *Gostomzyk J.G., Mittelstaedt G.* Salomon Neumann (1819–1908) und das Recht auf Gesundheit // Gesundheitswesen. 2016. V. 78 (12). P. 804–807. DOI: 10.1055/s-0042-120809.

[15] *Cockerham W.C., Ritchey F.J.* Dictionary of medical sociology. Westport, 1997. P. 119–120; *Hobson W.* What is social medicine? // British Medical Journal. 1949. V. 2 (4619). P. 125–130.

[16] *Курбанов А.Р., Лядова А.В.* Здравоохранение Бразилии: трудный путь к преодолению неравенства // Латинская Америка. 2018. № 9. С. 56–68.

[17] *Lima T.L.* Public health and social ideas in modern Brazil // American Journal of Public Health. 2007. V. 97. N 7. P. 1168–1177; *Sigaud J.F.X.* Du climat et des maladies du Bresil ou statistique medicale de cet empire. P., 1844; *Tamano O., TIeko L.* The sanitary movement in Brazil: the vision of illness as a "national harm" and health as a redeemer // Khronos. 2017. N 4. P. 102–115.

очередном выпуске Бюллетеня Американской Медицинской Академии. Ч. МакИнтайэр обозначил под "медицинской социологией" особую сферу научного знания, исследующую взаимоотношения между обществом и профессиональным сообществом медицинских работников, представляющих собой специфический социальный феномен, особый социальный тип в структуре социума[18].

В начале XX столетия появляются первые пособия по социологии медицины: в 1902 г. были опубликованы "Эссе по медицинской социологии" ("Essays in medical sociology") Элизабет Блэкуелл (Elizabeth Blackwell) (1821–1910), первой женщины, получившей степень доктора медицины в Америке[19]. В 1909 г. вышел учебник Джеймса Питера Вербейса (James Peter Warbasse) (1866–1957), в 1914 г. — его труд под названием "Социализация медицины" ("The Socialization of medicine")[20]. Их авторы, как и предшественники в других странах, акцентировали внимание на социальных аспектах медицинской деятельности, указывая на необходимость их исследования с целью улучшения общественного здоровья[21].

Из представленного обзора ряда работ раннего периода по классификации А.В. Решетникова очевидно, что на первоначальном этапе инициаторами проведения исследований в области указанной проблематики были врачи.

Как отметил М. Фуко, корни социологии медицины тесно переплелись с историей развития таких наук, как социальная гигиена, общественное здравоохранение, гигиена труда[22]. Также к одной из особенностей становления социологии медицины можно отнести тот факт, что ее развитие на первых этапах было тесно связано с процессом создания национальных систем здравоохранения, поэтому первые социологические исследования медицинских проблем имели прикладной характер, были направлены на исследование конкретных проблем общественного здоровья. Дальнейшее накопление эмпирических знаний по вопросам здоровья и здравоохранения вызывало необходимость их теоретического осмысления.

Начальные шаги в этом направлении были сделаны в первой половине прошлого столетия. Как считает У. Кокерхам[23], они связаны с

---

[18] *McIntire C.* The Importance of the study of medical sociology // Bulletin of the American Academy of Medicine. 1894. Vol. 1. Feb. P. 425–433.

[19] *Blackwell E.* Essays in medical sociology. L., 1902.

[20] *Warbasse J.P.* The socialization of medicine // Journal of American Medical Association. 1914. N 63. P. 264–266.

[21] *Bloom S.* The word as scalpel: a history of medical sociology. Oxford, 2002.

[22] *Foucault M.* Power knowledge, selected interviews and other writings 1972–1977 / Ed. by C. Gordon. Brighton,1980. P. 166–182.

[23] *Cockerham W.C.* Health sociology in a globalizing world // Politica y Sociedad. 2011. Vol. 48. N 2. P. 235–248.

работой Лоуренса Хендерсона, врача по профессии, который читал курс социологии в Гарвардском университете. В своей книге "Врач и пациент как социальная система" ("Physician and Patient as a Social System") он одним из первых указал на социальную природу этих взаимоотношений[24].

По мнению У. Кокерхама, эта работа послужила отправной точкой для американского социолога Т. Парсонса, одного из студентов курса Л. Хендерсона в то время, в его дальнейших исследованиях общества[25]. Именно Т. Парсонс впервые предложил "социологическое прочтение" медицины, рассмотрев ее как компонент социальной структуры, как социальный институт, тем самым показав, что социология медицины может развиваться не только как прикладная, но и теоретическая область научных исследований. Разработав теорию "роли больного", Т. Парсонс представил социологическую интерпретацию сугубо медицинского понятия "болезни", рассмотрев его с позиции социологического подхода в рамках ролевых теорий и структурного функционализма[26].

Интерпретируя общество как особый вид социальной системы, Т. Парсонс определил, что для сохранения своих функций оно должно быть самодостаточным, что «означает стабильность отношений взаимообмена и способность контролировать взаимообмен в интересах своего функционирования. Этот контроль может варьироваться от способности предотвратить или "пресечь" какие-то нарушения до способности благоприятным для себя образом формировать отношения со средой»[27]. Однако, если участник социальных отношений заболевает, то он "выпадает" из привычного образа жизни. Как пишет Т. Парсонс, "болезнь — это состояние нарушения нормального функционирования всего человеческого организма, как в аспекте рассмотрения его как биологической системы, так и социальной"[28]. Поэтому в случае болезни индивид не может исполнять свою роль в соответствии с нормативными экспектациями, что ведет к срыву стабильного функционирования социума, так как происходит нарушение в работе его подсистем. Особенно это становится актуальным в условиях капиталистических отношений, при которых на первом месте в качестве показателя эффективности исполнения индивидом своей институциональной роли выступает экономическая продук-

---

[24] *Henderson L.J.* Physician and patient as a social system // The New England Journal of Medicine.1935. Vol. 2. N 212. P. 819–823.

[25] *Cockerham W.C.* Op. cit. P. 236.

[26] *Parsons T.* The social system. N.Y., 1951.

[27] Цит. по: *Осипова Н.Г.* Западная социология в XX столетии: ключевые фигуры, направления и школы: научная монография. М., 2018. С.150–151.

[28] *Parsons T.* Op. cit. P. 290.

тивность. Поэтому в концепции Т. Парсонса болезнь рассматривается как состояние опасное, разновидность отклоняющегося поведения, девиация[29].

Чтобы не нарушить социетальное функционирование всей системы, Т. Парсонс вводит понятие "роли больного" как оптимальный способ приспособления к реальности болезни. Заболевая, человек временно отказывается от своего привычного образа, соответственно, выполнения своей институциональной роли, связанных с ней прав и обязанностей, и, как следствие, ответственности. Однако общество не изгоняет больного как ненужную обузу, если заболевший индивид согласен принять на период болезни новую роль — роль больного. Отличие данного типа девиации от других заключается, по мнению американского социолога, в том, что исполнение этой роли накладывает определенные обязательства на самого больного, которые заключаются в желании выздороветь, неукоснительно соблюдать врачебные предписания, соглашаться на врачебный контроль за своим телом, в том числе, и на болезненные манипуляции, связанные с выздоровлением, демонстрируя комплаентность в своем поведении[30].

Если индивид в случае болезни получает новый статус через роль больного, то представители медицинского сообщества в соответствии с концепцией Т. Парсонса выступают как агенты социального контроля. Именно врачи дают возможность заболевшему индивиду сохранить свой статус участника социальных отношений. В противном случае болезнь рассматривается как стигма, что дает основания для исключения индивида из социума.

Таким образом, можно выделить следующие основные положения в концепции "роли больного":

- болезнь — вынужденное, неестественное состояние, вызванное не зависимыми от человека факторами;
- заболевая, человек освобождается от исполнения своих социальных обязанностей, прежде всего, от работы;
- однако такое освобождение должно быть легитимным;
- легитимность осуществляют врачи как основные агенты социального контроля;
- в ответ на принятие роли больного индивид принимает на себя определенные обязательства, среди которых ключевым является желание выздороветь[31].

Как отмечает Х. Бредби, введя понятие "роли больного", Т. Парсонс, опираясь на классическую социологию Э. Дюркгейма об

---

[29] *Parsons T.* Op. cit. P. 296.
[30] Ibid. P. 292–294.
[31] Ibid. P. 294–295.

общественной солидарности, представил взаимоотношения врача и пациента как социальную систему, четко разграничив их социальные роли[32]. Он концептуализировал "больную роль" как способ понимания прав и обязанностей пациентов и врачей, а также способ поддержания порядка.

Интересно отметить, что если роль больного Т. Парсонс рассматривал в связи с экономической продуктивностью западного общества, то позиция врача, его отношение к пациенту должны быть основаны исключительно на профессиональных побуждениях, а не материальной выгоде, т.е. на принципах деонтологии[33]. Задача экспертов врачебного сообщества — вернуть индивида в социум к исполнению его роли, чтобы обеспечить дальнейшее стабильное функционирование общества. Для облегчения их обязанности в этой роли Т. Парсонс обосновал их право на профессиональную автономность. Также привилегия положения врачей заключается в их особом статусе экспертов болезни: только врач может "перевести" индивида на роль больного, тем самым легитимировать невыполнение им своих институциональных обязательств. Таким образом, врачи как агенты социального контроля выполняют функцию сохранения баланса социальной системы. Разграничение ролей в системе врач-пациент необходимо для достижений этой общей цели. Поэтому в случае некомплаентности пациента, т.е. необращения за помощью к врачам или несоблюдения их предписаний, его поведение оценивается негативно как девиантное.

Таким образом, медицина выступает как важнейший институт социального контроля, который проявляет свои функции так же, как церковь через религию. Более того, в современных условиях экономического развития медицина превращается в эффективный инструмент воздействия на социальный статус индивида.

Как указывал Т. Парсонс, предложенная им структура взаимодействия между врачом и пациентом — это своего рода абстрактная модель, которая дает общее представление о функционировании этой системы, поэтому в ней не учитываются особенности взаимоотношений при конкретных заболеваниях[34].

Тем не менее, через подход американского социолога был заложен фундамент социологии медицины как отрасли социологической науки. Кроме того, как отмечает У. Кокерхам, авторитет Т. Парсонса в социологическом научном сообществе привлек интерес социологов

---

[32] *Bradby H.* Research agenda in medical sociology // Frontiers in Sociology. 2016. Vol. 1. Article 14. P. 1–14. doi: 10.3389/fsoc.2016.00014.

[33] Ibid. P. 301.

[34] *Bradby H.* Research agenda in medical sociology. C. 322.

к вопросам медицины и здоровья[35]. А открывшаяся вскоре после выхода работы "Социальная система" критика его концепции подтолкнула исследователей к поиску новых теоретико-методологических подходов к изучению данной предметной области.

Вслед за работами Т. Парсонса вопросы медицины и здоровья в социологическом измерении оказались в центре внимания таких ведущих американских социологов, как Р. Мертон, Г. Беккер, Э. Гоффман. Так, в 1957 г. вышла работа Р. Мертона "Студент-медик"[36] ("The Student Physician"), посвященная изучению системы медицинского образования. Год спустя было опубликовано исследование Э. Холингшеда и Ф. Редлиха "Социальный класс и психическое здоровье: исследование взаимосвязи"[37] ("Social Class and Mental Illness: A Community Study"), в 1961 г. — книга Э. Гоффмана "Приюты: очерки о социальном положении психических пациентов и других заключенных" ("Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates")[38]. Более того, после выхода в 1961 г. работы Г. Беккера и Э. Штрауса[39], посвященной исследованию аспектов социализации медицинских студентов, социология медицины получила еще одно теоретическое осмысление — в рамках концепции символического интеракционизма.

Наряду с Т. Парсонсом одним из первопроходцев социологии медицины как социологической отрасли можно по праву считать американского социолога Элиота Лазаруса Фрейдсона, который внес значительный вклад в исследования медицины как профессиональной сферы. В своих работах "Медицина как профессия: социологический анализ" ("Profession on Medicine: A Study of the Sociology of Applied Knowledge"), "Профессиональное доминирование: социальная структура медицинской помощи" ("Professional Dominance: The Social Structure of Medical Care"), изданных в 1970-м г., Э. Фрейдсон впервые предпринял попытку изучения медицинского сообщества в аспекте социологии профессии[40]. Кроме того, в его работах было предложено новое прочтение концепции Т. Парсонса о "роли больного".

---

[35] *Cockerham W.C.* Medical sociology. N.Y.; L., 2017.

[36] *Merton R., Reader G., Kendall P.* The student physician. Cambridge; Harvard, 1957.

[37] *Hollingshead A., Redlich F.* Social class and mental illness: a community study. N.Y., 1958.

[38] *Goffman E.* Asylums: essays on the social situation of mental patients and other inmates. N.Y., 1961.

[39] *Becker H., Greer B., Hughes E., Strauss A.* Boys in white: student culture in medical school. Chicago, 1961.

[40] *Freidson E.* Profession of medicine: a study of the sociology of applied knowledge. N.Y., 1970 (a); *Freidson E.* Professional dominance: the social structure of medical care. New Brunswick, 1970 (b).

Рассматривая состояние индивида в случае болезни как девиантное, Э. Фрейдсон пришел к выводу, что оно является социально созданным лейблом. Он выделили три типа легимитности "больного" поведения:

а) условная легитимность, при которой больной участник социальных отношений временно освобождается от своих обычных обязанностей, получая некоторые привилегии, которые позволяют ему вернуться к нормальной жизни в случае выполнения врачебных предписаний;

б) безусловная легитимность, когда больной навсегда освобождается от своих обязательств (при хронических заболеваниях) и получает некоторые пожизненные привилегии с учетом тяжести его состояния;

в) нелегитимная девиация, при которой состояние болезни не подтверждено компетентным агентом социального контроля[41].

Таким образом, Э. Фрейдсону удалось преодолеть некоторые ограничения в подходе Т. Парсонса к "роли больного", в частности, связанные с культурными и социальными особенностями восприятия и интерпретации состояния болезни, признавая, что реакции на болезнь и ожидания больного человека могут варьироваться между различными социальными группами.

Кроме того, Э. Фрейдсон одним из первых высказал критический взгляд на влияние медицины в современном обществе, указав наряду с Э. Гоффманом, что не все болезни имеют медицинскую природу, в частности, некоторые психические расстройства (депрессия, шизофрения), в большей степени связаны с социальными факторами[42]. Однако определение в таких случаях поведения индивида в медицинских терминах ведет к его стигматизации и дискриминации.

Поэтому с конца 1960-х гг. структурный функционализм как господствующая социологическая парадигма социологии медицины подвергся критике. В исследованиях же здоровья и болезни населения получают развитие подходы, основанные на теориях символического интеракционизма, социального конструирования и социального конфликта.

Необходимо подчеркнуть, что интерес к социальным аспектам здоровья и болезни был связан с произошедшими после Второй мировой войны общественно-экономическими трансформациями. С середины XX столетия наблюдаются увеличение продолжительности жизни, повышение ее качества, что отчасти было обусловлено объективными тенденциями развития медицины как науки, которые

---

[41] *Bradby H.* Research agenda in medical sociology // Frontiers in Sociology. 2016. Vol. 1. Article 14. P. 1–14. DOI: 10.3389/fsoc.2016.00014.

[42] *Freidson E.* Doctoring together: a study of professional social control. N.Y., 1975.

способствовали преодолению эпидемиологических кризисов, характерных для предшествующих эпох. Однако на смену инфекционным болезням пришли так называемые социальные заболевания — болезни сердечно-сосудистой, дыхательной систем, ожирение, сахарный диабет, психические расстройства, развитие которых было вызвано новым образом жизни, характерным для общества потребления. Кроме того, в послевоенные годы под влиянием либерально-демократических движений, охвативших страны Европы и Америки, получают развитие представления о значимости здоровья как важнейшей человеческой ценности, автономности прав каждого, включая право на охрану своего здоровья. Эти идеи становятся приоритетными для общественного здравоохранения, что находит отражение в Уставе Всемирной Организации Здравоохранения[43], созданной в послевоенный период как раз для сохранения и поддержания здоровья населения мира. Новые тенденции в развитии общественного здоровья и, как следствие их влияния, трансформация системы оказания медицинской помощи, становятся актуальной темой для социологов медицины этого периода.

Как отмечают С. Блум и У. Кокерхам, 1960–1970-е гг. в истории развития социологии медицины характеризуется как период значительного роста числа исследований. К актуальным темам этого периода можно отнести вопросы социального конструирования здоровья и болезни, конфликт интересов врача и пациента, влияние медицины как института социального контроля на социальный статус индивида.

Бурный всплеск исследовательского интереса способствовал институциональному оформлению социологии медицины, созданию профессиональных сообществ, занимающихся исследованиями ее предметной области. Так, в 1959 г. в рамках Американской социологической ассоциации была создана секция медицинской социологии. В 1967 г. в рамках Международной социологической ассоциации был основан Исследовательский комитет по социологии здоровья. С 1964 г. в Великобритании стали проводить ежегодные встречи участников Отделения медицинской социологии при Британской социологической ассоциации. В 1966 г. журнал Американской социологической ассоциации “Здоровье и социальное поведение” становится официальным изданием для публикации исследований в области социологии медицины. Годом позднее в Великобритании начинает выходить журнал “Социальная наука и медицина”, впоследствии ставший важнейшим мировым периодическим изданием,

[43] Устав (Конституция) Всемирной Организации Здравоохранения. URL: http://www.who.int/governance/eb/who_constitution_ru.pdf (дата обращения: 08.08.2018).

публикующим работы социологов в области медицины. Увеличение числа исследований по социологии медицины поставило вопрос о подготовке соответствующих специалистов, что в свою очередь стало сигналом для разработки учебных курсов по социологии медицины[44]. Так, в 1958 г. появляется первое учебное пособие по социологии медицины[45], в 1961 г. — "Руководство по медицинской социологии"[46]. В ведущих вузах Европы и Америки открываются отделения по подготовке специалистов в области социологии медицины.

В России термин "социология медицины" стал использоваться в научном сообществе лишь с 1990-х гг., однако это не означает отсутствие научного интереса к указанной проблематике. Выше уже говорилось о попытках изучения социальных аспектов в формировании здоровья и распространении болезней среди населения, в частности, о трактате М.В. Ломоносова "О сохранении и размножении российского народа", опубликованном в 1761 г.[47] Как и за рубежом, становление социологии медицины в России тесно связано с развитием одной из отраслей медицины — социальной гигиены и становлением системы общественного здравоохранения. Исследователи отмечают особый вклад в этом направлении института земства, благодаря которому были заложены основы социальной медицины[48]. Кроме того, необходимо отметить влияние либерально-демократических движений, в результате которого в начале XX в. в России была создана система социального страхования, включающая выплату пособий на случай болезни или инвалидизации работника[49]. После социалистической революции 1917 г. в России создается система общественного здравоохранения, базирующаяся на принципах социальной ответственности, равноправия, гарантированности, доступности[50]. Особая

---

[44] *Cockerham W.C.* Health sociology in a globalizing word. P. 238.

[45] *Hawkins N.* Medical sociology. Springfield, 1958.

[46] *Freeman H., Levine S., Reeder L.* Handbook of medical sociology. Englewood Cliffs; Prentice-Hall, 1961.

[47] *Ломоносов М.В.* Указ. соч. С. 598–614.

[48] *Лашкул З.В.* Вклад организационных мероприятий земской медицины в развитие профилактики социально-значимых заболеваний // Российский медико-биологический вестник им. акад. И.П. Павлова. 2014. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vklad-organizatsionnyh-meropriyatiy-zemskoy-meditsiny-v-razvitie-profilaktiki-sotsialno-znachimyh-zabolevaniy (дата обращения: 01.08.2018).

[49] *Маркузон Ф.Д.* Статистика социального страхования. М., 1925.

[50] *Лядова А.В., Лядова М.В., Тучик Е.В.* Правовые основы охраны здоровья граждан в первых законодательных документах советской власти (к 100-летию Русской революции 1917 года) // Общество: политика, экономика, право. 2017. № 11. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-osnovy-ohrany-zdorovya-grazhdan-v-pervyh-zakonodatelnyh-dokumentah-sovetskoy-vlasti-k-100-letiyu-russkoy-revolyutsii-1917-g (дата обращения: 09.07.2018).

роль в этом процессе принадлежит Н.А. Семашко, под руководством которого и создается первая университетская кафедра социальной гигиены.

Как отмечает А.В. Решетников[51], именно по инициативе советского ученого Н.И. Гращенкова, представившего доклад "Здоровье и социальное благополучие" на IV Всемирном социологическом конгрессе в Италии, в 1956 г. в рамках международной социологической ассоциации была создана секция по социологии медицины. В 1960–1970-е гг. среди отечественных исследователей также активно разрабатывается социологический подход при изучении медико-социальных вопросов.

Однако процесс институционализации социологии медицины в России относится к более позднему периоду, 1990-м гг., что связано с влиянием тех общественно-политических изменений, которые произошли в этот период в нашей стране. Огромный вклад в эту работу внесли фундаментальные исследования Ю.П. Лисицына, Г.И. Царегородцева, А.М. Изуткина, Т.И. Заславской, А.В. Решетникова. С 2000 г. в Номенклатуру специальностей научных работников был введен соответствующий шифр[52] и наименование "Социология медицины" как отрасли науки, по которой присуждается ученая степень[53]. В 2011 г. при Первом государственном медицинском университете имени И.М. Сеченова был основан НИИ социологии медицины, экономики здравоохранения и медицинского страхования во главе с основоположником отечественной школы социологии медицины А.В. Решетниковым.

Таким образом, из обзора основных этапов становления социологии медицины очевидно, что социология медицины сформировалась на стыке двух наук — медицины и социологии. Ее зарождение было тесно связано с процессом создания системы социального страхования, а во второй половине XX в. — национальных систем здравоохранения. На начальном этапе формирования социологии медицины инициаторами этих проектов выступали представители медицинского сообщества, поэтому первые социологические исследования медицинских проблем имели прикладной характер, были направлены на исследование конкретных проблем общественного

---

[51] *Решетников А.В.* Социология медицины. М., 2010. С. 147.

[52] В действующей редакции паспорт специальности ВАК 14.02.05 "Социология медицины". Источник: Приказ Минобрнауки России от 23 октября 2017 г. № 1027 "Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени". URL: http://vak.ed.gov.ru/docs (дата обращения: 01.08.2018).

[53] *Решетников А.В.* Социология медицины. С. 153.

здоровья. Дальнейшее накопление эмпирических знаний по вопросам здоровья и здравоохранения вызвало необходимость их теоретического осмысления. Роль "первой скрипки" в этом направлении принадлежит выдающемуся американскому социологу Толкотту Парсонсу. Поэтому для первых этапов институционализации социологии медицины как отрасли социологического знания характерно влияние американской социологической школы. Т. Парсонс впервые предложил "социологическое прочтение" медицины, рассмотрев ее как компонент социальной структуры, как социальный институт, тем самым показав, что социология медицины может развиваться не только как прикладная, но и теоретическая область научных исследований. После выхода в 1951 г. книги "Социальная система" ("The Social System"), социология медицины стала обретать отчетливые научные формы, превращаясь в отрасль социологического знания. Процесс ее институционализации завершается во второй половине XX в. в Европе и Америке, в конце XX — начале XXI вв. — в России, что означает создание системы специальных научных учреждений, печатных органов, профессиональных научных сообществ, разработку понятийного аппарата, теоретико-методологической базы, исследовательского поля, которое составляют такие вопросы, как функционирование медицины как социального института, закономерности и особенности взаимодействия с другими социальными структурами, обусловленность медицинских проблем социальными факторами, ценностные установки, поведение индивида по отношению к своему здоровью, особенности социальных взаимоотношений в здравоохранении, качество жизни и факторы, его формирующие, в основе анализа которых лежат основные теоретические подходы социологии: символический интеракционизм, структурный функционализм, социальный конструктивизм.

Но, как любая сфера научного знания, социология медицины динамично реагирует на происходящие изменения социальной реальности, ее структуры, социальных институтов. Вследствие этого влияния происходит расширение исследовательского поля социологии медицины. Среди актуальных направлений исследования можно назвать социальное неравенство в отношении здоровья, особенности развития цифрового здравоохранения, новые практики в отношении здоровья среди населения, трансформация ценности здоровья в обществе, фармацетикализация, биомедикализация и др. Их изучение вызывает необходимость разработки новых подходов для осмысления происходящего и прогнозирования будущего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000.

Дмитриева Е.В. От социологии медицины к социологии здоровья // Социологические исследования. 2003. № 11. С. 51–56.

Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд. М., 1994.

Изуткин А.М., Петленко В.П., Царегородцев Г.И. Социология медицины. Киев, 1981.

Лашкул З.В. Вклад организационных мероприятий земской медицины в развитие профилактики социально-значимых заболеваний // Российский медико-биологический вестник им. акад. И.П. Павлова. 2014. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vklad-organizatsionnyh-meropriyatiy-zemskoy-meditsiny-v-razvitie-profilaktiki-sotsialno-znachimyh-zabolevaniy (дата обращения: 01.08.2018).

Ломоносов М.В. Избранные философские произведения. М., 1950. С. 598–614.

Луман Н. Понятие риска // Альманах THESIS. 1994. № 5. С. 135–160.

Лядова А.В., Лядова М.В., Тучик Е.В. Правовые основы охраны здоровья граждан в первых законодательных документах советской власти (к 100-летию Русской революции 1917 года) // Общество: политика, экономика, право. 2017. № 11. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-osnovy-ohrany-zdorovya-grazhdan-v-pervyh-zakonodatelnyh-dokumentah-sovetskoy-vlasti-k-100-letiyu-russkoy-revolyutsii-1917-g (дата обращения: 09.07.2018).

Маркузон Ф.Д. Статистика социального страхования. М., 1925.

Осипова Н.Г. Западная социология в XX столетии: ключевые фигуры, направления и школы: научная монография. М., 2018.

Решетников А.В. Социология медицины: становление, идеи, задачи // Вестник Российской Академии наук. 2001. Т. 71. № 12. С. 1069–1071.

Решетников А.В. Социология медицины. М., 2010.

Устав (Конституция) Всемирной Организации Здравоохранения. URL: http://www.who.int/governance/eb/who_constitution_ru.pdf (дата обращения: 08.08.2018).

Чикалова И.Р. У истоков социальной политики государств Западной Европы // Журнал исследований социальной политики. 2006. Т. 4. № 4. С. 501–524.

REFERENCES

Becker H., Greer B., Hughes E., Strauss A. Boys in white: student culture in medical school. Chicago, 1961.

Bek U. Obshhestvo riska. Na puti k drugomu modern [Risk Society. Towards a New Modernity]. M., 2000 (in Russian).

Blackwell E. Essays in medical sociology. L., 1902.

Bloom S.W. Institutional trends in medical sociology // Journal of Health and Social Behavior. 1986. Vol. 27. N 3. P. 265–276.

Bloom S.W. The word as scalpel: a history of medical sociology. Oxford, 2002.

Bradby H. Research agenda in medical sociology // Frontiers in Sociology. 2016. Vol. 1. Article 14. P. 1–14. DOI: 10.3389/fsoc.2016.00014.

Chikalova I.R. U istokov sotsial'noj politiki gosudarstv Zapadnoj Evropy [At the beginnings of social politics in Western Europe // Zhurnal issledovanij sotsial'noj politiki [The magazine of studies in social politics]. Saratov. 2006. T. 4. N 4. S. 501–524 (in Russian).

Clair J.M. The medical sociologists' contribution to the interdisciplinary geriatric assessment unit: a sociology "with medicine" // Sociological Practice. 1993. Vol. 11. Iss. 1.

Cockerham W.C., Ritchey FJ. Dictionary of medical sociology. Westport, 1997. P. 119–120.

Cockerham W.C. Health sociology in a globalizing world // Política y Sociedad. 2011. Vol. 48. N 2. P. 235–248. DOI: 10.5209/rev_POSO.2011.v48.n2.1.

Cockerham W.C. Medical sociology. N.Y.; L., 2017.

Conrad P. Sociology of health and illness: critical perspectives. N.Y., 2005.

Dmitrieva E.V. Ot sotsiologii meditsiny k sotsiologii zdorov'ya [From sociology of medicine towards sociology of health] // Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological studies]. 2003. N 11. S. 51–56 (in Russian).

Dyurkgejm E. Samoubijstvo: Sotsiologicheskij ehtyud [The suicide sociological study]. M., 1994 (in Russian).

Foucault M. Power knowledge, selected interviews and other writings 1972–1977 / Ed. by C. Gordon. Brighton, 1980. P. 166–182.

Freeman H., Levine S., Reeder L. Handbook of medical sociology. Englewood Cliffs; Prentice-Hall, 1961.

Freidson E. Doctoring together: a study of professional social control. N.Y., 1975.

Freidson E. Profession of medicine: a study of the sociology of applied knowledge. N.Y., 1970.

Freidson E. Professional dominance: the social structure of medical care. New Brunswick, 1970.

Glass D.V., Ogborn M.E., Sutherland I. John Graunt and his natural and political observations // Proceedings of the Royal Society of London. Series B. Biological Sciences. 1963. Vol. 159. N 974. P. 2–37.

Goffman E. Asylums: essays on the social situation of mental patients and other inmates. N.Y., 1961.

Gostomzyk J. G., Mittelstaedt G. Salomon Neumann (1819–1908) und das Recht auf Gesundheit // Gesundheitswesen. 2016. Vol. 78 (12). P. 804–807. DOI: 10.1055/s-0042-120809.

Graunt J. Natural and political observations made upon the bills of mortality / Ed. by W.F. Willicox. Baltimore, 1939.

Hawkins N. Medical sociology. Springfield, 1958.

Henderson L.J. Physician and patient as a social system // The New England Journal of Medicine. 1935. Vol. 2 (212). P. 819–823.

Hobson W. What is social medicine? // British Medical Journal. 1949. Vol. 2 N (4619). P.125–130.

Hollingshead A., Redlich F. Social class and mental illness: a community study. N.Y., 1958.

Izutkin A.M., Petlenko V.P., Tsaregorodtsev G.I. Sotsiologiya meditsiny [Sociology of medicine]. Kiev, 1981 (in Russian).

Lashkul Z.V. Vklad organizatsionnykh meropriyatij zemskoj meditsiny v razvitie profilaktiki sotsial'no-znachimykh zabolevanij [Contribution of zemstvo medicine organizational measures in the development of prevention of socially significant diseases // Rossijskij mediko-biologicheskij vestnik im. akad. I.P. Pavlova [Russian Medical Biological Herald. acad. I.P. Pavlova]. 2014. N 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vklad-organizatsionnyh-meropriyatiy-zemskoy-meditsiny-v-razvitie-profilaktiki-sotsialno-znachimyh-zabolevaniy (accessed: 01.08.2018) (in Russian).

Lima T.L. Public health and social ideas in modern Brazil // American Journal of Public Health. 2007. Vol. 97. N 7. P. 1168–1177.

Lomonosov M.V. Izbrannye filosofskie proizvedeniya [Selected philosophical works]. M., 1950 (in Russian).

Luman N. Ponyatie riska [The Concept of Risk] // Al'manakh [Almanac] THESIS. 1994. N 5. S. 135–160 (in Russian).

Lyadova A.V., Lyadova M.V., Tuchik E.V. Pravovye osnovy okhrany zdorov'ya grazhdan v pervykh zakonodatel'nykh dokumentakh sovetskoj vlasti (k 100-letiyu Russkoj revolyutsii 1917 goda) [Legal basis for protecting the health of citizens in the first legislative documents of the Soviet government (on the occasion of the centenary of the Russian Revolution of 1917)] // Obshhestvo: politika, ehkonomika, pravo [Society: politics, economics, law]. 2017. N 11. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-osnovy-ohrany-zdorovya-grazhdan-v-pervyh-zakonodatelnyh-dokumentah-sovetskoy-vlasti-k-100-letiyu-russkoy-revolyutsii-1917-g (accessed: 09.07.2018) (in Russian).

Markuzon F.D. Statistika sotsial'nogo strakhovaniya [The statistics of social insurance]. M.,1925 (in Russian).

McIntire C. The importance of the study of medical sociology // Bulletin of the American Academy of Medicine. 1894. Vol. 1. Feb. P. 425–433.

Mechanic D. The sociology of medicine: viewpoints and perspectives // Journal of Health and Social Behavior. 1966. Vol. 7 (4). P. 237–248.

Merton R., Reader G., Kendall P. The student physician. Cambridge; Harvard, 1957.

Neumann S. Die Oeffentliche Gesundheitspflege und das Eigenthum. Berlin, 1847.

Osipova N.G. Zapadnaya sotsiologiya v XX stoletii: klyuchevye figury, napravleniya i shkoly: nauchnaya monografiya [Western sociology in the XX century: key figures, directions and schools: a scientific monograph]. M., 2018 (in Russian).

Parsons T. The social system. N.Y., 1951.

Ramazzini B. De morbis artificium diatriba (diseases of workers) // American Journal of Public Health. 2001. Sept. Vol. 91 (9). P. 1380–1382.

Reshetnikov A.V. Sotsiologiya meditsiny: stanovlenie, idei, zadachi [Sociology of medicine: the formation, ideas, goals] // Vestnik Rossijskoj Akademii nauk [Bulletin of the Russian Academy of Sciences]. 2001. T. 71. N 12. S. 1069–1071 (in Russian).

Reshetnikov A.V. Sotsiologiya meditsiny [Sociology of Medicine]. M., 2010 (in Russian).

Sigaud J.F.X. Du climat et des maladies du Bresil ou statistique medicale de cet empire. P., 1844.

Strauss R. The nature and status of medical sociology // American Sociological Review. 1957. Vol. 11. P. 200–204.

Tamano O., TIeko L. The sanitary movement in Brazil: the vision of illness as a "national harm" and health as a redeemer // Khronos. 2017. N 4. P. 102–115.

Ustav (Konstitutsiya) Vsemirnoj Organizatsii Zdravookhraneniya. URL: http://www.who.int/governance/eb/who_constitution_ru.pdf (data obrashheniya: 08.08.2018) (in Russian).

Virchow R. Mittheilungen. Mittheilungen Über die in Oberschlesien Herrschende Typhus-Epidemie in German. Berlin, 1848.

Warbasse J.P. The socialization of medicine // Journal of American Medical Association. 1914. N 63. P. 264–266.

СОЦИОЛОГИЯ ГОРОДА

DOI: 10.24290/1029-3736-2019-25-1-62-77

НОВЫЕ ГРАНИ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА: КОНЦЕПЦИЯ ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ УРБАНИЗАЦИИ ЭДВАРДА СОЙИ*

И.А. Вершинина, канд. социол. наук, доц., доц. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234**

В статье рассматривается концепция урбанизации американского исследователя Эдварда Сойи. Он констатирует появление постмодернистских городских образований, тем самым фиксируя переход от метрополиса к постметрополису и обосновывает необходимость разработки новой методологии городских исследований, поскольку модели Чикагской школы устарели. Они описывают моноцентричные города, а в современном мире мы имеем дело с полицентричными агломерациями. Э. Сойя демонстрирует, что социальные проблемы городов начинают распространяться на пригороды, которые перестают быть благополучными районами. Выделяются основные причины нового этапа урбанизации: глобализация, экономическая реструктуризация и развитие информационных и коммуникационных технологий. Подробно анализируются шесть современных дискурсов, связанных с оформлением и функционированием постметрополиса и изучением его основных проблем: неравенства, социальной несправедливости, неравномерности распределения социальных благ, эксклюзии, роста преступности, ухудшения состояния окружающей среды и других. Особое внимание уделяется трансформации пригородов, которая ведет к изменению пространственного неравенства и появлению новых его форм.

Ключевые слова: *Эдвард Сойя, постметрополис, пространственное неравенство, постмодернистская урбанизация, город-регион.*

---

* *Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект "Новые формы социального неравенства и особенности их проявления в современной России", № 18-011-01106.*

** **Вершинина Инна Альфредовна,** e-mail: urbansociology@yandex.ru

NEW FEATURES OF SOCIAL INEQUALITY: EDWARD SOYA'S CONCEPT OF POSTMODERNIST URBANIZATION

Vershinina Inna A., PhD Sci., Associate Professor, Department of Contemporary Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: urbansociology@yandex.ru

The article examines the concept of urbanization of the American researcher Edward Soja, who notes the transition from metropolis to postmetropolis, thereby fixing the emergence of postmodern urban entities. He argues the need to develop a new urban research methodology, since the models of the Chicago school are outdated. They describe monocentric cities, and in the modern world we are dealing with polycentric agglomerations. Soya demonstrates that the social problems of cities are beginning to spread to the suburbs, which are no longer prosperous areas. The main reasons for the new stage of urbanization are highlighted: globalization, economic restructuring and the development of information and communication technologies. Six modern discourses related to the design and functioning of the post-metropolis are analyzed in detail. The main problems of postmetropolis are considered: inequality, social injustice, uneven distribution of social benefits, exclusion, rising crime, environmental degradation, etc. Particular attention is paid to the transformation of suburbs, which leads to a change in spatial inequality and the emergence of new forms of it.

Key words: *Edward Soja, postmetropolis, spatial inequality, postmodern urbanization, city-region.*

Социальное неравенство является одной из главных проблем современного мира, которая особенно остро проявляется в городах и на урбанизированных территориях в непосредственной близости от них. Крупные города-регионы, в которых проживает более миллиона жителей, сегодня являются основными движущими силами мировой экономики, концентрируют инновации и капитал, и одновременно становятся местами сосредоточения работающих бедных. Пригороды, традиционно считавшиеся благополучными районами, демонстрируют новые формы пространственного неравенства, ставшего следствием очередного этапа урбанизации, связанного с размыванием городских границ и появлением более сложных и одновременно аморфных городских образований — городов-регионов.

В начале XXI в. на смену концентрическим городам, окруженным пригородами, которые находились в центре внимания представителей Чикагской школы, пришли более сложные образования — агломерации, мегалополисы и т.п. Одним из исследователей, который анализирует новый этап урбанизации и связанные с ним социальные изменения, является Эдвард Сойя (*Edward W. Soja*, 1940–2015).

В широкий круг интересов Э. Сойи входят не только вопросы регионального развития и управления, но также пространственные аспекты социальной жизни, поэтому он является влиятельной фигурой как в области городского планирования, так и в социальных науках[1]. Он опирается на идеи французского социолога А. Лефевра[2], испано-американского социолога М. Кастельса[3], американского исследователя Д. Харви[4] и других теоретиков урбанизации последней трети XX в.

Э. Сойя полагает, что с 1980-х гг. начинаются фундаментальные и далеко идущие изменения природы процесса урбанизации, происходит переход от городов к региональным урбанизированным образованиям[5]. Несмотря на то что основные черты традиционного города начинают исчезать, изменения часто остаются незамеченными или объясняются с помощью устаревшей схемы противопоставления города и пригорода. Э. Сойя указывает на то, что идеализированные модели Чикагской школы доминируют в городской теории на протяжении всего XX в. Однако они описывают промышленные города конца XIX — начала XX в., для которых характерны высокая степень централизации и концентрация предприятий и людей в непосредственной близости от ядра. Пригороды конца XIX — начала XX в. характеризуются низкой плотностью населения и меньшим числом социальных проблем, в отличие от центра, и поэтому ему противопоставляются. Однако постепенно начинается процесс выведения отдельных функций из городского центра. Одной из его причин во многих городах становится концентрация в центральных районах города малообеспеченных слоев населения, присутствие которых заставляет более благополучные семьи и респектабельные предприятия менять место своего расположения. Исследователь указывает на тот факт, что в течение первых двух третей XX в. бедные концентрировались преимущественно в центральных районах города, причем

---

[1] *Paul S.* In memoriam: Edward Soja (1940–2015), Distinguished Professor Emeritus of Urban Planning. URL: http://luskin.ucla.edu/20151112201511 12in-memoriam-edward-soja-1940-2015-distinguished-professor-emeritus-of-urban-planning/ (accessed: 01.02.2018).

[2] Подробнее см.: *Вершинина И. А.* Анри Лефевр: от "права на город" к "урбанистической революции" // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2018. № 2. С. 48–60.

[3] Подробнее см.: *Вершинина И. А.* Трансформация социальной структуры в информациональном городе // Социология города. 2013. № 3. С. 3–17.

[4] Подробнее см.: *Вершинина И. А.* Социальное неравенство в современных городах: перспективы урбанистической революции // Социология города. 2017. № 2. С. 5–19.

[5] *Soja E.* Regional urbanization and the end of the Metropolis era // The New Blackwell Companion to the City / Ed. by G. Bridge, S. Watson. Oxford, 2011. DOI: 10.1002/9781444395105.ch59. P. 679-680.

это явление наблюдалось даже в бывших колониальных странах, где центр одновременно включал в себя и районы размещения богатой элиты[6].

По мнению Э. Сойи, окончательное завершение этапа урбанизации с формированием традиционных городов — конец эпохи метрополиса (*metropolis*)[7] — приходится на 1960-е гг. Новый этап урбанизации приводит к явным морфологическим изменениям, в большинстве крупных городов мира наблюдается снижение плотности населения и концентрации ресурсов в центральных районах. Вместе с тем, необходимо отметить, что процессы региональной урбанизации значительно различаются, поскольку в каждом городе и регионе имеют свои особенности. Единственная общая тенденция, которую выделяет Э. Сойя, — рост плотности населения пригородов, которые становятся экономически более дифференцированными[8]. Таким образом, характерной особенностью региональной урбанизации является растущая урбанизация пригородов, которая не может, к сожалению, обеспечить "умный" рост или устойчивое развитие. Тем не менее, исследователь фиксирует новый этап процесса урбанизации, который, с его точки зрения, недостаточно хорошо осознается.

Э. Сойя фиксирует появление новой городской формы — расширяющегося, полинуклеарного, насыщенного информационными потоками и различными сетями и все более глобализирующегося городского региона, что часто рассматривается как незначительный поворот, значение которого недооценивается[9]. Он указывает на неточный характер терминов, используемых для описания глобализации в городском пространстве. Ни появившийся ранее "мировой город"[10], ни более поздний "глобальный город"[11] не отражают специфики новых образований. Э. Сойя настаивает на том, что городской регион — это не просто выражение глобализации, а отражение более фундаментальных изменений в процессе урбанизации, возникающих в результате расширения границ городов и перехода от моноцентричной модели с низкой плотностью населения в пригородах к полицентричной сети городских агломераций с высокой плотностью населения во всем урбанизированном регионе[12]. Пространственные изменения являются следствием трансформации эко-

---

[6] *Soja E.* Op. cit. P. 682.

[7] Ibid.

[8] Ibid. P. 683–684.

[9] Ibid. P. 684.

[10] *Friedmann J.* The world city hypothesis // Development and Change. 1986. Vol. 17. N 1. P. 69–84.

[11] *Sassen S.* The global city. Princeton, 2001.

[12] *Soja E.* Op. cit. P. 684.

номики, которая становится глобальной. Концепция региональной урбанизации Э. Сойи в значительной степени является продуктом так называемого "пространственного поворота"[13], связанного с ростом внимания к новым урбанистическим формам в разных областях научного исследования. Регионы начинают рассматриваться как фундаментальные единицы социальной жизни, требующие комплексного анализа[14].

Сочетание одновременно деиндустриализации и реиндустриализации (вывода промышленных предприятий за пределы города или их модернизации), а также децентрализации и рецентрализации (увеличение плотности населения в пригородах и пополнение центральных районов за счет транснациональной миграции) приводят к реорганизации социальной и пространственной структуры почти всех современных крупных городов[15]. Тем самым, создаются основы для "новой экономики", для становления гибкого, глобального и неолиберального способа городского промышленного капитализма. Э. Сойя отмечает тревожные тенденции региональной урбанизации, из которых наиболее значимой является усиление экономического неравенства и социальной поляризации. Новая экономика способствует сокращению численности когда-то обширных средних слоев городского населения, что беспокоит и многих других исследователей, например, С. Сассен[16] и Р. Сеннета[17].

Э. Сойя называет три основные силы, которые, с его точки зрения, являются причиной нового этапа урбанизации и планомерно способствуют формированию городских регионов:

– глобализация капитала, рынка труда и сферы культуры;
– экономическая реструктуризация и формирование новой экономики;
– революция в области информационных и коммуникационных технологий[18].

Э. Сойя полагает, что в конце XX — начале XXI в. интенсифицируется процесс, который он называет "глобализацией городского

---

[13] The spatial turn: interdisciplinary perspectives / Ed. by B. Warf, S. Arias. N.Y.; L., 2008; Spatial Turn: das Raumparadigma in den Kultur- und Sozialwissenschaften / Ed. by J. Doring, T. Thielmann. Bielefeld, 2008; Kommunikation — Gedachtnis — Raum: Kulturwissenschaften nach dem "spatial turn" / Ed. by M. Csaky, Ch. Leitgeb. Bielefeld, 2009.

[14] *Soja E.* Op. cit. P. 688.

[15] Ibid. P. 684.

[16] Подробнее см.: *Вершинина И. А.* Локализация мировой экономической системы в глобальных городах // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2017. № 3. С. 58–76.

[17] Подробнее см.: *Вершинина И. А.* Влияние капитализма на процесс урбанизации: социология города Ричарда Сеннета // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2013. № 1. С. 172–183.

[18] *Soja E.* Op. cit. P. 684.

населения”[19]. Формируются районы компактного проживания бедных иммигрантов, создающих гораздо более культурно и экономически гетерогенные города, нежели существовавшие прежде. Эти процессы не новы, их происхождение можно проследить задолго до последней четверти XX столетия, однако, их интенсивность и масштаб позволяют говорить о принципиальном отличии ситуации конца XX в. от более ранних периодов. Э. Сойя также отмечает, что процессы реструктурирования пространства неравномерно, с разной скоростью и в разной степени происходят во всем мире, т.е. являются универсальными.

Термин, который использует Э. Сойя, чтобы подчеркнуть различия между городскими регионами конца XX — начала XXI в. и теми образованиями, которые формируются в середине двадцатого столетия, — “постметрополис” (*postmetropolis*)[20]. Приставка “пост” (*post*), таким образом, свидетельствует о переходе от традиционных городов (*metropolis*), к чему-то новому, значительно отличающемуся от предыдущих урбанистических реалий. Постметрополис, по его мнению, — это результат очередной урбанистической революции, в результате которой произошло переосмысление идеи пространства, так как границы между городом и пригородом стали размытыми, город оказалось невозможно анализировать без учета того, что находится за его пределами[21].

Новые формы и образцы городской жизни исследователь называет постмодернистскими и полагает, что они значительно усложняют прежнюю методологию анализа городов и пространства. Э. Сойя настаивает на том, что изменение пространственных форм влечет за собой социальные трансформации, поэтому социология должна продвигаться вперед, не останавливаясь на концепциях М. Кастельса[22], Д. Харви[23], и других исследователей, которые фиксируют кризис метрополиса, но не рассматривают новые урбанистические образования[24]. Пространственные изменения являются настолько значительными, что нельзя просто дополнять старые знания новыми, возникает слишком много противоречий, поэтому необходимо

---

[19] *Soja E.* Op. cit. P. 682.

[20] *Soja E.* Postmetropolis. Critical studies of cities and regions. Malden, 2007.

[21] Ibid. P. 147–148.

[22] *Castells M.* The city and the grassroots: a cross-cultural theory of urban social movements. Berkeley, 1983*; Idem.* The informational city: information technology, economic restructuring and the urban-regional process. Oxford; Malden, 1989.

[23] *Harvey D.* Social justice and the city. L., 1973; *Idem*. The urbanization of capital. Oxford; N.Y., 1985.

[24] *Soja E.* Postmetropolis… P. 198.

радикально переосмыслить и реструктурировать, т.е. произвести деконструкцию, а затем воссоздание унаследованных форм городского анализа для решения практических, политических и теоретических проблем, поставленных в конце XX столетия.

В современной урбанистике Э. Сойя выделяет шесть основных дискурсов, которые подробно рассматриваются в "Постметрополисе"[25]. Они являются попыткой подтвердить важность макроанализа пространства, хотя и не противопоставляются взгляду "снизу", со стороны повседневности и местного сообщества. Понимание постметрополиса требует синтеза микро- и макро-перспектив, без которого невозможно понять современные урбанистические реалии.

1. Постфордистский индустриальный метрополис, или "гибкий город" (*flexcity*)[26]; представителями данного дискурса являются Д. Харви[27], А. Скотт[28] и др. Э. Сойя рассматривает взаимосвязь процессов индустриализации и урбанизации, акцентируя внимание на изменениях, к которым приводит пост-фордистская промышленная реструктуризация. По его словам, именно данный аспект пространственной трансформации находится в центре внимания современных исследователей, в том числе и социологов[29], которые обсуждают переход от позднего (фордистского) метрополиса к новой форме организации пространства — постметрополису.

Мы наблюдаем формирование гибкого города с новым типом экономики, базирующейся на новом производстве и на сфере услуг. Исследователь полагает, что говорить о деиндустриализации и постиндустриализме не вполне верно, поскольку, с его точки зрения, параллельно с расширением сервисного сектора происходит мощный процесс реиндустриализации. Новое производство создается не только в области высокотехнологичной электроники, но и в дешевых трудоемких формах ремесла (*craft*). Сосредоточенность на постиндустриализме, по мнению Э. Сойи, не позволяет социологам увидеть сдвиги, ведущие не столько к сокращению производства, сколько к формированию более гибких производственных систем с плотными сетями, позволяющими интенсивно обмениваться информацией. Вместе с тем, создаются новые промышленные пространства, которые значительно меняют индустриальную географию позднего фордистского метрополиса, что позволяет заявить о пере-

---

[25] *Soja E.* Postmetropolis…

[26] Ibid. P. 156–188.

[27] *Harvey D.* The urbanization of capital. Oxford; N.Y., 1985.

[28] *Scott A. J.* New industrial spaces: flexible production. Organization and regional development in North America and Western Europe. L., 1988.

[29] Ex.: *Savage M., Warde A.* Urban sociology, capitalism and modernity. N.Y., 1993.

ходе к постметрополису, но не постиндустриальному, а всего лишь постфордистскому.

2. Космополис (*cosmopolis*)[30], анализирующийся в трудах М. Кастельса[31], С. Сассен[32] и др. Это дискурс о глобализации и формировании новой иерархии глобальных городов, в котором, по словам Э. Сойи, социологи играют гораздо более важную роль, чем в первом. Исследователь отмечает взаимосвязанность и взаимодополняемость двух дискурсов, вместе с тем отмечая, что они часто конкурируют между собой, поскольку каждый из них предлагает свое объяснение новых тенденций в процессе урбанизации. По его мнению, это ограничивает оба дискурса, в частности, дискурс о глобальных городах ослабляется недостаточным пониманием процесса промышленной перестройки. Кроме того, он отмечает чрезмерную концентрацию на командных и контрольных функциях отдельных секторов (для их обозначения он предлагает аббревиатуру *FIRE — finance* (от англ. "финансы"), *insurance* (от англ. "страхование"), *real estate* (от англ. "недвижимость"). Вместе с тем, исследователи глобальных городов еще больше ограничивают область своих интересов, сосредоточивая внимание на двух крошечных участках, где командные функции наиболее очевидны, — это Уолл-стрит и лондонский Сити. Таким образом, происходит глокализация дискурса в двух городах — Нью-Йорке и Лондоне.

Э. Сойя отмечает опасную близорукость данного подхода, поскольку процессы, характерные для Лондона и Нью-Йорка, не в полной мере соответствуют тому, что происходит в других глобальных городах, например, Токио и Лос-Анджелесе, и даже в реиндустриализирующихся районах Большого Нью-Йорка и Большого Лондона. Таким образом, происходит упрощение связей между финансовым и промышленным секторами, а также между городом и агломерацией. Подобная близорукость препятствует полному и всестороннему пониманию последствий глобализации для пространственных изменений, а также новых оснований культурной политики и формирования идентичности в глобальных городах. Это в свою очередь углубляет разрыв между социологическими исследованиями глобализации и новыми подходами к изучению пространства, которые появляются в других науках, и, как правило, предлагают интерпретации постметрополиса на основе культуры.

---

[30] *Soja E.* Postmetropolis… P. 189–232.

[31] *Castells M.* The informational city: information technology, economic restructuring and the urban-regional process. Oxford; Malden, 1989.

[32] *Sassen S.* The global city: New York, London, Tokyo. Princeton; Oxford, 1991; *Idem.* Losing control? Sovereignty in an age of globalization. N.Y., 1996.

3. Экзополис (*exopolis*)[33], представленный в трудах Ж. Готтмана[34], Дж. Гарро[35] и др. Термин "экзополис" указывает на то, что город выходит за пределы своих традиционных границ, причем как в пространственном смысле, так и по своим характеристикам. Социальная и пространственная организация постметрополиса меняет традиционное понимание того, что является городским, пригородным, загородным, не городским и т.п.

С одной стороны, Э. Сойя говорит о появлении новых урбанистических форм, которые становятся результатом реструктуризации пространства, — пограничных городов (*edge cities*), внешних городов (*outer cities*) и постсубурбии (*postsuburbia*)[36]. Например, постсубурбия — новый тип пригородов, это гетерогенная агломерация, сочетающая промышленное производство, торговлю, культурные и развлекательные объекты, а также другие традиционные атрибуты городов, такие как банды, преступность, наркобизнес и уличное насилие. Продолжать называть эти районы пригородами — значит исказить их современную реальность, проигнорировать кардинальные изменения, которые в них произошли.

С другой стороны, исследователь указывает на новые социальные процессы, которые во многом являются причиной происходящих изменений. В частности, он отмечает драматическую реконструкцию центральных районов города, которые покидает местное население и занимают трудовые мигранты из стран "третьего мира", привозящие с собой свою культуру.

Эти трансформации способствовали появлению, с одной стороны, так называемого "нового урбанизма" в США и Великобритании, который предъявляет новые требования к городскому дизайну и принципам градостроительства. С другой стороны, необходимо отметить проведение исследований социальных и экологических последствий перестройки городской формы, примером которых является анализ Лос-Анджелеса в работе М. Дэвиса "Кварцевый город"[37]. Таким образом, этот дискурс тоже начинает поляризоваться, что потенциально непродуктивно. Э. Сойя полагает, что именно этот дискурс акцентирует внимание на наиболее серьезных проблемах как для социологии, так и для всех городских исследований. Поэтому он отмечает потребность в более сбалансированных и гибких, но все же

---

[33] *Soja E.* Postmetropolis… P. 233–263.

[34] Since megalopolis: the urban writings of Jean Gottmann / Ed. by J. Gottmann, R.A. Harper. Baltimore; L., 1990.

[35] *Garreau J.* Edge city: life on the new frontier. N.Y., 1991.

[36] *Soja E.* Postmetropolis… P. 238.

[37] *Davis M.* City of quartz: excavating the future in Los Angeles. N.Y., 2006.

критических подходах к интерпретации меняющейся окружающей среды и социальной географии постметрополиса.

4. Фрагментированный город, или метрополярности (*metropolarities*)[38], анализирующийся в трудах Д. Массей[39], У. Уилсона[40] и др. Э. Сойя понимает под метрополярностями новые виды социальной поляризации и стратификации, увеличение социального неравенства, рост разрыва в доходах, что приводит к формированию новой реструктурированной социальной мозаики с новыми неравенствами и ограничениями в доступе. Исследователь полагает, что новые социальные группы не вписываются в традиционные классовые схемы, а следовательно, привычные модели выделения высшего, среднего и низшего классов в современных городах не работают.

Э. Сойя считает, что именно этот дискурс привлек внимание наибольшего числа социологов[41], следствием чего стало появление множества новых терминов: "постоянный городской андеркласс", или "действительно обездоленные" (*truly disadvantaged*), "динки" (аббревиатура *"dinks" — double income, no kids*), т.е. пары без детей, в которых оба работают, "профессионалы высшего уровня" (*upper professionals*), "новые технократы" (*new technocracy*), "работающие бедные" (*working poor*), "новые сироты", к которым относятся как дети, растущие без родителей, так и пожилые, брошенные своими детьми, "гетто, живущие на социальные пособия", "гипергетто" и т.п.

5. Тюремные архипелаги (*carceral archipelagos*)[42]. Этот дискурс Э. Сойя связывает с работой М. Дэвиса "Кварцевый город", которая, по его мнению, излишне романтизируется многими урбанистами, вследствие чего они сужают рассмотрение проблемы до анализа лишь одного из ее аспектов. М. Дэвис изображает Лос-Анджелес как город с многочисленными тюрьмами, садистскими уличными сообществами, жилыми районами, которые превращаются в стратегические укрепления, охраняемые вооруженными общинами, а знаки сообщают о том, что "нарушители будут расстреляны"; город, который охраняется и патрулируется высокотехнологичной полицией. Однако М. Дэвис в своей работе подчеркивает, что глобализирующийся постфордистский метрополис с его необычайной культурной неоднородностью, растущей социальной поляризацией и новыми видами социального

---

[38] *Soja E.* Postmetropolis… P. 264–297.

[39] *Massey D.* Spatial divisions of labour. N.Y.; L., 1984.

[40] *Wilson W.* The truly disadvantaged: the inner city, the underclass, the public policy. Chicago, 1987.

[41] Ex.: Dual city. Restructuring New York / Ed. by J.H. Mollenkopf, M. Castells. N.Y., 1991.

[42] *Soja E.* Postmetropolis… P. 298–322.

неравенства становится взрывоопасным и объединяется в постметрополис преимущественно благодаря "тюремным" технологиям насилия и социального контроля, поддерживаемым капиталом и государством[43].

Эта радикальная точка зрения сдерживает усилия по практическому, политическому и теоретическому осмыслению современного мира и ослабляет способность переводить знания в эффективные действия.

6. "Города образов"[44] (*simcities*)[45]. Ключевым для данного дискурса является понятие симулякра, производным от которого и формулируется его название. В понимании симулякра Э. Сойя опирается на позицию французского социолога Ж. Бодрийяра[46], чья интерпретация данного понятия наиболее широко известна, однако, является далеко не единственной[47]. В центре внимания данного дискурса находятся разнообразные симуляции, симулякры, гиперреальные миры и другие проявления "городского воображаемого", которые во все большей степени определяют различные аспекты нашей жизни и, таким образом, проникают в городскую повседневность. По мнению Э. Сойи, этот дискурс должен занять заметное место в современных урбанистских исследованиях, поскольку он отмечает нарастающее размывание границ между реальным и воображаемым.

Конструируемая гиперреальность постметрополиса должна быть проанализирована как на микроуровне повседневной жизни, так и на макроуровне изучения урбанизации и социального производства городского пространства. Э. Сойя считает этот дискурс чрезвычайно важным, поскольку полагает, что "городская образность" играет ключевую роль в новом, находящемся в процессе становления способе социальной регуляции, связанном с новыми способами мышления и действия в городской среде.

Таким образом, формируется киберпространство, которое совершенно не обязательно совпадает с пространством городским, но определяет логику его функционирования, детерминируя действия "электронного поколения гиперреальности". Городское пространство все чаще предлагает имитации урбанизма и раз-

---

[43] *Davis M.* City of quartz… P. 27.

[44] В переводе главы из работы Э. Сойи "Постметрополис", опубликованном в журнале "Логос" (*Сойя Э.* Постметрополис. Критические исследования городов и регионов // Логос. 2003. № 6 (40). С. 133–150) и посвященном шестому дискурсу, его название переведено как "города-призраки", что представляется не совсем верным.

[45] *Soja E.* Postmetropolis… P. 323–348.

[46] *Baudrillard J.* America. L.; N.Y., 1988.

[47] *Mitchell W.* City of bites: space, place, and the infobahn. Cambridge, 1995; *Bremer M.* Sim city: the original city simulator. Orinda, 1993.

нообразные вариации привычных образов, которые принимают формы виртуальных коммуникаций, отсутствующих географий (*nowhere geographies*), сотворенных компьютером искусственных миров, кибергородов и т.п.

Таким образом, первые два дискурса представляют собой анализ тех процессов, которые способствуют превращению позднего метрополиса в постметрополис, в то время как вторая пара дискурсов касается, прежде всего, эмпирических последствий этих изменений. При этом в дискурсе об экзополисе более явно просматриваются пространственные акценты, связывающие его с рассуждениями о постфордистской индустриализации и глобализации, а дискурс о метрополярностях акцентирует внимание на социальных последствиях этих изменений. Вместе с тем, Э. Сойя указывает на упрощенное понимание постметрополиса представителями дискурса о метрополярностях, что он частично связывает с поверхностным изучением связей между процессами реструктуризации пространства и их эмпирическими последствиями. В свою очередь, третья пара дискурсов исследует то, что можно назвать социальным ответом на последствия городской реструктуризации постметрополиса.

Рассмотренные дискурсы свидетельствуют о том, что современные города характеризуют новые контексты и новые проблемы, которые нельзя объяснить с помощью прежних моделей, подходящих для анализа уходящего метрополиса. Постметрополис по-прежнему остается площадкой для конфликтов и борьбы, но социальные процессы и пространственные формы, которые определяют эту борьбу, значительно отличаются от тех, которые были характерны для конца XX в. Вместе с тем, Э. Сойя прогнозирует, что и постметрополис начнет серьезно меняться, поскольку для него начинается этап нестабильности и кризиса. Он подробно рассматривает отдельные локальные, изолированные проблемы (например, беспорядки в Лос-Анджелесе в 1992 г.) и прогнозирует, что они могут стать предвестником глобального кризиса, вызванного реструктуризацией пространства[48]. Это заставляет исследователя сделать вывод о том, что необходимы критические городские исследования, которые позволят сформировать концептуальную основу для выработки эффективной политики, в том числе, решения социальных проблем.

Подводя итоги, следует отметить, что Э. Сойя — один из самых ярких представителей социальной географии (*human geography*). Его работам удалось изменить городские исследования, открыть новые подходы к теоретическому осмыслению и практическому изучению

---

[48] *Soja E.* Postmetropolis… P. 396–397.

современных городов и регионов. Лос-Анджелес — город, который часто присутствует в его произведениях, поэтому символично, что премия Американской ассоциации географов за выдающиеся достижения (*Lifetime Achievement Honors*) в области теории городских исследований (особенно работы о важности изучения пространства, его значении для понимания не только города, но и общества в целом), была вручена Э. Сойе в 2013 г. на ежегодном собрании Ассоциации именно в Лос-Анджелесе.

Эвристическая ценность концепции Э. Сойи заключается в том, что он фиксирует уход в прошлое городского дуализма, предполагающего сочетание плотного, гетерогенного центра и однородных пригородов. Новая городская форма, получающая все большее распространение в современном мире — полицентричный город-регион, глобализированный, с огромным количеством различных сетей и основанный на информации[49]. Результатом становятся социально и культурно разнородные урбанистические образования с отсутствием единого центра, сильной социальной поляризацией и неравенством богатства и власти.

Методология исследования пространственного неравенства, предложенная Э. Сойей, может помочь в выявлении и анализе его особенностей в современной России, для которой неравенство является одной из самых острых социальных проблем[50]. Значимыми для изучения неравенства являются концепции и других исследователей[51], однако, специфику пространственного неравенства и новые формы его проявления лучше всего позволяют понять работы именно Э. Сойи.

---

[49] *Soja E.* Writing the city spatially // City: analysis of urban trends, culture, theory, policy, action. 2003. Vol. 7. N 3. P. 279. DOI: 10.1080/1360481032000157478.

[50] *Осипова Н.Г.* Неравенство в эпоху глобализации: сущность, институты, региональная специфика и динамика // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 2. С. 119–141; *Полякова Н.Л.* Социальное неравенство в социологических теориях второй половины XX в. Оформление конструктивистской перспективы // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 1. С. 5–28; *Лядова А.В., Новоселова Е.Н.* Социально-экологические риски урбанизации и развитие московской агломерации: сравнительный анализ зарубежного опыта // Экология и промышленность России. 2017. Т. 21. № 10. С. 55–61.

[51] См., напр.: *Добринская Д.Е.* Социологическая концепция Томаса Маршалла: гражданство и социальное неравенство современных обществ // Труд и социальные отношения. 2009. № 10. С. 144–148; *Мартыненко Т.С.* Теория глобального социального неравенства в социологии мобильностей Джона Урри // Социология. 2015. № 1. С. 85–91; *Мартыненко Т.С.* Глобальная социология Г. Терборна: теория социальных неравенств // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 391. С. 97–101.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вершинина И.А. Анри Лефевр: от “права на город” к “урбанистической революции” // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2018. № 2. С. 48–60.

Вершинина И.А. Влияние капитализма на процесс урбанизации: социология города Ричарда Сеннета // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2013. № 1. С. 172–183.

Вершинина И.А. Локализация мировой экономической системы в глобальных городах // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2017. № 3. С. 58–76.

Вершинина И.А. Социальное неравенство в современных городах: перспективы урбанистической революции // Социология города. 2017. № 2. С. 5–19.

Вершинина И.А. Трансформация социальной структуры в информациональном городе // Социология города. 2013. № 3. С. 3–17.

Добринская Д.Е. Социологическая концепция Томаса Маршалла: гражданство и социальное неравенство современных обществ // Труд и социальные отношения. 2009. № 10. С. 144–148.

Лядова А.В., Новоселова Е.Н. Социально-экологические риски урбанизации и развитие московской агломерации: сравнительный анализ зарубежного опыта // Экология и промышленность России. 2017. Т. 21. № 10. С. 55–61.

Мартыненко Т.С. Глобальная социология Г. Терборна: теория социальных неравенств // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 391. С. 97–101.

Мартыненко Т.С. Теория глобального социального неравенства в социологии мобильностей Джона Урри // Социология. 2015. № 1. С. 85–91.

Осипова Н.Г. Неравенство в эпоху глобализации: сущность, институты, региональная специфика и динамика // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 2. С. 119–141.

Полякова Н.Л. Социальное неравенство в социологических теориях второй половины XX в. Оформление конструктивистской перспективы // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 1. С. 5–28.

REFERENCES

Baudrillard J. America. L., N.Y., 1988.

Bremer M. Sim city: the original city simulator. Orinda, 1993.

Castells M. The city and the grassroots: a cross-cultural theory of urban social movements. Berkeley, 1983.

Castells M. The informational city: information technology, economic restructuring and the urban-regional process. Oxford; Malden, 1989.

Davis M. City of quartz: excavating the future in Los Angeles. N.Y., 2006.

Dobrinskaya D.E. Sociologicheskaya koncepciya Tomasa Marshalla: grazhdanstvo i social’noe neravenstvo sovremennyh obshchestv [The Thomas Marshall Sociological Concept: Citizenship and Social Inequality of Modern Societies] //

Trud i social'nye otnosheniya [Labor and Social Relations]. 2009. N 10. S. 144–148 (in Russian).

Dual city. Restructuring New York / Ed. by J.H. Mollenkopf, M. Castells. N.Y., 1991.

Friedmann J. The world city hypothesis // Development and Change. 1986. Vol. 17. N 1. P. 69–84.

Garreau J. Edge city: life on the new frontier. N.Y., 1991.

Harvey D. Social justice and the city. L., 1973.

Harvey D. The urbanization of capital. Oxford; N.Y., 1985.

Kommunikation — Gedachtnis — Raum: Kulturwissenschaften nach dem "spatial turn" / Ed. by M. Csaky, Ch. Leitgeb. Bielefeld, 2009.

Lyadova A.V., Novoselova E.N. Social'no-ehkologicheskie riski urbanizacii i razvitie moskovskoj aglomeracii: sravnitel'nyj analiz zarubezhnogo opyta [Socio-environmental risks of urbanization and the development of the Moscow agglomeration: a comparative analysis of foreign experience] // Ehkologiya i promyshlennost' Rossii [Ecology and Industry of Russia]. 2017. T. 21. N 10. S. 55–61 (in Russian).

Martynenko T.S. Teoriya global'nogo social'nogo neravenstva v sociologii mobil'nostej Dzhona Urri [The Theory of Global Social Inequality in the Sociology of the Mobility of John Urry] // Sociologiya [Sociology]. 2015. N 1. S. 85–91 (in Russian).

Martynenko T.S. Global'naya sociologiya G. Terborna: teoriya social'nyh neravenstv [Terborn's Global Sociology: Theory of Social Inequalities] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Bulletin]. 2015. N 391. S. 97–101 (in Russian).

Massey D. Spatial divisions of labour. N.Y.; L., 1984.

Mitchell W. City of bites: space, place, and the infobahn. Cambridge, 1995.

Osipova N.G. Neravenstvo v ehpohu globalizacii: sushchnost', institu-ty, regional'naya specifika i dinamika [Inequality in the era of globalization: essence, institutions, regional specificity and dynamics] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya [Moscow University Bulletin. Series 18: Sociology and Political Science]. 2014. N 2. S. 119–141 (in Russian).

Polyakova N.L. Social'noe neravenstvo v sociologicheskih teoriyah vtoroj poloviny XX v. Oformlenie konstruktivistskoj perspektivy [Social inequality in sociological theories of the second half of the XX century. Making a constructivist perspective] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya [Moscow University Bulletin. Series 18. Sociology and political science]. 2015. N 1. S. 5–28 (in Russian).

Paul S. In memoriam: Edward Soja (1940–2015), Distinguished Professor Emeritus of Urban Planning. URL: http://luskin.ucla.edu/20151112201511l2in-memoriam-edward-soja-1940-2015-distinguished-professor-emeritus-of-urban-planning/ (accessed: 01.02.2018).

Sassen S. Losing control? Sovereignty in an age of globalization. N.Y., 1996.

Sassen S. The global city: New York, London, Tokyo. Princeton; Oxford, 1991.

Sassen S. The global city. Princeton, 2001.

Savage M., Warde A. Urban sociology, capitalism and modernity. N.Y., 1993.

Scott A.J. New industrial spaces: flexible production. Organization and regional development in North America and Western Europe. L., 1988.

Since megalopolis: the urban writings of Jean Gottmann / Ed. by J. Gottmann, R.A. Harper. Baltimore; L., 1990.

Soja E. Writing the city spatially // City: Analysis of Urban Trends, Culture, Theory, Policy, Action. 2003. Vol. 7. N 3. DOI: 10.1080/1360481032000157478.

Soja E. Postmetropolis. Critical studies of cities and regions. Malden, 2007.

Soja E. Regional urbanization and the end of the Metropolis era // The New Blackwell Companion to the City / Ed. by G. Bridge, S. Watson. Oxford, 2011. DOI: 10.1002/9781444395105.ch59.

Spatial Turn: das Raumparadigma in den Kultur- und Sozialwissenschaften / Ed. by J. Doring, T. Thielmann. Bielefeld, 2008.

The spatial turn: interdisciplinary perspectives / Ed. by B. Warf, S. Arias. N.Y.; L., 2008.

Vershinina I.A. Vliyanie kapitalizma na process urbanizacii: sociologiya goroda Richarda Senneta [The influence of capitalism on the process of urbanization: the sociology of the city of Richard Sennet] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya [Moscow University Bulletin. Series 18. Sociology and political science]. 2013. N 1. S. 172–183 (in Russian).

Vershinina I.A. Transformaciya social'noj struktury v informacional'nom gorode [Transformation of the social structure in the informational city] // Sociologiya goroda [Sociology of the city]. 2013. N 3. S. 3–17 (in Russian).

Vershinina I.A. Social'noe neravenstvo v sovremennyh gorodah: perspektivy urbanisticheskoj revolyucii [Social inequality in modern cities: the prospects of the urban revolution] // Sociologiya goroda [Sociology of the city]. 2017. N 2. S. 5–19 (in Russian).

Vershinina I.A. Lokalizaciya mirovoj ehkonomicheskoj sistemy v glo-bal'nyh gorodah [Localization of the world economic system in global cities] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya [Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and political science]. 2017. N 3. S. 58–76 (in Russian).

Vershinina I.A. Anri Lefevr: ot "prava na gorod" k "urbanisticheskoj revolyucii" [Henri Lefevre: From the "Right to the City" to the "Urban Revolution"] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya [Moscow University Bulletin. Series 18. Sociology and political science]. 2018. N 2. S. 48–60 (in Russian).

Wilson W. The truly disadvantaged: the inner city, the underclass, the public policy. Chicago, 1987.

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

DOI: 10.24290/1029-3736-2019-25-1-78-95

АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РАДИОСТАНЦИЕЙ В УСЛОВИЯХ МЕДИАКОНВЕРГЕНЦИИ НА ПРИМЕРЕ РАДИО "ЭХО МОСКВЫ"

О.И. Молчанова, канд. пед. наук, доц., доц. кафедры международных отношений, медиалогии, политологии и истории Санкт-Петербургского государственного экономического университета, ул. Садовая, д. 21, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 191023*

Статья посвящена выявлению специфических особенностей социального управления редакцией современной радиостанции. Цель данной статьи — рассмотреть различные аспекты управления современной радиостанцией, на примере редакции "Эхо Москвы", выявить принципы организации ее функционирования, взаимодействия специалистов редакционного персонала с целевой аудиторией. Задачи исследования включают рассмотрение таких понятий, как "формат", "программирование", "форматирование" радиовещания, а также факторов, влияющих на эффективность управления, таких как потенциал сотрудников, средства производства, культура организации, лидерство руководителя массмедиа, аудиторный фактор; анализ классификации современных радиостанций; выявление специфических для современного общественно-политического радио "Эхо Москвы" методов управления коллективом и работы с аудиторией. Сегодня радио, как и другие массмедиа, стало мобильным источником вещания. Данный фактор преобразил стилистику вещания и содержание радиопередач в целом. "Эхо Москвы" — универсальная радиостанция по тематической направленности вещания, однако она ориентирована в основном на вещание новостное, особое внимание уделяется новостям политики и культуры, обзорам прессы, беседам с гостями, которые являются экспертами по различным общественно значимым вопросам. Организационную структуру радиостанции "Эхо Москвы" следует причислить к структуре линейно-функционального типа, при которой всю полноту власти берет на себя линейный руководитель, возглавляющий коллектив. У данной структуры есть как плюсы, так и минусы. Редакция радиостанции "Эхо Москвы" — социальная организация, в которой формируются специфические взаимоотношения, обусловленные организационной структурой предприятия и общей целью коллектива.

* **Молчанова Ольга Ильинична,** e-mail: moi.2012@bk.ru

Взаимовыручка, командный дух, готовность прийти на помощь как в профессиональной деятельности, так и на межличностном уровне, говорят о сформированности корпоративных отношений в коллективе "Эха Москвы". Общие мероприятия, коллективные события сплачивают сотрудников и позволяют решать имиджевые задачи, способствуют продвижению данного медиа и укреплению его положительной репутации.

Ключевые слова: *социальное управление, радиостанция, организационная структура, аудитория.*

ASPECTS OF SOCIAL MANAGEMENT OF A MODERN RADIO STATION IN THE CONDITIONS OF MEDIA CONVERGENCE ON THE EXAMPLE OF RADIO "ECHO OF MOSCOW"

Molchanova Olga I., The Candidate of Ppedagogical Sciences, Associate Professor of International relations, media studies, political science and history, St. Petersburg State University of Economics, Sadovaya street, 21, St. Petersburg, Russian Federation, 191023, e-mail: moi.2012@bk.ru

The article is devoted to the identification of specific features of social management of the editorial office of a modern radio station. The purpose of this article is to consider various aspects of the management of a modern radio station, on the example of "Echo of Moscow" to identify the principles of its functioning, the interaction of editorial staff with the target audience. The objectives of the study include consideration of such concepts as "format", "programming", "formatting" of radio broadcasting, as well as factors affecting the effectiveness of management, such as the potential of employees, means of production, culture of organization, leadership of the head of mass media, classroom factor; analysis of the classification of modern radio stations; identification of specific for modern socio-political radio "Echo of Moscow" methods of team management and work with the audience. Today, like other mass media, radio has become a mobile source of broadcasting. This factor has transformed the style of broadcasting and the content of radio programs in General. "Echo of Moscow" is a universal radio station on the thematic focus of broadcasting, but it is focused mainly on broadcasting news, special attention is paid to news of politics and culture, reviews of the press, conversations with guests who are experts on various socially significant issues. The organizational structure of the radio station "Echo of Moscow" should be considered to the structure of the linear-functional type, in which the full power takes over the linear head, who heads the team. This structure has both pros and cons. The editorial office of the radio station "Echo of Moscow" is a social organization in which specific relationships are formed, due to the organizational structure of the enterprise and the overall goal of the team. Mutual assistance, team spirit, willingness to help, both in professional activities and at the interpersonal level, speak of the formation of corporate relations in the team of "Echo of Moscow". Joint events, collective events unite employees and

help to solve the branding problem, contribute to the promotion of the media and strengthen its positive reputation.

Key words: *social management, radio station, organizational structure, audience.*

В условиях медиаконвергенции, когда каждому сотруднику редакции необходимо овладевать цифровыми технологиями, осваивать новые виды деятельности, успешность медиапредприятия зависит от профессионализма управленческой структуры данной компании. Редакция современного радио — сложный по составу коллектив, различные подразделения которого отвечают за свой участок производства информационного продукта.

Управление организацией можно рассматривать как непрерывный процесс влияния на трудоспособность и результативность работника, группы работников или предприятия в целом с целью повышения результативности и достижения поставленных целей[1].

Организационная структура управления создается с целью распределения ответственности между отдельными подразделениями организации.

Редакционная структура имеет свою специфику. По мнению А.В. Вырковского: «Именно редакция и производимый ею продукт является элементом, выделяющим индустрию СМИ из ряда иных предприятий. При этом рассмотрение редакции как основной единицы теоретического и эмпирического анализа позволяет избежать многочисленных научных коллизий, одновременно давая возможность продемонстрировать валидность всего обширного инструментария менеджмента. По сути дела, именно "редакционный" подход к менеджменту СМИ помогает "отстроиться" от "большого" менеджмента, потому как именно редакция является той уникальной компонентой, наличие которой превращает организацию в средство массовой информации»[2].

В рамках организационной структуры управления, связанной с целями, функциями, процессом управления, работой и распределением полномочий между менеджерами, протекает весь управленческий процесс, и в нем участвуют управленцы всех уровней и категорий[3].

Основные требования к структуре управления медиапредприятием:

---

[1] *Рогожин С.В., Рогожина Т.В.* Теория организации. URL: https://www.cfin.ru/management/strategy/org_n_man.shtml

[2] *Вырковский А.В.* Роль редакции в индустрии производства контента // Вестник СВФУ. 2016. № 5 (55). С. 102–111.

[3] *Дорофеев В.Д., Шмелева А.Н., Шестопал Н.Ю.* Менеджмент: Уч. пособ. М., 2008.

– в составе структуры управления должны быть органы взаимодействия с руководством медиапредприятия;

– нацеленность на прогрессивное развитие медиапредприятия;

– наличие потенциала для овладения новыми технологиями и использования их в практике управления.

Оценка управления медиапредприятием связана со сложностью понимания конкретного ее результата. В связи с этим оценка редко бывает корректной и целесообразной, потому что:

– результат измеряется не только прибылью;

– социальный результат имеет не меньшее значение в развитии организации, чем экономическая состоятельность;

– затраты на управление непросто измерить и четко определить.

Эффективность управленческой деятельности определяется результатами развития организации. Необходимы критерии, на основе которых измеряется эффективность управления.

Г.В. Атаманчук считает, что "критерии эффективности представляют собой признаки, грани, стороны, проявления управления (управленческой системы), посредством анализа которых можно определять уровень и качество управления, его соответствие потребностям и интересам общества"[4].

Факторами, которые оказывают влияние на эффективность управления, можно назвать и потенциал сотрудников в части выполнения определенных задач, способность их к самообразованию, и современные средства производства, и в целом сформированную культуру организации.

Для структурирования и упрощения управленческой деятельности создаются различные регламенты управления — совокупности принципов и правил, определяющих порядок деятельности организации, которые играют важную роль в обеспечении четкости, стабильности и преемственности управления.

Сегодня радио является неотъемлемой частью повседневной жизни каждого человека. Радиовещание несмотря на доступность других информационных площадок остается одним из самых популярных источников. Обусловливают подобное положение присущие радио определенные свойства:

1. Оперативность. В структуре современных СМИ радио остается наиболее оперативным, опережая в этом и телевидение, и прессу.

2. Доступность. Радио совместимо почти с любым видом занятости. Слушание позволяет оставаться в курсе событий, при этом не отказываясь от повседневных дел.

---

[4] *Атаманчук Г.В.* Теория государственного управления: Уч. пособ. М., 2014. С. 261.

3. Восприятие. В системе СМИ радио, ориентированное прежде всего на аудиовосприятие, оказывает воздействие более, чем другие медиа, на ассоциативное мышление человека, позволяя актуализировать его воображение. Возбуждение фантазии, неосознанных эмоций становится привлекательным качеством данного вида медиа[5].

Современные исследователи рассматривают классификацию радиостанций в соответствии с различными типологическими признаками. По цели вещания типологизировать их можно так: общественно-политические, коммерческие, просветительские, информационные, развлекательные[6].

Следующий фактор, по которому можно классифицировать радиостанцию — это форма собственности. По мнению В.А. Сухаревой выделяют следующие типы: государственная, государственно-кооперативная, акционерная, общественная, частная (отдельные владельцы или группы лиц), смешанная (с участием зарубежного капитала), принадлежащая зарубежным корпорациям и компаниям[7].

Типология радио связана с функциональным аспектом вещания.

Разнообразные функции радиовещания уместно сгруппировать следующим образом: информационная, интегративная, аналитическая, воспитательная, агитационно-пропагандистская, организаторская, культурно-просветительская, рекреативная[8].

Данный функционал имеет значение для формирования сетки вещания — документа, который включает в себя перечень, последовательность, наименование, время выхода в эфир радиопрограмм. Соблюдение баланса в данном вопросе позволяет привлекать аудиторию и удерживать ее внимание.

Аудиторный фактор играет ключевую роль в формировании конкурентоспособности современного СМИ. Неслучайно все более популярной становится коммуникационная модель "выборочного потребления", согласно которой "добровольное потребление информации индивидом выборочно и определяется четырьмя факторами: образованием, социальной принадлежностью, полезностью информации и историей взаимодействия индивида со СМИ"[9].

---

[5] *Шерель А.А.* Радиожурналистика: Уч. / Под ред. А.А. Шерель. М., 2002. С. 106.

[6] *Раскатова Е.Р.* Типологические подходы к исследованию радиовещания // RELGA. 2005. 16.11. № 18 (120). URL: http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=664&level1=main&level2=articles

[7] *Сухарева В.А., Аллахвердова А.А.* Радио: музыкальное, новостное, общественное: Уч. изд. М., 2001.

[8] *Шерель А.А.* Аудиокультура XX века. История, эстетические закономерности, особенности влияния на аудиторию. Очерки: Уч. пособ. М., 2004. URL: https://profilib.net/chtenie/69120/aleksandr-sherel-audiokultura-xx-veka-istoriya-esteticheskie-zakonomernosti-osobennosti-53.php

[9] *Ровинская Т.Л.* Общественные функции СМИ и коммуникационные модели в демократическом обществе // Политическая наука. 2008. № 2. С. 132–151.

Сегодня радио, как и другие массмедиа, стало мобильным источником вещания. Данный фактор преобразил стилистику вещания и содержание радиопередач в целом: с одним собеседником общение происходит иначе, нежели с большой группой слушателей.

Поэтому необходимо разделять столь многочисленную аудиторию на две категории.

1. Аудитория потенциальная, которая включает в себя тех слушателей, которые могут принимать программы данного радио и при определенных условиях становятся реальными слушателями.

2. Аудитория реальная, состоящая из слушателей, ориентированных на конкретную радиостанцию, отождествляющих себя с ней, слушающих ее на постоянной основе. Очевидно, что "размеры реальной аудитории определяют значение, вес, авторитет радиостанции — ее социологический рейтинг, существенный в политическом и коммерческом отношениях"[10].

Важное значение для выбора приемов установления и поддержания контакта с аудиторией имеет программный тип радиостанции, т.е. формат, который определяет предметную область, стилистику вещания, направленность и тематический характер программ[11]. Например, радиостанции "Авторадио" и "Дорожное радио" ориентированы на слушателей-автомобилистов, а целевая аудитория "Business FM" — бизнесмены и деловые люди. В соответствии с потребностями целевой аудитории создается контент радиопередач.

Руководитель в лице главного редактора должен правильно определять свою аудиторную нишу.

Многие радиостанции имеют свой девиз и слоганы, которые подчеркивают тематическую позицию СМИ. Например, слоган радио "Европа Плюс" — "Больше хитов! Больше музыки!", слоган "Дорожного радио" — "Вместе в пути!", слоган "Ретро FM" — "Лучшая музыка 70-х, 80-х, 90-х", слоган Love Radio — "Радио Твоей Мечты".

В организации работы радиостанции важную роль играет служба звукозаписи. В это подразделение входят технические работники, обслуживающие все необходимое оборудование, звукорежиссеры и звукооператоры, монтажеры, музыкальные оформители и музыкальные редакторы.

В последние годы на радиостанциях появилась тенденция найма продюсеров. Продюсер совмещает в себе функции директора, экономиста и организатора, несет ответственность за административную, финансовую, техническую и творческую жизнь радиостанции. Иногда продюсера называют программным директором. По сути, эта должность одна из ключевых, так как именно программный ди-

---

[10] *Шерель А.А.* Аудиокультура XX века... С. 3.

[11] *Раскатова Е.Р.* "Формат" в радиовещании как термин и как понятие // Научно-профессиональный журнал "Акценты". 2003. № 5–6 (40–41). С. 22–28.

ректор несет ответственность за организацию, координацию работы сотрудников СМИ, за соответствие эфира формату вещания. Иногда в обязанности программного директора могут входить обязанности главного редактора.

Программный директор осуществляет программирование радиостанций. Выделяют несколько концепций программирования:

1. Горизонтальное программирование. В основе горизонтального программирования лежит принцип всеохватности. В рамках этой стратегии сетка вещания ориентирована на аудиторию с разными социальными, демографическими, гендерными характеристиками.

2. Вертикальное программирование. Основная часть коммерческих радиостанций постепенно перешла на специализированное вещание, что в принципе и повлекло за собой появление новой стратегии программирования — вертикальной. Стратегию вертикального программирования связывают с понятием "формат".

А.А. Шерель определяет термин так: "Формат — это концепция радиостанции, включающая в себя содержание, ритмы вещания, эстетические нормы программирования, манеру работы ведущих и другие специфические особенности организации передач, а также структурирование программных элементов в соответствии с потребностями целевой аудитории... По существу, формат — это подбор и расположение программных элементов (часто музыкальных записей) в последовательности, способной привлечь и удержать тот сегмент аудитории, в котором заинтересована станция"[12].

Е.Р. Раскатова обращает внимание на парадокс, "с которым сталкиваются как практики, так и теоретики радио. С одной стороны, формат является достаточно жесткой и взаимосвязанной схемой, но практический опыт уже неоднократно показывал, что на самом деле он подвижен и постоянно изменяется под влиянием времени, творчества коллектива радиостанции, опыта работы, результатов исследований целевой аудитории и других факторов"[13]. Таким образом, следует вывод, что "форматирование радиостанции — творческий и постоянно продолжающийся процесс, и в этой части изменения не только возможны, но и только полезны, так как способствуют развитию творческого процесса на радиостанции"[14].

Выделяют три основные разновидности форматов радио: музыкальные, разговорные, новостные.

Осуществление программирования — процесс сложный, требующий учета множества факторов, таких как разработка сетки вещания, разработка программного колеса, подбор ведущих, расчет бюджета.

---

[12] *Шерель А.А.* Радиожурналистика: Уч. пособ. М., 2000. С. 37.

[13] *Раскатова Е.Р.* "Формат" в радиовещании как термин и как понятие. С. 22–28.

[14] Там же.

Программный директор осуществляет контроль за процентным соотношением активности аудитории в течение суток, и, ориентируясь на эти данные, определяет "прайм-тайм" — самое популярное у слушателей время.

С целью наиболее эффективного и результативного программирования радиостанции используются "программные колеса". Понятие "программное колесо" определяют как последовательность программных элементов в течение одного часа эфира[15].

Графически один из вариантов "программного колеса" может быть представлен следующим образом:

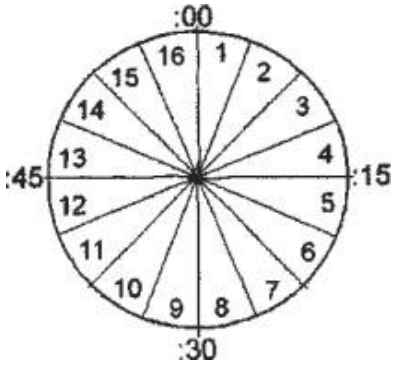

Рис. 1. Колесо вещания

Используя "программное колесо", программный директор определяет содержание и тематику каждого часа. В принципе, "программное колесо" создается с целью констатирования того, что каждый программируемый элемент, будь то реклама, новости или музыка, расположен в сетке стратегически верно и воспринимаем аудиторией. Важно, чтобы все элементы находились в балансе друг с другом.

В свете вышеизложенного рассмотрим некоторые аспекты управления редакционным коллективом радиостанции "Эхо Москвы".

Радиостанция "Эхо Москвы" — это российская круглосуточная информационно-аналитическая радиостанция.

Радио "Эхо Москвы" транслирует несколько слоганов: "Свободное радио для свободных людей", "Слушайте радио. Остальное — видимость", "Эхо Москвы. Ваш лоцман в море информации".

Рис. 2. Логотип радиостанции "Эхо Москвы"

[15] *Шерель А.А.* Аудиокультура XX века…

Неоспоримым плюсом является то, что у бренда "Эхо Москвы" отмечается высокая степень узнаваемости, фирменный стиль и логотип радиостанции представлен на ее сайте.

Устав организации "Эха Москвы" предписывает, что редакционный курс может определяться исключительно главным редактором, при этом учредитель, как правило, не вмешивается в редакционную политику. Данный пункт имеет принципиальное значение и беспрекословно выполняется владельцем.

Форма собственности — негосударственная. На сегодня 66% всех акций предприятия "Эхо Москвы" принадлежат Газпром-Медиа Холдингу, а оставшиеся 34% распределены между журналистами радиостанции, из них 18% принадлежат главному редактору, Алексею Венедиктову.

Ежедневная аудитория радиостанции в Москве составляет 840 тыс. человек и около 1,8 млн в остальных регионах России. Подробно структура аудитории представлена на рис. 3[16].

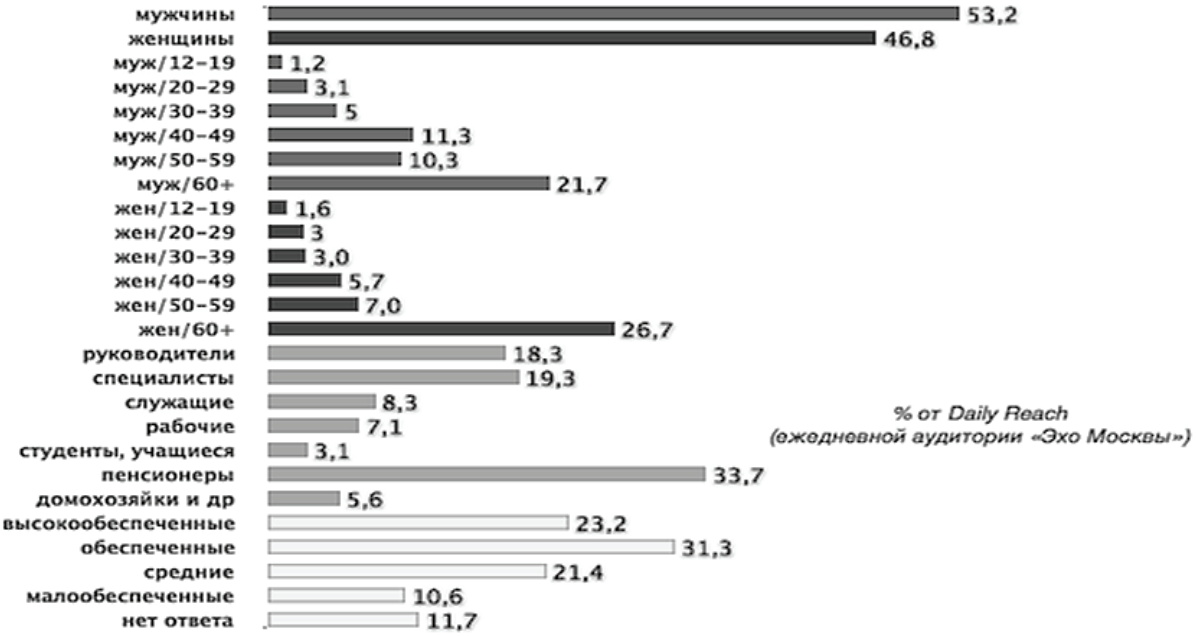

Рис. 3. Структура аудитории радио "Эхо Москвы"

Большая часть аудитории радио "Эхо Москвы" — это активные граждане, с высшим образованием, стремящиеся к новым знаниям, аналитическому осмыслению событий общественно-политической значимости.

Ниже представлен портрет целевой аудитории радио "Эхо Москвы", где:

– мужчины и женщины в примерном соотношении (54%) и (46%) соответственно;

[16] Аудитория радиостанции. URL: https://echo.msk.ru/about/audience/radioaudience.html

– большая часть аудитории в возрасте 35 лет и старше (87%);

– преимущественно с высшим образованием (80%);

– работающее население — специалисты, руководители, служащие (51%), рабочие (6%), неработающее население — студенты, учащиеся (3%), пенсионеры (36%), домохозяйки и молодые мамы (4%);

– имеют доход низкий (11%), средний (57%) и высокий (32%);

– семейное положение женаты/замужем (60%), холосты/незамужем (40%)[17].

Рис. 4. Объем аудитории радио “Эхо Москвы”

“Эхо Москвы” — универсальная радиостанция по тематической направленности вещания, однако она ориентирована в основном на вещание новостное, особое внимание уделяется новостям политики и культуры, обзорам прессы, беседам с гостями, которые являются экспертами по различным общественно значимым вопросам.

Согласно уставу радиостанции “Эхо Москвы”, основными целями деятельности редакции являются:

– сбор информации политического, экономического, социального, культурного, спортивного, развлекательного и иного характера, с последующим распространением этой информации путем создания передач различной тематики;

– представление различных точек зрения на освещаемые факты и события;

– обеспечение достоверности, объективности и высокого профессионального уровня публикуемых материалов;

---

[17] Аудитория радиостанции. URL: https://echo.msk.ru/about/audience/radioaudience.html

– повышение культурного и образовательного уровня аудитории;

– организация культурных, спортивных, художественных, развлекательных, благотворительных и детских программ и мероприятий.

В течение двадцати пяти лет радиостанция оставалась верна основным принципам своей редакционной политики: приоритет новостей, оперативные сведения, разделения фактических данных и комментария, глубокая и аргументированная аналитика, учитывающая различные точки зрения, взаимодействие с аудиторией посредством интерактивных звонков в эфир, голосования, обсуждения на сайте и в эфире, общения с главным редактором в программе "Без посредников".

Основные жанры радиопередач: интервью, беседа, обзор, обозрение, комментарий.

В утреннем блоке транслируются информационные выпуски, в дневном — информационные и познавательные передачи, к концу этого блока и при переходе к вечернему блоку в эфире просветительские и аналитические программы, а в ночном эфире звучат музыкальные программы и повторы передач.

На радиостанции представлен почти весь спектр тематических передач, от детских до спортивных, от автомобильных до юмористических. Особое место на радиостанции отведено просветительским программам, прежде всего историческим.

В 1997 г. радио "Эхо Москвы" первым среди московских радиостанций запустило свой собственный сайт. А уже в 1998 г. появился первый канал вещания в RealAudio. Сайт постоянно совершенствовался, его версии менялись и дорабатывались.

Сайт радиостанции является отдельным СМИ, входя в структуру данного медиа, он очень информативен и насыщен различными материалами. С главной страницы любой пользователь может прослушать прямой эфир или передачу в записи, узнать актуальные новости, познакомиться с блогами известных людей — политиков, экономистов, деятелей культуры и искусства, почитать расшифровки разнообразных интервью. Для чтения доступны блоги не только известных, но и обычных людей, которые имеют нестандартную точку зрения на ту или иную проблему.

Пользователи сайта имеют доступ к:

– звуковым эфирам радиопередач, в том числе и архиву;

– интервью в расшифрованном печатном виде;

– поиску по тематическим материалам;

– RSS-подписке (функции, позволяющей читать посты, не заходя на сайт, скачивать их специальной программой по отдельному RSS-каналу);

– комментированию любой новости;

– коммуникации с гостями и сотрудниками;
– участию в интерактивных опросах;
– формированию рейтинга ТОП-7 материалов и персон.

Сильной стороной радиостанции является ее многолетний опыт, в 2015 г. "Эхо" отметило свой двадцатипятилетний юбилей. В течение довольно долгого времени радиостанция сохраняет свой неизменный статус авторитетного источника информации. По данным различных исследовательских институтов "Эхо" названо самой цитируемой радиостанцией в России.

Многие радиостанции заметно проигрывают в борьбе за слушателя телевидению ввиду отсутствия картинки. Однако "Эхо Москвы" обернула эту слабую сторону в сильную благодаря сетивизору компании RTVI. С помощью этой технологии производится трансляция передачи из радиостудий, и любой пользователь интернета может наблюдать ведущих и гостей эфира в реальном времени. Кроме того, в 2017 г. появился канал "Эхо Москвы" на YouTube, где в течение дня выходит около десяти прямых эфиров и передач в записи. Канал пользуется большой популярностью у целевой аудитории.

Успешность массмедиа во многом зависит от руководителя. Признающие лидерство своего руководителя сотрудники уважают опыт, признают его умения и способности, от которых зависит их положение в редакции и успех самого медиапредприятия. В свою очередь такие качества лидера, как коммуникабельность и требовательность, позволяют ему добиваться от каждого члена редакции ответственного отношения к своим обязанностям.

Лидерство — непременное качество руководителя. Признание сотрудниками редакции лидерства руководителя основывается, в первую очередь, на уважении его опыта, умений и способностей, на понимании, что от деятельности руководителя зависит успех издания. Коммуникабельность наряду с требовательностью позволяют добиваться от сотрудников выполнения всех стоящих перед каждым участником редакционного процесса задач[18]. Современный руководитель медиапредприятия — это компетентный специалист, отличающийся профессионализмом, глубоким знанием всех редакционных процессов, с развитой интуицией, способный распознавать как инновационность тенденций, так и корпоративно-личностный креативный потенциал.

Помимо организаторской деятельности на руководителя возлагается роль психолога, что становится особенно актуальным в период изменений, которые испытывает редакционная структура в связи с влиянием процессов медиаконвергенции.

---

[18] *Сергеева В.Б., Токарева А.А.* Лидерство в менеджменте // Вестник НГИЭИ. 2012. № 9. С. 81–102.

Личность главного редактора невероятно важна для управления любым СМИ. Алексея Венедиктова можно назвать эффективным менеджером. Кипучая энергия в сочетании с холодным умом сделали Венедиктова заметной фигурой российской журналистики. Либеральное радио благодаря дипломатическим качествам его руководителя сохранило свое лицо (в отличие, например, от переформатированного в 2001 г. НТВ и газеты "Сегодня").

За 10 первых лет его работы главредом аудитория "Эха" выросла на 20%, несмотря на открытие других "разговорных" радиостанций[19].

В 2007 г. Алексей Венедиктов впервые вошел в совет директоров "Эха Москвы" в качестве владельца 18% акций предприятия.

В совете директоров ЗАО "Эхо Москвы" председательствуют четыре директора от Газпрома, три директора от "Эха" и два независимых директора.

Контрольный пакет акций ЗАО "Эхо Москвы" принадлежит холдингу "Газпром-Медиа", однако согласно российскому закону о СМИ учредители или акционеры не имеют права вмешиваться в редакционную политику[20].

На рис. 5 представлена организационная структура ЗАО "Эхо Москвы".

Рис. 5. Организационная структура ЗАО "Эхо Москвы"

---

[19] Газета "Завтра". Выпуск № 29 (1130). URL: http://www.zavtra.ru/content/view/orden-venediktintsev/

[20] Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 "О средствах массовой информации". URL: https://rg.ru/1991/12/27/smi-zakon.html

Организационную структуру радиостанции "Эхо Москвы" следует причислить к структуре линейно-функционального типа, т.е. власть полностью находится в руках линейного руководителя, стоящего во главе коллектива.

Основные *преимущества* использования этой организационной структуры на базе радиостанции "Эхо Москвы" следующие:

– соблюдение принципов единоначалия и в то же время рациональная специализация управленческих звеньев;

– освобождение главного редактора от глубокого анализа проблем финансового характера;

– отлаженная система взаимодействия подразделений;

– распределение ответственности между сотрудниками (каждый из сотрудников "Эха" знает, за что отвечает);

– возможность профессиональной подготовки новых сотрудников (на радиостанции ранее существовала проблема с молодыми кадрами, А. Венедиктов, вступив в должность главного редактора, принял решение снизить возраст ведущих);

– возможность для профессионального и карьерного роста сотрудников (поощряется внутрикорпоративная мобильность сотрудников при переходе из одного подразделения в другое).

Среди *недостатков* можно отметить следующие:

– функциональным подразделениям иногда сложно согласовывать действия;

– принятие и реализация решений не обладает оперативностью;

– сложность в оперативном изменении кадровой политики.

Возглавляет редакцию *генеральный директор*. Сегодня этот пост занимает Екатерина Павлова. Гендиректор отвечает перед владельцем радиостанции за ее финансовую состоятельность.

Генеральному директору подчиняются *главный редактор*, который в свою очередь руководит творческим коллективом редакции, первым заместителем редактора, заместителем редактора, референтской службой, продюсерской службой. Кроме главного редактора генеральному директору подчиняются *финансовый директор*, руководящий финансовым отделом, в котором находятся бухгалтерия и административно-хозяйственная служба, *коммерческий директор*, занимающийся распространением продукта, продажей рекламы, а также рекламой самой радиостанции, *главный редактор сайта*, отвечающий за сайт радиостанции и отдел информационных систем, куда входят IT-специалисты.

Согласно уставу редакции, коллективом руководит главный редактор, обязанностями которого являются:

– координация деятельности творческих сотрудников редакции: разработка и осуществление редакционно-творческой политики редакции по подготовке и выпуску радиопрограмм, руководство

всеми творческими службами редакции, принятие решений в отношении производства и выпуска радиопрограмм, разработка проектов приказов, распоряжений и указаний, затрагивающих редакцию, в том числе по вопросам штатного расписания, рабочего времени и времени отдыха, форм и систем оплаты труда, а также социально-бытового обслуживания;

– решение кадровых вопросов: подготовка предложений по назначению на должность или освобождению от должности редакционно-творческих работников, подготовка предложений и рекомендаций по командированию редакционно-творческих работников;

– решение вопросов взаимоотношений с гражданами, объединениями граждан, предприятиями, учреждениями, организациями, государственными органами.

Главный редактор назначается Советом директоров сроком на пять лет и действует на основании договора, подписываемого с ним от имени Общества Председателем Совета директоров либо иным лицом, уполномоченным на это Советом директоров. Кандидатура главного редактора, за которую проголосовало более половины принявших участие в голосовании журналистов, предлагается для утверждения Совету директоров. Количество голосов журналистов в данном случае зависит от их удовлетворенности политикой управления, сплоченности коллектива, наличия корпоративной культуры медиапредприятия.

Организация работает по принципу делегирования ответственности.

Взаимовыручка, командный дух, готовность прийти на помощь как в профессиональной деятельности, так и на межличностном уровне, говорят о сформированности корпоративных отношений в коллективе "Эха Москвы".

Общие мероприятия, коллективные события сплачивают сотрудников и позволяют решать имиджевые задачи, способствуют продвижению данного медиа и укреплению его положительной репутации.

Одним из таких мероприятий можно назвать большой автопробег 2015 г. по городам вещания радиостанции "Эхо Москвы", посвященный 25-летию в эфире. Автопробег проходил в течение месяца по маршруту Москва — Ярославль — Йошкар-Ола — Ижевск — Нижний Тагил — Тюмень — Омск — Новосибирск — Барнаул — Курган — Магнитогорск — Набережные Челны — Тольятти — Волгоград — Ставрополь — Саратов — Самара — Москва.

Партнерами и спонсорами этого мероприятия выступали Land Rover Russia (предоставившая Land-Rover Discovery-IV), МЧС РФ (обеспечившее спутниковые датчики, позволяющие отслеживать маршрут пробега), Yota (компания, отвечавшая за сотовую связь и интернет), Администрация Президента Татарстана, Правительство

Кировской области, мэрии Екатеринбурга, Самары, Саратова (предоставившие места для проведения встреч с радиослушателями), Научно-производственная торговая компания "СУПРОТЕК", AMSRUS (объединенный блог нескольких популярных автомобильных обозревателей и экспертов).

Встречи со слушателями проводились на набережных, площадях, в библиотеках, арт-клубе, конференц-зале отеля, кафе, музее, институтах, галерее, дилерском центре Land Rover, Доме Писателя. Стабильно встречи посещали около сотни человек, в рамках встречи организовывались круглые столы, каждый слушатель мог задать любой интересующий его вопрос, сфотографироваться на память.

Участники автопробега выходили в эфир из региональных студий "Эха" и через интернет. Были записаны интервью с мэрами и руководителями городов, в которых останавливались участники автопробега. Была создана специальная передача, посвященная данному мероприятию, выходившая под названием "Дорожные Истории".

Интернет, автомобиль, места для проведения встреч предоставлялись бесплатно партнерами автопробега. Затраты, которые понесла радиостанция, — это расходы на бензин и проживание в отелях.

В итоге проведения данного мероприятия укрепился положительный имидж радиостанции, активизировалось внимание целевой аудитории, сформировались лояльные группы слушателей, что позволило выделить радиостанцию на фоне конкурентов.

Таким образом, в условиях конвергенции управление медиапредприятием — ключевой фактор успешности данного массмедиа, коллективу которого в условиях конкуренции приходится искать определенные пути адаптации к новым процессам, затрагивающим буквально все аспекты жизнедеятельности редакционной структуры. Показатель эффективности системы управления — слаженность в работе различных редакционных структур, что на протяжении многих лет является реальным достижением современного медиапредприятия "Эхо Москвы".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Атаманчук Г.В. Теория государственного управления: Уч. пособ. М., 2014.

Аудитория радиостанции. URL: https://echo.msk.ru/about/audience/radioaudience.html

Вырковский А.В. Роль редакции в индустрии производства контента // Вестник СВФУ. 2016. № 5 (55) С. 102–111.

Газета "Завтра". Вып. № 29 (1130). URL: http://www.zavtra.ru/content/view/orden-venediktintsev/

Дорофеев В.Д., Шмелева А.Н., Шестопал Н.Ю. Менеджмент: Уч. пособ. М., 2008.

Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 “О средствах массовой информации”. URL: https://rg.ru/1991/12/27/smi-zakon.html

Раскатова Е.Р. “Формат” в радиовещании как термин и как понятие // Научно-профессиональный журнал “Акценты”. 2003. № 5–6 (40–41). С. 22–28.

Раскатова Е. Типологические подходы к исследованию радиовещания // RELGA. 2005. 16.11. № 18 (120). URL: http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-

Раскатова Е.Р. Типологический анализ современного радиовещания: Уч. пособ. Тольятти, 2012.

Ровинская Т.Л. Общественные функции СМИ и коммуникационные модели в демократическом обществе // Политическая наука. 2008. № 2. С. 132–151.

Рогожин С.В., Рогожина Т.В. Теория организации. URL: https://www.cfin.ru/management/strategy/org_n_man.shtml

Сергеева В.Б., Токарева А.А. Лидерство в менеджменте // Вестник НГИЭИ. 2012. № 9. С. 81–102.

Сухарева В.А., Аллахвердова А.А. Радио: музыкальное, новостное, общественное: Уч. изд. М., 2001.

Шерель А.А. Радиожурналистика: Уч. пособ. М., 2002.

Шерель А.А. Аудиокультура XX века. История, эстетические закономерности, особенности влияния на аудиторию. Очерки: Уч. пособ. М., 2004. URL: https://profilib.net/chtenie/69120/aleksandr-sherel-audiokultura-xx-veka-istoriya-esteticheskie-zakonomernosti-osobennosti-53.php

REFERENCES

Atamanchuk G.V. Teoriya gosudarstvennogo upravleniya [Theory of public administration]: Uch. posob. M., 2014(in Russian).

Auditoriya radiostancii. URL: https://echo.msk.ru/about/audience/radioaudience.html (in Russian).

Dorofeev V.D., Shmeleva A.N., Shestopal N.Yu. Menedzhment [Management]: Uch. posob. M., 2008 (in Russian).

Gazeta “Zavtra”. Vyp. N 29 (1130). URL: http://www.zavtra.ru/content/view/orden-venediktintsev/ (in Russian).

Raskatova E.R. “Format” v radioveshchanii kak termin i kak ponyatie [“Format” in radio broadcasting as a term and as a concept] // Nauchno-professional’nyj zhurnal “Akcenty”. 2003. N 5–6 (40–41). P. 22–28 (in Russian).

Raskatova E. Tipologicheskie podhody k issledovaniyu radioveshchaniya [Typological approaches to the study of radio broadcasting] // RELGA. 2005. 16.11. N 18 (120). URL: http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=664&level1=main&level2=articles (in Russian).

Raskatova E.R. Tipologicheskij analiz sovremennogo radioveshchaniya [Typological analysis of modern radio broadcasting]: Uch. posob. Tol’yatti, 2012 (in Russian).

Rogozhin S.V., Rogozhina T.V. Teoriya organizacii [Organization theory]. URL: https://www.cfin.ru/management/strategy/org_n_man.shtml (in Russian).

Rovinskaya T.L. Obshchestvennye funkcii SMI i kommunikacionnye modeli v demokraticheskom obshchestve [Social functions of mass media and communication models in a democratic society] // Politicheskaya nauka. 2008. N 2. P. 132–151(in Russian).

Sergeeva V.B., Tokareva A.A. Liderstvo v menedzhmente [Leadership in management] // Vestnik NGIEHI. 2012. N 9. P. 81–102(in Russian).

Sherel' A.A. Radiozhurnalistika [Radio journalism]: Uch. posob. M., 2002(in Russian).

Sherel' A.A. Audiokul'tura XX veka. Istoriya, ehsteticheskie zakonomernosti, osobennosti vliyaniya na auditoriyu. Ocherki [Audio culture of the XX century. History, aesthetic laws, features of influence on the audience. Essays]: Uch. posob. M., 2004. URL: https://profilib.net/chtenie/69120/aleksandr-sherel-audiokultura-xx-veka-istoriya-esteticheskie-zakonomernosti-osobennosti-53.php (in Russian).

Suhareva V.A., Allahverdova A.A. Radio: muzykal'noe, novostnoe, obshchestvennoe [Radio: music, news, public]: Uch. izd. M., 2001(in Russian).

Vyrkovskij A.V. Rol' redakcii v industrii proizvodstva kontenta [Editorial role in the content production industry] // Vestnik SVFU. 2016. N 5 (55). P. 102–111(in Russian).

Zakon RF ot 27.12.1991 N 2124-1 "O sredstvah massovoj informacii". URL: https://rg.ru/1991/12/27/smi-zakon.html (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2019-25-1-96-110

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ УЧЕБНИКАХ

Е.А. Попов, докт. филос. наук, доц., зав. кафедрой общей социологии Алтайского государственного университета, пр. Ленина, 61, г. Барнаул, Алтайский край, Российская Федерация, 656049[*]

В.В. Нагайцев, канд. социол. наук, доц., зав. кафедрой эмпирической социологии и конфликтологии Алтайского государственного университета, пр. Ленина, 61, г. Барнаул, Алтайский край, Российская Федерация, 656049[**]

Н.А. Стерлядева, канд. социол. наук, доц. кафедры эмпирической социологии и конфликтологии Алтайского государственного университета, пр. Ленина, 61, г. Барнаул, Алтайский край, Российская Федерация, 656049[***]

А.Н. Шрайбер, канд. социол. наук, доц. кафедры эмпирической социологии и конфликтологии Алтайского государственного университета, пр. Ленина, 61, г. Барнаул, Алтайский край, Российская Федерация, 656049[****]

Учебник по социологии культуры рассматривается как способ систематизации знаний по отраслевой социологии и одновременно как дидактический механизм для обучения студентов. Роль такого учебника анализируется на трех уровнях: 1) наличие концепции учебника, которая отвечает особенностям научного статуса социологии культуры; 2) выраженность проблемного подхода, соотносимого с возможностями социологии культуры по сравнению с другими дисциплинами и научными сферами, изучающими культуру и ее разнообразные виды и формы; 3) приоритет теоретического или прикладного аспекта в социологическом исследовании культуры. Хронологический ракурс рассмотрения основного предмета статьи позволяет судить о специфике развития социологии культуры как отрасли науки, которая отражается в учебниках и учебных пособиях. В то же время этот вектор указывает на потенциал каждого отдельно взятого учебника в привитии социологических знаний о культуре. В совокупности эти обстоятельства указывают на проблемные стороны концептуализации как самой отрасли социологии, так и на возможности преподавания данной дисциплины в вузе.

[*] **Попов Евгений Александрович,** e-mail: popov.eug@yandex.ru

[**] **Нагайцев Виктор Валентинович,** e-mail: nvvv@yandex.ru

[***] **Стерлядева Наталья Анатольевна,** e-mail: sterlyadeva@socio.asu.ru

[****] **Шрайбер Ангелина Николаевна,** e-mail: esic@socio.asu.ru

В статье особое внимание уделяется пониманию роли учебника в дидактическом плане, однако в социологии культуры учебник рассматривается не только как способ научить студента, а еще и как фактор обогащения самой отрасли социологии новыми подходами и в целом новым знанием. Таким образом, учебнику по социологии культуры может быть придан статус научного издания. Нередко учебник при этом выполняет эвристическую функцию, которая позволяет реализовать довольно противоречивый потенциал отраслевой социологии более продуктивно в среде обучающихся.

Ключевые слова: *социология культуры, учебник, учебное пособие, изучение социологии, культура, социология и философия культуры, духовная жизнь человека.*

SOCIOLOGY OF CULTURE IN RUSSIAN TEXTBOOKS

Popov Evgenij A., Doctor of philosophical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of General Sociology, The Altai State University, Lenin Avenue, 61, Barnaul, Russian Federation, 656049, e-mail: popov.eug@yandex.ru

Nagajzev Victor V., candidate of sociological Sciences, Aassociate Professor, Head of the Department of Empirical Sociology and Conflictology, The Altai State University, Lenin Avenue, 61, Barnaul, Russian Federation, 656049, e-mail: nvvv@yandex.ru

Sterlyadeva Natalia A., candidate of sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Empirical Sociology and Conflictology, The Altai State University, Lenin Avenue, 61, Barnaul, Russian Federation, 656049, e-mail: sterlyadeva@socio.asu.ru

Schrajber Angelina N., candidate of sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Empirical Sociology and Conflictology, The Altai State University, Lenin Avenue, 61, Barnaul, Russian Federation, 656049, e-mail: esic@socio.asu.ru

A textbook on the sociology of culture is seen as a way of systematization of knowledge in this branch of sociology and as a didactic mechanism for student learning. The role of such a textbook is analyzed at three levels: 1) the existence of the concept of the textbook that meets the characteristics of the scientific status of sociology of culture; 2) the severity of the problem approach, correlated with the capabilities of the sociology of culture compared to other disciplines and scientific fields studying culture and its various types and forms; 3) the priority of the theoretical or applied aspects of the sociological study of culture. A chronological perspective on the main subject of the article allows to judge about the specifics of the development of sociology of culture as a branch of science, which is reflected in textbooks and teaching materials. On the other hand, this vector points to the potential of each individual tutorial to develop sociological knowledge about the culture. Taken together, these circumstances point to the problematic aspects of conceptualising how the field of sociology and the possibility of teaching this discipline at the University.

The article focuses on the understanding of the role of the textbook in the didactic plan, but in the sociology of culture the textbook is considered not only as a way to teach the student, but also as a factor of enriching the field of sociology with new approaches and new knowledge in general. Thus, a textbook on the sociology of culture can be given the status of a scientific publication. Often the textbook at the same time performs a heuristic function, which allows you to realize a rather controversial potential of sectoral sociology more productively among students.

Key words: *sociology of culture, textbook, workbook, study of sociology, culture, sociology and philosophy of culture, spiritual life.*

К вопросу о систематизации социокультурных знаний

Иметь хороший учебник по социологии культуры — большая роскошь и одновременно великая удача и для автора, и для всех тех, кому учебник так необходим. Нельзя сказать, что учебников по социологии культуры или мало, или много — их достаточное количество, и они продолжают издаваться и выходить из-под пера различных авторов — и авторитетных, и малоизвестных. Между тем хороший учебник — это вовсе не метафора, а реальность, с которой сталкиваются социологи, когда начинают постигать социологию культуры. Даже если исходить из того, что насчитывается огромное число определений культуры, можно только предполагать, сколько могло бы быть учебников, рассматривающих культуру в том или ином аспекте. Как известно, для любого учебника важна его концепция — и педагогическая, и исследовательская, и методическая — и все это в совокупности дает ощущение и уверенность в нужности и востребованности пособия.

Изучение культуры для социологов и социологии в целом — задача сложная, поэтому роль учебника в этом деле возрастает и может стать залогом успеха. Кроме того, как нередко бывает, такой учебник может стать настольной книгой для любого исследователя, перед которым стоит задача изучения культуры и ее феноменов и процессов. По-видимому, можно вести речь и о том, что выход учебника в конкретное время свидетельствует о развитии отраслевой социологии, отражает ее возможности в определенный период. Методологические ракурсы рассмотрения главного объекта изучения и приводимые авторами аргументы и показательные примеры явно будут говорить об особенностях “поворота” социологии культуры, совершившегося в тот или иной промежуток времени. В то же время популярность, допустим, одних и тех же учебников в последующие десятилетия вовсе не отменяет движения научной области вперед, но уж точно характеризует незаменимость самого издания.

В качестве вводного замечания о специфике социологического исследования культуры отметим, что для социологов важное значение приобретает срез ценностей и норм. Иные варианты скорее всего

могут внести сумятицу в стане наук, изучающих культуру, поскольку культура является объектом для рассмотрения самого широкого круга разных научных дисциплин. Создаваемые же компромиссы, которые, если можно так сказать, предваряют социологию культуры или подготавливают к ее системному изучению (например, так называемая "социальная культурология"), не могут решить в целом проблему достаточно полного погружения в одну и ту же предметную область, исследуемую разными научными дисциплинами. Кстати сказать, опыт Б.С. Ерасова в пользу "социальной культурологи", по сути, так и оказался единственным, предполагавшим «иную модальность в отношении к культуре, основанном на объективном и аналитическом, не "погруженном", а "отстраненном" взгляде на культурную жизнь общества»[1]. Но очевидно, что такие компромиссы необходимы и желательны, и в то же время они говорят о сложности рассматриваемого объекта — культуры. Эту сложность, например, подчеркивал Г. Зиммель, полагая, что "о культуре мы можем говорить только тогда, когда творческая стихия жизни создаст известные явления, находя в них формы своего воплощения"[2]. Для социолога важнее всего в исследованиях культуры сосредоточить свое внимание на культурной динамике, основу которой составляют ценности и нормы. Уметь "работать" с ценностно-нормативным комплексом для социологии культуры и важно, и необходимо, поэтому учебники должны быть ориентированы прежде всего на этот формат исследований, в противном случае он из социологического может легко превратиться в философский, нередко онтологический.

Между тем острая необходимость в систематизации социокультурных знаний в объектно-предметном пространстве социологии культуры обозначилась на рубеже XX — XXI вв. Данное обстоятельство можно связать как с бумом постмодернизма, довольно ярко затронувшего феномен человеческой культуры, а значит, открывшего новые перспективы в интерпретациях культурной динамики и статики, так и с возможностями проведения не только локальных социокультурных, но и масштабных прикладных социологических исследований культуры. В связи с этим появилась потребность в современных учебниках по социологии культуры, способных расставить четкие акценты в понимании культуры, но главное — направить социологов в нужное эмпирическое русло и задать ориентиры в исследованиях социокультурных процессов. Поэтому выход в 1995 г. учебного пособия Л.Г. Ионина "Основания социокультурного анализа"[3] можно назвать событием для

---

[1] *Ерасов Б.С.* Социальная культурология: Уч. для студентов высших учебных заведений. М., 2000. С. 10.

[2] *Зиммель Г.* Избранное. Т. I. М., 1996. С. 494.

[3] *Ионин Л. Г.* Основания социокультурного анализа: Уч. пособ. М., 1995.

отраслевой социологии, заметно оживившим авторов, нацеленных на создание учебников по социологии культуры. Нетрудно было заметить в предложенной Иониным версии социокультурного анализа довольно значимый для последующих учебников принцип аналитичности, отвечающий потребности концептуализировать социологию культуры не столько как теоретическую отрасль знаний, сколько практическую, требующую от социологов прицельного проникновения в проблемы взаимодействия культуры с обществом, человеком и государством. При этом для детекции своих рассуждений автор выбирает понятие стиля и в одной их своих статей прямо задает вопрос: "Что такое моностилистическая культура?"[4], а в многочисленных переизданиях своего главного учебника — "Социология культуры" — остается верным рассмотрению стилевого полифонизма в развитии культуры.

"Социология культуры" Ионина, конечно, стоит особняком в ряду разнообразных книг и учебников, посвященных культуре. Выдержавшая большое количество переизданий, она остается своего рода путеводителем по отраслевой социологии. Из многочисленных рецензий и отзывов по поводу этой работы можно сделать вывод о том, что она нередко может поставить в тупик любого, а уж тем более социолога. Ищущий ответа на главный вопрос "как нам изучать культуру?" может не сразу уловить правильное направление в осмыслении феномена культуры, заглянув в "Социологию культуры" Ионина. Более того, по духу это напоминает даже не учебник, а скорее эссе. Некоторые рецензенты также отмечают, что «Книга Леонида Ионина "Социология культуры" производит неоднозначное впечатление. С одной стороны, эта книга содержит ряд достаточно интересных сюжетов, но, с другой стороны, читая ее все время задаешься вопросом: "А при чем здесь эти сюжеты?"»[5]. Как итог — отнесение книги к жанру социологизирования и авторской социологии. Кстати сказать, в учебнике оказалось поразительно мало мест, где бы проблематика культуры мыслилась в категориях самой социологии: в тексте только в одной из последних глав под названием "Культура и социальная структура" мы можем наблюдать стиль, приближенный к социологическому знанию. Но, конечно, для социолога манера подачи материала в учебнике Ионина скорее вызывает больше вопросов, чем ответов на них. Хотя в этом случае можно предположить, что автор намеренно избрал именно такой путь, чтобы стимулировать аналитические способности социолога к осмыслению культуры в том

---

[4] *Ионин Л. Г.* Указ. соч. С. 41.

[5] *Дамберг С.В., Семенков В.Е.* "Социология культуры" Леонида Ионина и современная идеология культуры // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. II. № 3. С. 169.

числе и в онтологическом плане. Но главное — чтобы не загонять исследователя в какие-либо жесткие рамки анализа, поскольку сам предмет для такого анализа нетривиальный и довольно сложный, нередко не поддающийся схватыванию в тех или иных измерениях и не терпящий небрежного отношения к себе.

Несмотря на неоднозначное отношение к учебнику Ионина, он, по нашему мнению, обладает рядом преимуществ, которые, очевидно, позволяют ему по-прежнему сохранять свою актуальность: 1) в социологии культуры важно сохранить приоритет именно социологии над иными формами осмысления культурных явлений и феноменов (например, философской или культурологической), следовательно, учебник должен четко эти акценты расставлять, что, собственно, и демонстрирует книга Ионина; 2) плавный переход от философии культуры, социальной и культурной антропологии к социологии культуры, обнаруживаемый в учебнике, более предпочтителен для социолога, поскольку позволяет ему в будущем избежать распространенной погрешности, когда социолог покидает объектно-предметное пространство своей научной области и оказывается на поле философии. Одним словом, Ионин показывает, что есть непростая дилемма в изучении культуры — с одной стороны, подход, когда "культура — всё то, что не передается генетически, но приобретается с воспитанием"[6], оказывается более социологическим, чем тот, который апеллирует к пониманию культуры как способу направлять, обогащать, развивать человека и его индивидуальные переживания[7]. С другой стороны, вся история социологии культуры показывает возможности концептуализации отраслевой социологии независимо от других очень авторитетных и длительно существующих научных дисциплин. В этой связи любопытно было бы проверить предположение о конвергенции социологии культуры в западной традиции, например, с социальной и культурной антропологией. Предположим в данном случае, что в процессе концептуализации социологии культуры так и не удалось в полной мере освободиться от главенствующего антропологического магнетизма. Как считают некоторые исследователи, "только во второй половине XX в. представители гуманитарных знаний совместно переживали влияние социологизированного подхода. Затем на них распространилось влияние культурно-антропологического подхода"[8].

---

[6] *Погребняк А.А., Расков Д.Е.* Экономика как культура: возвращение к "спору о методах" // Общественные науки и современность. 2013. № 2. С. 97.

[7] *Касавина Н.А.* Экзистенциальный опыт как феномен культуры // Вопросы философии. 2014. № 10. С. 48.

[8] *Смирнов И.П.* История мысли — истории философии: проблема дифференциации // Философские науки. 2013. № 4.

Ритмы науки в учебниках по социологии культуры

И все же социология культуры в российских учебниках, пожалуй, перестала быть обделенной вниманием с выходом в свет в 1992 г. учебного пособия Л.Н. Когана. До выхода других учебников к концу 1990-х гг. именно Коган очертил проблематику социологии культуры и предложил вывести ее из "положения аутсайдера в социологической науке страны" "на первый план"[9]. Отличительной особенностью первого опыта в построении учебника по социологии культуры, пожалуй, стало соотнесение культуры с живой деятельностью человека, не с отвлеченными атрибутами повседневности, окружающими человека плотным кольцом, а с самой жизнью. Важным моментом в учебном пособии также становится утверждение о том, что "основной социологической единицей выступают ценности культуры"[10]. Именно ценности и нормы как основные структуры, с которыми имеет дело социолог, должны прежде всего попадать в фокус внимания исследователя, ставящего перед собой цель изучения конкретных проявлений и форм культуры.

Конечно, в пособии Когана местами еще ощущается некая растерянность перед сложным объектом изучения, поэтому, например, могут возникать такие определения: "Таким образом, ценность культуры рассматривается как результат культурной деятельности или сама эта деятельность, имеющие общезначимую культурную ценность для той или иной социальной общности людей"[11]. Как видим, ценность определяется через ценность, что, разумеется, для учебника, транслирующего знание, следует признать не продуктивным. Однако проработка научного статуса социологии культуры и определение границ социокультурного анализа явно можно отнести к плюсам одного из первых учебников по отраслевой социологии. И хотя мы все реже можем наблюдать его в списках рекомендуемых учебных изданий, однако от этого он не потерял своей значимости и более того — указал верное направление каждому начинающему социологу в сторону прикладного постижения социокультурной реальности.

Не менее важную роль в познании соответствующей проблематики сыграло учебное пособие, вышедшее под редакцией Ф.И. Минюшева и получившее название "Социокультурное исследование". В нем, к примеру, дается определение культуры, которое можно рассматривать как девиз всей отраслевой социологии: "… культура — знания, ценности, нормы, социальные образцы и другие атрибуты, определяющие поведение и деятельность социальных

---

[9] *Коган Л.Н.* Социология культуры: Уч. пособ. Екатеринбург, 1992. С. 3.

[10] Там же. С. 9.

[11] Там же. С. 10.

групп, общностей и индивидов"[12]. Кроме того, по сути, эта книга дала стимул для сосредоточения социологии культуры на прикладных исследованиях, что, несомненно, расширило горизонты социологического измерения культуры и ее форм и феноменов, а также заострила дискуссионный характер обсуждения вопроса о соотношении социального и культурного. Спустя несколько лет, как известно, выйдет другое пособие "Социология культуры", в котором его автор, профессор Минюшев, акцентирует внимание на том, что "логика изложения материала следует за логикой социокультурной жизни общества: творчество, трансляция, социальное функционирование и освоение людьми (социализация) продуктов высокой культуры рассмотрены в связи с функционированием элементов ее современных инфраструктур — научных учреждений, системы образования и масс-медиа (телевидение, кино, радио и книга)"[13]. Кстати, примерно в это же время выходит заметная книга и по философии культуры, в которой роль социолога в исследовании культуры определяется тем, что он претендует "сегодня в первую очередь на звание культуролога"[14]. Но на самом деле, в многомерном изучении культуры и ее феноменов социолог обязан оставаться прежде всего именно социологом. А вот присущая ему культурологическая позиция может существенно помешать анализу, увести социолога, допустим, в пространство масскульта. Примечательно, что социология как наука, для которой близким предметом изучения является, например, массовая культура, рассматривается исходя из того, что "социология и есть преимущественно наука о массовом обществе, об институализированных формах человеческого поведения и действиях, в которых люди ведут себя и соотносятся между собой согласно предписанным им функциям или ролям"[15]. Между тем, неоспоримое преимущество социологического взгляда на культуру состоит в том, что социолог имеет дело с особым типом культуры, для чего использует специфические для данного типа методы исследования, и в целом осуществляемый им анализ носит выраженную социокультурную направленность.

В 1997 г. не остается незамеченным выпущенный Л.И. Михайловой курс лекций по социологии культуры. В книге ее автор обращает внимание на необходимость прочного закрепления в отраслевой социологии понимания "человека как культурного существа"[16]. Ко-

---

[12] Социокультурное исследование: Уч. пособ. / Под ред. Ф.И. Минюшева. М., 1994. С. 95.

[13] *Минюшев Ф.И.* Социология культуры: Уч. пособ. для вузов. М., 2004. С. 3.

[14] *Межуев В.М.* Философия культуры. Эпоха классики: Курс лекций. Уч. пособ. для вузов. М., 2003. С. 42.

[15] Там же. С. 40.

[16] *Михайлова Л. И.* Социология культуры: Курс лекций. М., 1997. С. 6.

нечно, этот поворот связан с веберовской традицией "понимающей социологии", однако в целом для исследования культуры этот посыл оказался крайне важным и своевременным, поскольку приближение к рубежу веков и даже тысячелетий вызывало тягу к явным переворотам в гуманитаристике (что, собственно, и случилось по причине ворвавшегося в науку постмодернизма).

Между тем, для учебника по социологии культуры, который бы символизировал собой начало нового тысячелетия, а следовательно, содержал важную концептуальную основу и одновременно способен был обеспечить качество образования, явно необходим гуманитарный стержень, который бы открывал перспективы социологии культуры как области знаний, помогающей нравственному становлению личности и сохранению традиционных ценностей и норм. Такая задача поставлена и Федеральным законом об образовании, в котором речь идет о том, что среди учебников должны быть и такие, которые обеспечат "учет региональных и этнокультурных особенностей субъектов Российской Федерации" (ст. 18). Социология культуры с этой точки зрения является не просто отраслью социологической науки, имеющей свой самостоятельный научный статус, цель и задачи, но и инструментом привития будущим социологам особого отношения к культуре не только исключительно как рядовому объекту для всесторонних эмпирических манипуляций, но и как основе духовной безопасности человека и общества. В этом смысле культура и духовная жизнь не должны отстоять друг от друга, хотя и попадают в объектно-предметные пространства разных отраслевых социологий: социологии культуры и социологии духовной жизни.

Отношение к культуре в учебниках

"Прорывом" для учебников по социологии культуры нового тысячелетия должны стать не массовые попытки каким-либо образом индивидуализировать или, напротив, обобществить понимание культуры, сделать его более сакральным, камерным или же повседневным, механистическим, а именно привитие или воспитание у каждого социолога чувства культуры. Для этого сначала необходимо понять истинное предназначение культуры в обществе, затем усвоить этнонациональную специфику родной культуры, а уже затем научиться применять в исследовании культуры социологические методы. При этом, что примечательно, учебники не всегда выделяют специальные разделы, в которых бы последовательно излагались особенности эмпирического изучения культуры. По-видимому, это обусловлено тем, что в социологии культуры сохраняется приоритет или привитие именно *отношения к культуре* (мировоззренческо-

го, межпоколенного, гедонистического, эстетического, в конечном итоге — человечного и т.д.), а затем уже активизируется прикладной потенциал собственно социологии. Этот момент представляется довольно существенным, поскольку любой иной подход к изучению культуры может оказаться слепком с действительности, не всегда имеющим истинное отношение к культуре. Поэтому, например, в учебнике по психологии можно встретить самостоятельный раздел "Культура как социальный институт"[17], в учебнике по культурологии — главу "Социальные институты культуры и управления культурой"[18]. А вот говорить о культуре как институте в учебниках по отраслевой социологии, если учитывать *отношение к культуре*, авторы не торопятся, понимая то обстоятельство, что культура выходит за рамки любого институционального осмысления.

В начале текущего столетия появился ряд довольно любопытных учебников, которые были нацелены на привитие *отношения* к культуре, а не только на воспроизведение способности измерять любые ее феномены и формы. Можно в этом случае сказать, что без сомнения настала эра социологии культуры — той отрасли социологического знания, которая не просто сфокусировала свое внимание на проблемах социокультурной динамики, но и обнаружила необходимость поставить результаты научных исследований на службу сохранения культурных ценностей и норм. Поэтому выход практически в один небольшой период учебных изданий (в том числе в переизданном виде) по социологии культуры, авторство которых принадлежит А.И. Шендрику (2005), Ю.В. Ирхину (2006) и А.В. Матецкой (2006), символизировал собой этап серьезных рассуждений о проблемах социологии культуры. Разумеется, жанр учебника предписывает следование дидактическому принципу научения, т.е. такой подачи знания, которая помогает социологу взглянуть на культуру и широко, и очень узко, локально, чтобы оценить все механизмы динамики культуры.

Обращает на себя внимание тот факт, что, например, А.И. Шендрик, прежде чем изложить свою версию социологии культуры в соответствующем учебнике, в 2002 г. выпустил объемную учебную книгу по теории культуры, предназначенную для подготовки культурологов. В предисловии автор, в частности, отмечает: "В соответствии с устоявшимися канонами написания учебной литературы, материал в книге излагается преимущественно в позитивном ключе, однако, в ряде мест приводятся различные точки зрения по той или

---

[17] Социальная психология / Под ред. А.Н. Сухова, А.А. Деркача. М., 2003. С. 129–133.

[18] *Ерасов Б.С.* Социальная культурология: Уч. для студентов высших учебных заведений. М., 2000. С. 158–171.

иной проблеме и дается их критический анализ"[19]. Такой позитивно-критический настрой автор сохраняет и в другом учебнике — для социологов, в аннотации к которому отмечает, что "на конкретных примерах, взятых из практики, раскрываются противоречия культурного развития общества, находящегося в процессе реформирования, показываются пути повышения уровня культурного развития российских граждан"[20]. Придание довольно сложному материалу практикоориентированного значения повышает интерес к учебнику и делает его востребованным в среде обучающихся.

Не отказались исследователи от создания учебников по социологии культуры и в наши дни. В разных издательствах, вузовских и академических, продолжают выходить учебники по данной отрасли социологии. Им скорее всего предназначена роль сохранить приоритет социологического исследования культуры на фоне мощной волны междисциплинарности, которая, например, может способствовать выделению корпуса наук, для которых изучение культуры, допустим, может стать более предметным и целесообразным.

Для современных учебников характерно, на наш взгляд, два определяющих момента: во-первых, перед ними стоит задача сохранить кредо социологии культуры в пику развивающимся социокультурным научным и учебным дисциплинам (и, пожалуй, главной из них — философии), а во-вторых, показать эвристическую и антропоцентрическую ценность исследования культурных явлений и процессов не только для общества, но и для личности. И, действительно, есть такие примеры, которые подтверждают такое положение дел, хотя встречаются и такие учебники, в которых не совсем четко показано преимущество социологического вектора изучения культуры. Любопытным с этой точки зрения выглядит пособие Э.А. Орловой, в котором, по замыслу самого автора, обнаруживается "существенное сближение теоретических позиций социологии и культурной (социальной) антропологии, изменившее социологический взгляд на понятие культуры", что "делает культурное измерение полноправной стороной при изучении совместного существования людей, а само понятие культуры в этом контексте определяется как созданный людьми искусственный мир, как содержание общественной жизни, как процессы освоения ими своего окружения и использования результатов взаимодействия и коммуникации между людьми"[21]. Нужно, конечно, иметь в виду, что ранее вышла другая книга данного автора "Культурная (социальная) антропология"[22], что не могло не

---

[19] *Шендрик А.И.* Теория культуры: Уч. пособ. для вузов. М., 2002. С. 3.

[20] *Шендрик А.И.* Социология культуры: Уч. пособ. М., 2005. С. 2.

[21] *Орлова Э.А.* Социология культуры: Уч. пособ. М., 2012. С. 2.

[22] *Орлова Э.А.* Культурная (социальная) антропология: Уч. пособ. для вузов. М., 2004.

сказаться на формировании определенной "антропологоцентристской" позиции. Вместе с тем мы видим, что автор подчеркивает важность сближения социологии и социальной антропологии, но в то же время обнаруживаем концепт, позволяющий судить о роли социологии в исследовании феноменов сближения человека, общества и культуры, что само по себе привлекательно для понимания перспективы развития социологии культуры.

В других учебниках раскрываются модернизационные аспекты развития культуры, причем учебники последних лет актуализируют требования последнего федерального образовательного стандарта (так называемый ФГОС 3+) и даже могут специально это обстоятельство на обложке отметить[23]. И хотя упомянутый стандарт подготовки социологов каким-либо образом специально не выделяет специфику и содержание такой учебной дисциплины как социология культуры, однако в плане формирования определенных компетенций нужно соответственным образом ориентировать и любое учебное пособие.

Между тем попытки создания учебников междисциплинарной направленности, в которых социологии бы отводилось в изучении культуры полагающееся ей место, но, разумеется, в ряду других научных отраслей, предпринимались нередко, но они никак не могли очертить круг проблем социологии культуры. Более того, такие учебники, как правило, не были предназначены для социологов, но в то же время за обращением к социодинамике культуры угадывалось желание построить *несоциологическую* концепцию изучения культуры как своего рода альтернативную собственно социологической. Это, по-видимому, было нужно для "облегчения" ракурса оценки культурного развития — социодинамики культуры, чтобы можно было во главу угла поставить теорию, а не социологию культуры. Так, например, в книге "Социодинамика культуры" ее автор делает ставку на детерминистский подход, определяя, таким образом, зависимость культуры от факторов экономики, политики, глобализации, модернизации и т.д. и в наименьшей степени рассматривает определяющую роль социальных феноменов в динамике культуры[24]. Вряд ли имеет смысл сравнивать такого рода опыты с положениями известной работы Абраама Моля "Социодинамика культуры", датированной еще 1967-м г.[25], в которой автором сделана ставка на анализ циклов распространения культуры.

---

[23] *Матецкая А.В., Самыгин С.И., Колесникова А.Г., Епифанцев С.Н.* Социология культуры: Уч. М., 2017.

[24] *Попова Л.Л.* Социодинамика культуры: Уч. пособ. Томск, 2004.

[25] *Моль А.* Социодинамика культуры / Предисл. Б.В. Бирюкова. М., 2008.

Заключение

Таким образом, для отечественного учебника по социологии культуры характерны следующие особенности: 1) его появление приходится на период существенного возрастания интереса к эмпирическим исследованиям культуры и ее феноменов, что в свою очередь связано не только с бурным расцветом массовой культуры и в целом "субкультурности", но также и с укреплением позиций прикладной социологической науки; 2) в дидактическом плане учебник по социологии культуры в большей степени ориентирован на постижение сущности культуры, что не является собственно целью социологии, однако имеет важное значение для формирования профессиональной эрудиции будущих исследователей культуры; 3) для учебника именно по социологии культуры оказывается непросто выдержать строгий стиль социологии, апелляцию к духовному уровню человеческого бытия и в то же время социокультурной проблематике, однако большей части учебников это удалось соблюсти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Дамберг С.В., Семенков В.Е. "Социология культуры" Леонида Ионина и современная идеология культуры // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. II. № 3.

Ерасов Б.С. Социальная культурология: Уч. для студентов высших учебных заведений. М., 2000.

Зиммель Г. Избранное. Т. I. М., 1996.

Ионин Л.Г. Культура на переломе // Социологические исследования. 1995. № 2.

Ионин Л.Г. Основания социокультурного анализа: Уч. пособ. М., 1995.

Ионин Л.Г. Социология культуры. М., 1996.

Ирхин Ю.В. Социология культуры: Уч. М., 2006.

Касавина Н.А. Экзистенциальный опыт как феномен культуры // Вопросы философии. 2014. № 10.

Коган Л.Н. Социология культуры: Уч. пособ. Екатеринбург, 1992.

Матецкая А.В. Социология культуры: Уч. пособ. Ростов, 2006.

Матецкая А.В., Самыгин С.И., Колесникова А.Г., Епифанцев С.Н. Социология культуры: Уч. М., 2017.

Межуев В.М. Философия культуры. Эпоха классики: Курс лекций. Уч. пособ. для вузов. М., 2003.

Минюшев Ф.И. Социология культуры: Уч. пособ. для вузов. М., 2004.

Михайлова Л.И. Социология культуры: Курс лекций. М., 1997.

Моль А. Социодинамика культуры / Предисл. Б.В. Бирюкова. М., 2008.

Орлова Э.А. Культурная (социальная) антропология: Уч. пособ. для вузов. М., 2004.

Орлова Э.А. Социология культуры: Уч. пособ. М., 2012.

Погребняк А.А., Расков Д.Е. Экономика как культура: возвращение к “спору о методах” // Общественные науки и современность. 2013. № 2.

Попова Л.Л. Социодинамика культуры: Уч. пособ. Томск, 2004.

Смирнов И.П. История мысли — истории философии: проблема дифференциации // Философские науки. 2013. № 4.

Социальная психология / Под ред. А.Н. Сухова, А.А. Деркача. М., 2003.

Социокультурное исследование: Уч. пособ. / Под ред. Ф.И. Минюшева. М., 1994.

Шендрик А.И. Теория культуры: Уч. пособ. для вузов. М., 2002.

Шендрик А.И. Социология культуры: Уч. пособ. М., 2005.

REFERENCES

Damberg S.V., Semenkov V.E. “Sociologiya kul’tury” Leonida Ionina i sovremennaya ideologiya kul’tury [“Sociology of culture” by Leonid Ionin ideology and modern culture] // Zhurnal sociologii i social’noj antropologii [Journal of sociology and social anthropology]. 1999. T. II. N 3 (in Russian).

Erasov B.S. Social’naya kul’turologiya: Uch. dlya studentov vysshih uchebnyh zavedenij [Social cultural studies: a Textbook for students of higher educational institutions]. M., 2000 (in Russian).

Ionin L.G. Kul’tura na perelome [Culture at the turn of] // Sociologicheskie issledovaniya [Social Studies]. 1995. N 2 (in Russian).

Ionin L.G. Osnovaniya sociokul’turnogo analiza: uchebnoe posobie [The Foundation of social and cultural analysis: a tutorial]. M., 1995 (in Russian).

Ionin L.G. Sociologiya kul’tury [Sociology of culture]. M., 1996 (in Russian).

Irhin Y.V. Sociologiya kul’tury: uchebnik [Sociology of culture: a textbook]. M., 2006 (in Russian).

Kasavina N.A. Ehkzistencial’nyj opyt kak fenomen kul’tury [Existential experience as a phenomenon of culture] // Voprosy filosofii [Question of philosophy]. 2014. N 10 (in Russian).

Kogan L.N. Sociologiya kul’tury: Uch. posob. [Sociology of culture: Teaching manual]. Ekaterinburg, 1992 (in Russian).

Mateckaya A.V. Sociologiya kul’tury: Uch. posob. [Sociology of culture: teaching manual]. Rostov, 2006 (in Russian).

Mateckaya A.V., Samygin S.I., Kolesnikova A.G., Epifancev S.N. Sociologiya kul’tury: uchebnik [Sociology of culture: a textbook]. M., 2017 (in Russian).

Mezhuev V.M. Filosofiya kul’tury. Ehpoha klassiki: Kurs lekcij. Uch. posob. dlya vuzov [Philosophy of culture. Era classics: a Course of lectures: Textbook. the manual for high schools]. M., 2003 (in Russian).

Mihajlova L.I. Sociologiya kul’tury: Kurs lekcij [Sociology of culture / the Course of lectures]. M., 1997 (in Russian).

Minyushev F.I. Sociologiya kul’tury: Uch. posob. dlya vuzov [Sociology of culture: textbook for universities]. M., 2004 (in Russian).

Mol’ A. Sociodinamika kul’tury [Sociodynamics of culture] / Predisl. B.V. Biryukova. M., 2008 (in Russian).

Orlova E.A. Kul'turnaya (social'naya) antropologiya: Uch. posob. dlya vuzov [Cultural (social) anthropology: a textbook for universities]. M., 2004 (in Russian).

Orlova E.A. Sociologiya kul'tury: Uch. posob. [The Sociology of culture: teaching manual.]. M., Kirov, 2012 (in Russian).

Pogrebnyak A.A., Raskov D.E. Ehkonomika kak kul'tura: vozvrashchenie k "sporu o metodah" [Economics as culture: a return to the "dispute on methods"] // Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Public Sciences and modernity]. 2013. N 2 (in Russian).

Popova L.L. Sociodinamika kul'tury: Uch. posob. [Sociodynamics of culture: Teaching manual]. Tomsk, 2004 (in Russian).

Shendrik A.I. Sociologiya kul'tury: uchebnoe posobie [Sociology of culture: teaching manual]. M., 2012 (in Russian).

Shendrik A.I. Teoriya kul'tury: Uch. posob. dlya vuzov [Theory of culture: Studies. The manual for high schools]. M., 2002 (in Russian).

Smirnov I.P. Istoriya mysli — istorii filosofii: problema differenciacii [The History of thought history of philosophy: the problem of differentiation] // Filosofskie nauki [Philosophical Sciences]. 2013. N 4 (in Russian).

Social'naya psihologiya [Social psychology] / Pod red. A.N. Suhova, A.A. Derkacha. M., 2003 (in Russian).

Sociokul'turnoe issledovanie: Uch. posob. [Sociocultural study: the textbook] / Pod red. F.I. Minyusheva. M., 1994 (in Russian).

Zimmel' G. Izbrannoe [Favorites.]. T. I. M., 1996 (in Russian).

ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

DOI: 10.24290/1029-3736-2019-25-1-111-129

МАРКСИСТСКИЙ ФЕМИНИЗМ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ, ГЕНЕЗИС И ОПЫТ ПРАКТИЧЕСКОЙ РЕАЛИЗАЦИИ В XX В.

С.А. Батуренко, канд. социол. наук, доц. кафедры истории и теории социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234*

На основании анализа первоисточников в статье рассматривается возникновение и развитие марксистского феминизма в России и в мире в целом. Проблема положения женщин вызывала живой интерес у представителей самых разных социологических школ в России в период их становления. Отдельным значимым направлением в русской социологической мысли был марксистский феминизм. Он развивался как особый теоретический проект, а также имел яркий опыт практической реализации. Среди представителей русской марксистской социологии следует назвать имена В.И. Ленина, Н.К. Крупской, А.М. Коллонтай, внесших большой вклад в развитие данного направления. В год двухсотлетия со дня рождения К. Маркса многочисленные научные конференции вновь поднимают вопросы общественного развития, вставшие перед Россией в начале XX в., попытки решения которых повлекли за собой дальнейшие изменения социальной жизни. Одним из значимых явлений в истории России и в истории отечественной социологии был марксистский феминизм. В настоящее время итоги и последствия деятельности сторонников русского марксистского феминизма переосмысливаются. В течение XX в. их основные идеи и достижения подвергались критике не только в русской, но и в зарубежной социологии. Вместе с тем, автор отмечает, что марксистский феминизм развивается и в настоящее время на основании общей идеи о том, что гендерные отношения параллельны классовым, перекликаются с ними и в известном смысле являются неотъемлемой их частью. В современной социологии сформировались различные направления в рамках социалистического феминизма.

Ключевые слова: *женский вопрос, русская социология, марксистский феминизм, неравенство, феминистская социология, социальное положение женщины, В.И. Ленин, А.М. Коллонтай.*

* **Батуренко Светлана Алексеевна,** e-mail: level_s@rambler.ru

MARXIST FEMINISM AS THEORETICAL PROJECT, GENESIS AND EXPERIENCE OF IMPLEMENTATION IN THE XX CENTURY

Baturenko Svetlana A., Candidate Sci (Sociol.), Associate Professor of Department of history and theory of sociology of Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: level_s@rambler.ru

The emergence and development of Marxist feminism in Russia and in the world in general is considered in article on the basis of the analysis of primary sources. The problem of position of women attracted a keen interest of representatives of the most different sociological schools in Russia during its formation. The Marxist feminism was the separate significant direction in the Russian sociological thought. It developed as the special theoretical project and also it had bright experience of implementation. Among representatives of the Russian Marxist sociology names of V.I. Lenin, N.K. Krupskaya, A.M. Kollontay which made a big contribution to development of this direction are known. The feminism of the Marxist direction made breakthrough in the theory and implementation of the ideas. In a year of the two-hundredth anniversary since the birth of K. Marx numerous scientific conferences bring up the questions of social development which were occurring in Russia and caused considerable changes of social life again. The Marxist feminism was one of such significant events in the history of the country and in the history of domestic sociology. Now results and consequences of activity of supporters of the Russian Marxist feminism are reinterpreted. During the XX century their main ideas and achievements were exposed to criticism not only in the Russian, but also in foreign sociology. At the same time the author notes that the Marxist feminism develops and now on the basis of the general idea that the gender relations are parallel to class, interact with them and in a sense are their integral part. In modern sociology various directions within socialist feminism were created.

Key words: *women's issue, Russian sociology, Marxist feminism, inequality, feministic sociology, social status of the woman, V.I. Lenin, A.M. Kollontay.*

В качестве отдельной проблемы и одного из главных направлений научного интереса в области феминистской социальной мысли в отечественной науке можно рассматривать марксистский феминизм. Этому вопросу посвящено огромное количество научных трудов. Нам хотелось бы проанализировать, с одной стороны, марксистский феминизм как теоретический проект, разрабатываемый приверженцами теории структурного угнетения, с другой стороны, его практическую реализацию, имевшую место в истории российского общества в начале XX в.

Сторонники теории структурного угнетения концентрируют свое внимание на установлении господства посредством механиз-

мов социальной структуры или властных способов утверждения, возникающих с течением времени в процессе исторического развития общества. Главным предметом анализа при этом выступают структуры капитализма, патриархата, расизма. В качестве причины возникновения существующего господства и проявлений угнетения рассматривается фактор взаимодействия этих структур, возможности их совместной реализации. Одной из разновидностей теории структурного угнетения в рамках феминистской социологии является марксистский феминизм. Задачами теоретического проекта являются, во-первых, критический анализ проявления угнетения женщин в условиях капиталистической и патриархальной систем, во-вторых, разработка понятных приемлемых методов социального анализа на основе исторического материализма, и, в-третьих, учет сферы идей при анализе факторов, определяющих состояние общества. Очевидно, что сторонники социалистического феминизма, являющегося отдельным направлением, зачастую совмещают радикальный и марксистский феминизм.

Если говорить о феминистском движении, то следует отметить, что на феминистское движение в США марксистский феминизм не оказывает какого-либо значимого влияния сегодня в отличии от ситуации второй половины XX в. Для современного феминистского движения в России его значение в настоящее время не однозначно. Но в российском обществе рубежа XIX–XX вв. ему принадлежала особая роль, а основные положения марксистского феминизма оказались идеологической базой формирования женских пролетарских организаций.

Основоположники направления

Основы рассматриваемого направления были заложены А. Бебелем, К. Марксом и Ф. Энгельсом. Одним из первых авторов, которого можно назвать представителем марксистского феминизма, является деятель германского и международного рабочего движения, сооснователь и соруководитель Социал-демократической партии Германии, в рамках которой развивалось женское пролетарское движение, Фердинанд Август Бебель (1840–1913). А. Бебель — автор знаменитой книги “Женщина и социализм” (1879), которая относится к числу наиболее известных в марксистской литературе. В данной работе А. Бебель описывает положение женщины с первобытных времен до капиталистической эпохи и жизнь женщины при социализме и коммунизме. Автор рассматривает широкий спектр проблем, анализируя вопросы взаимоотношений мужчины и женщины, брака и семьи, воспитания детей и т.п. В своей работе А. Бебель анализирует активное участие женщин в освободительной борьбе трудящихся и

отмечает следующее: “Не было ни одного значительного движения в мире, в котором женщины не выступали как борцы и мученицы”[1]. Одним из первых А. Бебель в 1869 г. поднял в германском рейхстаге вопрос о законодательной охране женского труда и материнства, также по его инициативе предложение об охране женского труда было внесено в программу германской Социал-демократической партии. Он ставил вопросы об отношении женщин к общественной деятельности и недооценке женщины общественностью. Как разработчик теории и тактики женского рабочего движения А. Бебель предлагает решение многих вопросов, выдвинутых этим движением перед социалистическими партиями.

В настоящее время эта работа вызывает огромный интерес у исследователей, поскольку содержит идеи освобождения женщин от капиталистического угнетения. Разработку многоаспектного женского вопроса автор начинает с анализа его классового, политического значения. Женское рабочее движение рассматривается как неотъемлемая часть классовой борьбы пролетариата в целом[2].

А. Бебель критикует сторонников буржуазного феминистского движения, допускающих возможность полного правового равенства полов в условиях капитализма. Автор подчеркивает роль пролетарского женского движения, учитывая задачи, стоящие перед ним, касающиеся не только правового равенства мужчины и женщины, но главное — уничтожение двойного рабства женщины-работницы, ликвидацию экономической зависимости женщины от мужчины, государственную охрану материнства и детства, что означало полное решение женского вопроса. По мнению А. Бебеля, решение женского вопроса совпадает с решением рабочего вопроса, это значит, что “женщина-пролетарий должна... вместе с мужчиной-пролетарием, ее товарищем по классу и судьбе, вести борьбу за коренное преобразование общества”[3]. В свою очередь рабочий как носитель классового сознания, утверждает автор, должен объяснить “женщине ее положение в обществе и воспитать ее как союзника в совместной освободительной борьбе пролетариата против капитализма”[4]. Решение женского вопроса выстраивается в соответствии с общим направлением социалистического рабочего движения.

В первом разделе своей работы А. Бебель анализирует положение женщины в прошлом, во многом опираясь на исторический материализм и те общие выводы, которые содержатся в работах К. Маркса и Ф. Энгельса. Автор описывает место и роль женщины в семье и обществе, где ее общественное положение обусловлено материаль-

---

[1] *Бебель А.* Женщина и социализм. М., 1959. С.9.

[2] Там же.

[3] Там же. С.44.

[4] Там же. С. 156.

ными условиями жизни общества. В этой части работы на огромном историческом материале показаны процессы закрепощения женщины, связанные со сменой матриархата патриархатом и изменением общественных отношений, созданных частной собственностью на средства производства.

Вторая часть работы, которая называется "Женщина в настоящем", описывает положение женщины в капиталистическом обществе. Используя огромный фактический материал, автор показывает тяжелое положение женщины-пролетария, которое характеризуется двойным рабством, двойной буржуазной моралью, видимостью буржуазного равенства. Видимость буржуазного равенства выражается в том, что женщине предоставляется "равное право" работать на капиталистических предприятиях, а вместе с тем и ощущение экономической самостоятельности, но фактически в реальности капитализм порабощает женщину, подвергая женский труд самой жестокой эксплуатации. А. Бебель пишет: "Домашняя работа приучила женщину не знать никакой меры во времени для своего труда, она без всякого сопротивления позволяет предъявлять к себе повышенные требования... Женщина, кроме того, более, чем мужчина, прикреплена к своему месту жительства... Добродетельный капиталист умеет очень хорошо оценивать эти женские качества"[5]. На основании использования статистических данных автор показывает тяжелые условия работы женщин и их последствия, сказывающиеся на здоровье, продолжительности жизни, детской смертности[6]. Кроме того, автор отмечает и тот факт, что женщина получает более низкую заработную плату по сравнению с мужчинами даже при условии выполнения ими одинаковой работы.

Со времени написания книги прошли многие годы, но и теперь, в XXI в., положение женщин в капиталистическом мире изменилось незначительно даже с учетом всех завоеванных прав. В современных условиях глобального капитализма становятся все более сложными и скрытыми методы эксплуатации женщин. Картина социальной реальности, представленная А. Бебелем, и в настоящее время кажется вполне современной. Доклады специальных организаций подтверждают множество неизменных фактов[7]. В частности факт нарушений принципа равной оплаты за равный труд мужчин и женщин, хотя этот принцип формально содержится в законодательстве всех современных государств. Одними из скрытых форм дискриминации в отношении трудящихся женщин и в настоящее время остаются предпочтение в некоторых сферах занятости использования мужского

---

[5] *Бебель А.* Указ. соч. С. 266.

[6] Там же. С. 284.

[7] Неправительственная организация Всемирный экономический форум (ВЭФ). URL: https://www.weforum.org/ (дата обращения: 13.06.2017).

труда, труда незамужних женщин, практика увольнения беременных женщин или принудительного перемещения их на другие, менее выгодные и оплачиваемые должности. Автор книги "Женщина и социализм" однозначно указывал на причины ухудшающегося положения женщин, коренящиеся в "сущности буржуазного общества", связывая возможности изменения сложившейся ситуации исключительно с "другим общественным строем"[8].

Особое внимание автор обращает на проблему проституции как на одну из основных в буржуазном обществе. Анализируя причины этой проблемы, а также возможности борьбы с ней, А. Бебель приходит к выводу о том, что проституция присуща самой природе капитализма, в условиях которого просто не существует никаких средств для ее искоренения. Автор пишет: "Проституция... является для буржуазного общества необходимым социальным учреждением, подобно полиции, постоянному войску, церкви, предпринимательству"[9]. Капиталистический порядок создает экономические и нравственные условия для торговли живым товаром. Вклад А. Бебеля в разработку вопроса освобождения человеческой личности женщины на основании критики двойной буржуазной морали был высоко оценен одной из известных представительниц русского марксистского феминизма А.М. Коллонтай, продолжившей исследование данной проблемы.

А. Бебель также выступает с критикой известной теории биологической обусловленности положения женщины и утверждений о "естественной" склонности к домашнему образу жизни, используемых представителями буржуазного класса с целью подтверждения тех или иных выгодных им положений. Так, критике подверглись известные идеи теоретиков XIX в.: немецкого анатома и физиолога Теодора Людвига Вильгельма фон Бишофа (1807–1882), итальянского врача-психиатра, родоначальника антропологического направления в криминологии и уголовном праве Чезаре Ломброзо (1835–1909), немецкого философа Артура Шопенгауэра (1788–1860). Автор критиковал их как противников равноправия между полами, усматривающих в женщине "лишь половое существо" и не замечающих в ней "существа общественного"[10].

Немецкий мыслитель пишет об укоренившемся общественном мнении относительно человеческих достоинств женщины, сложившемся в буржуазном обществе. В этом устоявшемся общественном мнении, как утверждает автор, женщина всегда занимает второе место после мужчины. Оно настолько укоренено в сознании людей, что "весь мужской род считает такое положение в порядке вещей,

---

[8] *Бебель А.* Указ. соч. С. 225.

[9] Там же. С. 227.

[10] Там же. С. 205.

а большинство женщин смотрит на это до сих пор, как на неизбежность судьбы. В этом представлении отражается все положение женщины"[11]. А. Бебель убежден в том, что только такой социальный порядок, при котором полностью отсутствует эксплуатация человека человеком, может способствовать исчезновению двойного рабства женщин и антагонизма полов. Таким образом, по мнению автора, только в условиях социализма "женщина подымется на высоту полного совершенства, о котором у нас еще нет никакого правильного представления, так как до сих пор в истории развития человечества не было такого состояния"[12].

Последний раздел своей книги А. Бебель посвятил описанию положения женщины в будущем, предлагая возможные способы ее раскрепощения. Следует отметить, что последний раздел его работы вызвал критические комментарии со стороны известных русских марксистов, касающихся по их мнению ошибочных положений относительно путей раскрепощения женщины в быту, преувеличивающих значение механизации домашнего хозяйства в капиталистическом обществе.

Признанными классиками в области разработки проблемы являются К. Маркс и Ф. Энегельс, заложившие основы такого направления, как марксистский феминизм в социологии. В работе "К еврейскому вопросу" (1843 г.) К. Маркс утверждал, что в условиях капитализма предметом торговли становятся даже отношения, связанные с продолжением рода, взаимоотношения мужчины и женщины, а также тот факт, что женщина является предметом купли-продажи: "Даже отношения, связанные с продолжением рода, взаимоотношения мужчины и женщины и т.д. становятся предметом торговли! Женщина здесь — предмет купли-продажи"[13].

В работе "Происхождение семьи, частной собственности и государства" (1884 г.), написанной Ф. Энгельсом с использованием наработок К. Маркса, рассматривается проблема социально-классового угнетения, а также проблемы гендерного угнетения. Классическая марксистская теория угнетения, берущая начало в работах К. Маркса и Ф. Энгельса, исходит из того, что подчиненное положение женщины не является следствием ее неизменных биологических свойств, но основывается на социальных отношениях. Подчиненное положение женщин, по мнению Ф. Энгельса, обусловлено существованием института семьи, рассматриваемого как система, позволяющая мужчинам контролировать действия женщин. Авторы описывают археологические и антропологические факты, подтверждающие существование

---

[11] *Бебель А.* Указ. соч. С. 141.

[12] Там же. С. 299.

[13] *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч. Т. 1. М., 2014. С. 451.

семьи как сравнительно новой системы отношений. Рассматривая доисторический период, существование мужчин и женщин в условиях родовых структур, авторы заметили, что положение женщин, обусловленное их экономической функцией (мастерицы, собирательницы), отличалось довольно большой автономностью. Ф. Энгельс указывает на то, что основной фактор, изменивший социальную систему такого типа, носил экономический характер. Оперируя категорией "собственность", авторы описывают экономику нового типа, в которой класс мужчин претендует на обладание общественными ресурсами экономического производства в качестве собственных, нуждаясь при этом в покорной рабочей силе в виде пленников, рабов, жены, детей. Далее эксплуатация труда воспроизводилась во все более сложных структурах господства, что особенно заметно проявлялось в классовых отношениях. Постепенно в процессе исторических изменений экономической системы семья становится зависимым социальным институтом, основанным на известных формах несправедливости и принудительном подчинении женщин.

Происхождение патриархальной системы, таким образом, связывается авторами с возникновением отношений собственности. Возможности достижения женщинами свободы политических, экономических, социальных, личных действий базируются исключительно на способности разрушения сложившейся системы, построенной на праве собственности. Таким образом, ученые рассматривают проблему угнетения женщин в общих рамках марксистского классового анализа. Особое значение для социалистического феминистского направления имеет проведенный анализ классовых отношений, сложившихся в условиях капитализма и являющихся основным источником угнетения. Однако для современного социалистического феминизма остается открытым вопрос о взаимосвязи патриархальной системы и экономических отношений, поскольку такая система также часто рассматривается в качестве независимой системы угнетения.

Развитие марксистского феминизма в России начала XX в.

Далее теоретические выводы, обобщающие разработки классиков марксистского феминизма, дают представители русского марксизма: В.И. Ленин, Н.К. Крупская, А.М. Коллонтай. Самый известный в мире русский марксист В.И. Ленин (1870–1924), развивавший дальше марксистскую теорию женского вопроса, делает выводы, обобщающие опыт женского рабочего движения в новую историческую эпоху.

В.И. Ленин замечал некоторые неточности и противоречия в идеях своих предшественников, в частности высказанные А. Бебелем,

указывая на то, что технический прогресс сам по себе не облегчит жизнь женщины в современном обществе, утверждая, что если бы технический прогресс в капиталистическом обществе вел к улучшению жизни трудящихся, то капитализм перестал бы быть капитализмом. Он всегда особенно подчеркивал прочную естественную связь освобождения женщины с уничтожением капиталистического социального порядка. «Главный шаг — отмена частной собственности на землю, фабрики, заводы. Этим и только этим открывается дорога для полного и действительного освобождения женщины; освобождения ее от "домашнего рабства" путем перехода от мелкого одиночного домашнего хозяйства к крупному обобществленному»[14].

На основе анализа результатов женского освободительного движения в эпоху империалистических войн и пролетарских революций он доказывает огромное значение женских сил пролетарской революции в достижении победы и установлении диктатуры пролетариата. Учение В.И. Ленина о раскрепощении женщины в социалистическом обществе внесло большой вклад в развитие научного социализма, обогатив его новыми положениями об условиях осуществления социалистической демократии, формирования социалистического строя, создания коммунистического общества. Свои идеи автор представил в работах "Великий почин", речи на IV Московской общегородской беспартийной конференции работниц 23 сентября 1919 г. "О задачах женского рабочего движения в Советской республике", опубликованной затем в газете "Правда"[15].

Ленин придавал женскому движению очень большое значение как особенно значимой составной части движения масс, которая становилась решающей его силой. Не подвергалась сомнению возможность полного равноправия между мужчиной и женщиной как основа нового социального порядка. Вместе с тем, он ставил и более глобальную проблему — организации международного коммунистического женского движения, которая, по мнению лидера советского государства, должна быть решена немедленно, поскольку без такого движения работа Интернационала и его партий не может считаться полной. Свои впечатления о том, как высоко ценил В.И. Ленин вклад женского движения в общее дело революции и интересовался женским вопросом, приводит К. Цеткин в 1925 г.[16] В личной беседе с ней В.И. Ленин интересовался коммунистической работой заграницей, участием женского рабочего движения, утверждая, что без женщин

---

[14] *Ленин В.И.* Международный день работниц // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42. М., 1970. С. 369.

[15] Правда. 1919. 25 сент. № 213. URL: http://comstol.info/2013/03/biblioteka/6073 (дата обращения: 13.06.2017).

[16] *Цеткин К.* Воспоминания Цеткин: Ленин о женском вопросе (1925). URL: http://levoradikal.ru/archives/12889 (дата обращения: 13.06.2017).

не может быть настоящего массового революционного движения. "Мы должны политически связать наш призыв также и в сознании женских масс со страданиями, нуждами и желаниями трудящихся женщин. Они должны знать, что для них пролетарская диктатура значит: полное уравнение в правах с мужчиной как по закону, так и на практике, в семье, государстве и обществе, а также и сокрушение власти буржуазии"[17]. Идеи В.И. Ленина были практически ориентированы и оказали огромное влияние на развитие представлений о преобразовании общества в целом и в частности социального положения женщин.

Широко известна работа Надежды Константиновны Крупской (1869–1939) "Женщина-работница" (1899), повествующая о положении женщин в России. В своей работе автор описывает положение женщины как члена рабочего класса, положение женщины-работницы в семье, вопрос о воспитании детей. Следует отметить, что публикации Н.К. Крупской в основном не содержат развернутых теоретических выкладок и отличаются пропагандистской, агитационной и практической направленностью. Очевидно автор преследовала одну главную цель — разъяснение представителям разных слоев женского населения политики советского государства в отношении женщин, вовлечение их в социалистические преобразования. Вместе с тем автор опирается на значительный существующий материал о работе женщин[18].

Александра Михайловна Коллонтай (1872–1952) — известный представитель русского марксизма и марксистского феминизма, революционерка, дипломат и государственный деятель, первая в истории женщина-министр. Впервые А.М. Коллонтай заинтересовалась "женским вопросом" в конце XIX в., в период бурного развития социалистических идей, которые утверждались в качестве единственного политического движения, способного решить этот вопрос. А.М. Коллонтай писала: "Женщины и их судьба занимали меня всю жизнь, и их-то участь толкнула меня к социализму"[19]. А.М. Коллонтай пишет большое количество работ, посвященных женскому вопросу, среди которых "Социальные основы женского вопроса" (1908), "Общество и материнство" (1916), "Женское движение в годы французской революции" (1921), "Положение женщины в эволюции хозяйства" (1923), "Женщина-работница в современном обществе" (1908), "Семья и коммунистическое государство" (1918) и др. Автор работ поддерживает марксистские идеи о социальной революции и классовой борьбе, в результате которой наступит женское

---

[17] *Цеткин К.* Указ. соч.

[18] *Крупская Н.* Женщина-работница. СПб., 1901.

[19] *Коллонтай А.М.* Из моей жизни и работы. М., 1974.

равноправие. На основании своих убеждений она вступает в спор с феминистским движением, возникшим в России на рубеже XIX–XX вв., развивавшимся вне рамок марксистского подхода, обвиняя его представителей в попытке раскола социалистического движения и препятствия на пути объединения женщин для классовой борьбы пролетариата. Социальный портрет сложного российского женского движения начала XX в. наиболее полно описан современными отечественными учеными[20]. Выступая на первом Всероссийском женском съезде в Санкт-Петербурге в декабре 1908 г., А.М. Коллонтай говорит о том, что требования политического и гражданского равноправия в условиях существующего строя служат исключительно интересам женщин буржуазного класса, а не пролетарского.

Работу "Социальные основы женского вопроса" считают первым вкладом автора в развитие теории марксистского феминизма[21]. А.М. Коллонтай в русле марксизма призывает женщин к освободительной борьбе против причин, породивших угнетение, а не против внешних форм угнетения, выступая тем самым не за осуществление правительственных реформ, а за уничтожение правительства как за одно из основных условий достижения всеобщего женского равноправия. Вместе с тем, изменений, по мнению автора, требует и традиционная система отношений в семье, и система экономической зависимости женщин от мужчин, без перестройки которых невозможно приобретение женщинами свободы и равноправия. Идеи автора, высказанные в данной работе, характеризуют как радикальный марксистский феминизм. Являясь сторонником политического радикализма, А.М. Коллонтай стала не только одним из лидеров русского женского социалистического движения, но и известным экспертом своего времени по "женскому вопросу".

Настоящим социологическим трудом можно считать работу А.М. Коллонтай "Общество и материнство", написанную по просьбе социал-демократической фракции русской Государственной думы в качестве нового раздела законопроекта о страховании материнства[22]. Данная работа, состоящая из более чем 600 страниц, демонстрирует огромный научно-исследовательский труд. Автор опирается на анализ фактического материала о положении фабричных работниц многих европейских стран. В работе приводятся данные производственной и медицинской статистики, исторические факты, подтверждающие основные выводы относительно крайнего угнетения женщин в условиях капитализма. Однако выводы А.М. Коллонтай

---

[20] *Хасбулатова О.А.* Женское движение в России как фактор социального прогресса (1900–1917) // Женщина в российском обществе. 2017. № 2 (83). С. 5–14.

[21] *Коллонтай А.М.* Социальные основы женского вопроса. СПб., 1909.

[22] *Коллонтай А.М.* Общество и материнство. Государственное страхование материнства. Пг., 1916.

касаются не только констатации факта сверхэксплуатации женского труда на фабриках, но также еще одного важного вопроса — вопроса возможности совмещения женского труда и материнства, стоящего на повестке дня и широко обсуждаемого ее предшественниками и современниками. Автор настаивает на необходимости такого совмещения, которое станет возможным только при изменении ряда условий. Такими условиями должны стать преобразование характера труда и его условий для женщин и признание обществом необходимости охраны и обеспечения материнства посредством государственного страхования. Рассматривая меры, принятые в некоторых европейских странах по вопросу заботы общества о материнстве, А.М. Коллонтай считает их недостаточными и малоэффективными, приходя к выводу о необходимости и обязанности государственного обеспечения материнства. Вопрос о необходимости переложить заботу о матери и ребенке на государство был возможным решением проблемы. Автор продолжает рассматривать эту тематику в работе "Семья и коммунистическое государство", представляющую скорее проект идеального общества, социальную утопию. Модель нового социального порядка вместе с тем послужила ориентиром для практического действия, и многие идеи, изложенные в данных работах, были воплощены на практике: были созданы многочисленные столовые, кухни, прачечные, мастерские по починке одежды, ясли и детские сады. Преобразования в этой сфере стали одним из достижений советской власти и были взяты на вооружение многими европейскими странами вслед за Советским Союзом.

Вклад А.М. Коллонтай не ограничивался вопросом о семье и материнстве. Для феминистской теории огромное значение имеет и другой аспект женской эмансипации — психологический. А.М. Коллонтай отмечала, что помимо достижения политического, гражданского и экономического равенства также следует пересмотреть и традиционные отношения между полами с точки зрения переоценки ценностей в половой морали. В статье "Новая женщина" (1913) автор пишет о такой необходимости, призывая женщину, привыкшую традиционно находиться на второстепенных ролях, измениться[23]. А.М. Коллонтай перечисляет те качества, которыми "новой женщине" необходимо обладать для того, чтобы обрести свободу и иное положение в обществе. Возможности появления новой женщины автор связывает с условиями капитализма, при которых происходит ее вовлечение в производство; как участник производственной деятельности женщина приобретает экономическую свободу от мужчины, и именно трудовой процесс способствует изменению ее внутреннего облика и обретению тех черт, которые по мнению

[23] *Коллонтай А.М.* Новая мораль и рабочий класс. М., 1919.

общества характеризуют современную женщину. Пересматривая существующие в буржуазном обществе отношения между полами, А.М. Коллонтай критически оценивает три основные формы такого общения, сложившиеся в условиях капитализма: легальный брак, проституция, свободный союз. Критике подвергаются принципы, названные автором ложными, такие как нерасторжимость брака и представление о так называемой "собственности" или о "безраздельной принадлежности" супругов друг другу.

В статье "Отношения между полами и классовая борьба" автор пишет о необходимости коренного перевоспитания психики человека и формирования новой морали в отношении между полами. А.М. Коллонтай абсолютно убеждена в необходимости пересмотра этих отношений и разработки новых моральных установок, поскольку это оказывает прямое влияние на социальное устройство общества и имеет огромное значение для исхода классовой борьбы. Автор предлагает замену лежащих в основе буржуазной морали принципов индивидуализма, конкуренции, основанных на владении частной собственностью и неравенстве, на принципы коллективизма, сотрудничества, равенства, содержащихся в основе новой морали, морали рабочего класса. При этом подчеркивается факт сложности осуществления такого перехода вследствие укоренившейся морали, основанной на индивидуализме, представлений о неравноценности полов.

Работы А.М. Коллонтай раскрывают особенности социальных отношений в начале XX в. Как государственный деятель она, так же как и В.И. Ленин, имела возможность реализовать свои идеи на практике. А.М. Коллонтай активно участвует в составлении закона о равноправии женщин, который был принят в первые дни революции, а затем в написании "Кодекса законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве". Принятый советскими властями закон о браке и семье оказался самым революционным в мире. В соответствии с этим законом только гражданская регистрация брака может признаваться законной, при этом церковные церемонии не были запрещены, но лишались права легализации брачных состояний. Закон уравнивал права обоих супругов относительно семейной и личной собственности, в экономическом поведении, а также уравнивал права детей, рожденных как в браке, так и вне брака. А.М. Коллонтай принимала участие в создании Женского отдела при Центральном Комитете партии в целях организации политической и культурно-просветительной работы среди женщин, и являлась директором Женотдела в 1921–1922 гг.

Действительно, русский марксизм в целом и марксистский феминизм отличались своей практической направленностью. Все русские марксисты, представители марксистского феминизма прикладывали

большие усилия для воплощения своих идей в жизнь. В 1917–1918 гг. был принят ряд актов, в которых Советская власть полностью уравняла женщину с мужчиной в трудовых, семейно-брачных и гражданских правах, в сфере образования. Были приняты меры по охране женского труда, материнства и младенчества, законодательно закреплен принцип равной оплаты за равный труд. В результате формирования социалистических производственных отношений, индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства, культурной революции советского общества, фактическое равенство женщины с мужчиной было в основном достигнуто. Безусловно, этот процесс не был простым и равномерным, например, особенно большие трудности преодолевались в борьбе за раскрепощение женщин Советского Востока в силу устоявшихся вековых традиций рабского положения женщины. Постепенно права женщин были зафиксированы в Конституции (Основном законе) Союза Советских Социалистических Республик, утвержденной постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик 5 декабря 1936 г.: "Женщине в СССР предоставляются равные права с мужчиной во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни. Возможность осуществления этих прав женщин обеспечивается предоставлением женщине равного с мужчиной права на труд, оплату труда, отдых, социальное страхование и образование, государственной охраной интересов матери и ребенка, предоставлением женщине при беременности отпусков с сохранением содержания, широкой сетью родильных домов, детских яслей и садов"[24].

Марксисткий и социалистический феминизм: современное влияние

Марксистский феминизм является одним из мощных направлений, получивших развитие в течении XX в. и представляющих интерес в условиях современных глобализационных процессов обществ XXI в. Несмотря на огромное количество критики в адрес данного направления в настоящее время основные положения марксистской феминистской теории продолжают переосмысливаться. В середине XX в. с критикой этого направления выступали видные социологи своего времени, такие как Герберт Маркузе, представивший в марте 1974 г. свою очередную лекцию "Марксизм и феминизм" в Стенфордском университете, в которой ученый решает некоторые, по его мнению,

[24] Конституция (Основнй закон) Союза Советских Социалистических Республик, утвержденная постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1936.htm (дата обращения: 16.06.2017).

упущенные проблемы социализма и радикальные потенции женского движения, как подрывной силы[25]. Также в конце 1970-х гг. получила широкую известность критика Хайди Хартманн — американской феминистки, специалиста в области разработки проблем гендерного неравенства и сегрегации на рабочем месте, двойной эксплуатации женщин в сфере домашнего и наемного труда, основавшей в 1987 Институт исследований в области женской политики в Вашингтоне. В 1979 г. Х. Хартманн опубликовала статью под названием "Несчастливый брак марксизма и феминизма", в которой автор выступает за сочетание марксистского и радикально-феминистского подходов для комплексного понимания и преодоления подчиненной роли женщины как в классовом, так и в постклассовом обществе[26]. Позже в ответ на работу американского ученого появляется ряд публикаций, среди которых антология Лидии Сарджент "Женщины и революция: дискуссия о несчастливом браке марксизма и феминизма", собравшая множество критических отзывов и дискуссий вокруг статьи Х. Хартманн, как с марксистской, так и с феминистской стороны. Можно назвать большое количество авторов, интересующихся развитием направлений марксистского и социалистического феминизма: Чинции Арруцца, Айрис Янг, Нэнси Фрезер и др.

В современной социологии принято разделять марксистский и возникший в результате его развития социалистический феминизм. Основные положения марксистского и социалистического феминизма опираются на взаимосвязь классового и гендерного неравенств с институтами частной собственности. Вместе с тем, постепенно обозначались различия между данными направлениями. В рамках марксистского феминизма классовое неравенство рассматривается в качестве основной и первичной формы социальных иерархий, в том числе и неравенства между полами. Для социалистического феминизма класс и пол являются относительно автономными системами, каждая из которых создает свою иерархию.

В 70-х гг. XX в. более четко обозначается отделение социалистического феминизма от марксистского. Вопрос о сложной взаимосвязи условий капитализма и патриархальной системы, являющихся основой объяснения всех форм социального угнетения, становится одним из наиболее актуальных. Социалистическое феминистское течение представленное в работах Зиллы Айзенстайн, Линды Гордон, Мэри О'Брайен и др. синтезирует некоторые основные положения марксизма и при анализе данного вопроса использует термин "капиталистический патриархат". Вместе с тем, еще более популярным термином в рамках социалистического направления феминизма яв-

[25] *Маркузе Г.* Марксизм и феминизм. М., 2008.

[26] *Хартманн Х.* Несчастливый брак марксизма с феминизмом: путь к более прогрессивному союзу. М., 2016.

ляется категория “господство”. Господство представителями данного направления рассматривается как крупномасштабное структурное образование, властные отношения между социальными субъектами. Именно структуры господства служат основой для формирования деятельности, нормативных установок и целенаправленных действий индивида.

Сторонников социалистического направления феминизма, использующих категории “капиталистический патриархат” и “господство”, объединяет приверженность к историческому материализму как базовому принципу марксистской теории общества. Однако вместе с тем, зачастую представители этого направления выходят за рамки марксизма. Доказательством этого могут служить попытки нового определения материальных условий, значение идеологии и выбор проблемы господства в качестве основного предмета исследования. Переосмысливая категорию “материальные условия” человеческой жизни, приверженцы теории социалистического феминизма сосредоточивали свое внимание не только на развитии экономической сферы, но и на иных факторах организации человеческой жизни, таких как рождение и воспитание детей, тело человека и половой инстинкт, ведение домашнего хозяйства, передача норм, ценностей и знаний, эмоциональная забота. Внимание, таким образом, смещается с представлений о человеке как производителе товаров на представления о человеке как создателе, воспроизводящем и поддерживающем всю жизнь в целом.

Такая трансформация взглядов служит объяснением еще одной особенности, характерной для представителей социалистического феминизма, — концентрации внимания на таких феноменах мышления, как представления, сознание, мотивация, знания, идеология и т.д. как на факторах, влияющих на личность, действия субъекта и структуры господства. Вместе с тем, они рассматриваются как порожденные социальными структурами во взаимосвязи со структурами производства товаров в экономике и настолько же сложными и влиятельными. Другим отличием социалистического феминистского направления от марксистского учения в целом является выбор в качестве объекта исследования социального неравенства вместо классового во всем огромном диапазоне его проявлений. Воздействие государственного устройства, экономической структуры, идеологии сочетается здесь с приватными процессами человеческой жизни и аспектами субъективности, формирующими и сохраняющими системы господства.

Направление социалистического феминизма в теоретическом плане имеет определенные отличия от марксизма в целом. Помимо этого, существуют различия и между направлениями внутри самого социалистического феминизма. Вместе с тем, так же как и сто-

ронники теории марксистского феминизма, представители теории социалистического феминизма предлагают свою программу перемен, желательную для реализации на практике. Одним из главных призывов является требование глобальной солидарности женщин против тех последствий, которые приносит в их жизнь капитализм. Так же как марксистский феминизм в начале XX в. социалистический феминизм призывает к более тщательному вниманию феминистского общества в целях отслеживания опасности их вхождения в массы привилегированной интеллигенции, действующей в интересах капиталистического класса. Проекты представителей социалистического феминизма рассчитывают на мобилизацию людей для вовлечения государства как средства эффективного перераспределения общественных ресурсов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Айвазова С.Г. Русские женщины в лабиринте равноправия. Очерки политической теории и истории. М., 1998.

Бебель А. Женщина и социализм. М., 1959.

Коллонтай А.М. Социальные основы женского вопроса. СПб., 1909.

Коллонтай А.М. Общество и материнство. Государственное страхование материнства. Пг., 1916.

Коллонтай А.М. Новая мораль и рабочий класс. М., 1919.

Коллонтай А.М. Из моей жизни и работы. М., 1974.

Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик, утвержденная постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1936.htm (дата обращения: 16.06.2017).

Крупская Н. Женщина-работница. СПб., 1901.

Ленин В.И. Великий почин // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 39. М., 1970.

Ленин В.И. Международный день работниц // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42. М., 1970.

Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. М., 1955.

Маркс К., Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. М., 1955.

Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 1. М., 2014.

Маркузе Г. Марксизм и феминизм. М., 2008.

Неправительственная организация Всемирный экономический форум (ВЭФ). URL: https://www.weforum.org/ (дата обращения: 13.06.2017).

Правда. 1919. 25 сент. № 213. URL: http://comstol.info/2013/03/biblioteka/6073 (дата обращения: 13.06.2017).

Ритцер Дж. Современные социологические теории. СПб., 2002.

Стайтс Р. Женское освободительное движение в России. Феминизм, нигилизм и большевизм 1860–1930 гг. М., 2004.

Хартманн Х. Несчастливый брак марксизма с феминизмом: путь к более прогрессивному союзу. М., 2016.

Хасбулатова О.А. Женское движение в России как фактор социального прогресса (1900–1917) // Женщина в российском обществе. 2017. № 2 (83). С. 5–14.

Цеткин К. Женщина и ее экономическое положение. М., 1974.

Цеткин К. Воспоминания Цеткин: Ленин о женском вопросе (1925). URL: http://levoradikal.ru/archives/12889 (дата обращения: 13.06.2017).

REFERENCES

Ajvazova S.G. Russkie zhenshhiny v labirinte ravnopravija. Ocherki politicheskoj teorii i istorii [The Russian women in an equality labyrinth. Sketches of the political theory and history]. M., 1998 (in Russian).

Bebel' A. Zhenshhina i socializm [Woman and socialism]. M., 1959 (in Russian).

Cetkin K. Vospominanija Cetkin: Lenin o zhenskom voprose (1925). [Memoirs Tsetkin: Lenin about a women's issue]. URL: http://levoradikal.ru/archives/12889 (accessed: 13.06.2017) (in Russian).

Cetkin K. Zhenshhina i ee jekonomicheskoe polozhenie [Woman and her economic situation]. M., 1974 (in Russian).

Hartmann H. Neschastlivyj brak marksizma s feminizmom: put' k bolee progressivnomu sojuzu [Unhappy marriage of Marxism with feminism: way to more progressive union]. M., 2016 (in Russian).

Hasbulatova O.A. Zhenskoe dvizhenie v Rossii kak faktor social'nogo progressa (1900–1917) [Women's movement in Russia as a factor of social progress (1900–1917)] // Zhenshhina v rossijskom obshhestve. 2017. N 2 (83). P. 5–14 (in Russian).

Kollontaj A.M. Social'nye osnovy zhenskogo voprosa [Social bases of a women's issue]. SPb., 1909 (in Russian).

Kollontaj A.M. Obshhestvo i materinstvo. Gosudarstvennoe strahovanie materinstva. [Society and motherhood. State insurance of motherhood]. Pg., 1916 (in Russian).

Kollontaj A.M. Novaja moral' i rabochij klass [New morals and working class]. M., 1919 (in Russian).

Kollontaj A.M. Iz moej zhizni i raboty [From my life and work]. M., 1974 (in Russian).

Konstitucija (Osnovnoj zakon) Sojuza Sovetskih Socialisticheskih Respublik utverzhdennyj postanovleniem Chrezvychajnogo VIII S#ezda Sovetov Sojuza Sovetskih Socialisticheskih Respublik ot 5 dekabrja 1936 g. [The constitution (Osnovny the law) the Union of Soviet Socialist Republics approved by the resolution of the Extraordinary VIII Congress of Councils of the Union of Soviet Socialist Republics of December 5, 1936]. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1936.htm (accessed: 16.06.17) (in Russian).

Krupskaja N. Zhenshhina-rabotnica [Female worker]. SPb., 1901 (in Russian).

Lenin V.I. Velikij pochin [Great beginning. Compositions] // Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij [In complete works]. T. 39. M., 1970 (in Russian).

Lenin V.I. Mezhdunarodnyj den' rabotnic [International day of workers] // Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij [In complete works]. T. 42. M., 1970 (in Russian).

Marks K., Jengel's F. Manifest Kommunisticheskoj partii [Manifesto of the Communist Party] // Marks K., Jengel's F. In Compositions. T. 4. M., 1955 (in Russian).

Marks K., Jengel's F. Proishozhdenie sem'i, chastnoj sobstvennosti i gosudarstva. [Origin of family, private property and state] // Marks K., Jengel's F. In Compositions. T. 21. M., 1955 (in Russian).

Marks K., Jengel's F. Sobr. Soch. [Complete works]. T. 1. M., 2014 (in Russian).

Markuze G. Marksizm i feminizm [Marxism and feminism]. M., 2008 (in Russian).

Nepravitel'stvennaja organizacija Vsemirnyj jekonomicheskij forum (VjeF) [Non-governmental organization World Economic Forum (WEF)]. URL: https://www.weforum.org/ (accessed: 13.06.2017) (in Russian).

Pravda [Pravda]. 1919. 25 sent. N 213. http://comstol.info/2013/03/biblioteka/6073 (accessed: 13.06.2017) (in Russian).

Ritcer Dzh. Sovremennye sociologicheskie teorii [Modern sociological theories]. SPb., 2002 (in Russian).

Stajts R. Zhenskoe osvoboditel'noe dvizhenie v Rossii. Feminizm, nigilizm i bol'shevizm 1860–1930 gg. [Women's liberation movement in Russia. Feminism, nihilism and Bolshevism of 1860–1930]. M., 2004 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2019-25-1-130-144

ТРАНСФОРМАЦИИ ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ ПРОЦЕССА ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ

А.А. Баценкова, асп. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234*

Индивидуализация — это процесс дистанцирования и высвобождения индивида от любых форм коллективностей: коллективного сознания, традиций, традиционной групповой принадлежности — и обретение индивидом собственных, специфических, только ему присущих характеристик[1]*. Индивидуализация как историко-социологическая категория обладает различными формами своего проявления. Одним из аспектов процесса индивидуализации является детрадиционализация жизненных сфер и возникновение новых "пространств свободы", которые порождают новые вызовы для общества и для индивида*[2]*. Для общества таким вызовом является падение значимости социальных институтов индустриального общества как традиционных ориентиров "жизненных стратегий и жизненных ситуаций". Возникают, так называемые "институты-пустышки"*[3]*, которые сохраняют внешнюю форму, но перестают выполнять характерные для них задачи и меняют свое содержательное значение.*

Процесс индивидуализации затронул все сферы жизни общества, в том числе и публичную сферу. В социологической традиции теме изменения и упадка публичной сферы посвящены работы Дж. Дьюи[4]*, Ю. Хабермаса*[5]*, Х. Арендт*[6]*, Р. Сеннета*[7]*, У. Липмана*[8] *и др. Исследователи говорят о кризисе публичного пространства в современном западном обществе. Он связан со*

---

* **Баценкова Антонина Александровна,** e-mail: batonal@mail.ru

[1] *Кимелев Ю.А., Полякова Н.Л.* Модерн и процесс индивидуализации: исторические судьбы индивида модерна. М., 2017. С. 8.

[2] *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000. С. 188–189.

[3] *Гидденс Э.* Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004. С. 35.

[4] *Дьюи Дж.* Общество и его проблемы. М., 2002.

[5] *Хабермас Ю.* Структурное изменение публичной сферы. Исследования относительно категории буржуазного общества. М., 2016.

[6] *Арендт Х.* Vita activa, или о деятельной жизни / Под ред. Д.М. Носова. СПб., 2000.

[7] *Сеннет Р.* Падение публичного человека. М., 2002; *Он же.* Плоть и камень. Тело и город в западной цивилизации. М., 2016.

[8] *Lippmann W.* The Phantom public. N.Y., 1925.

смешением публичной и приватной жизни, рассмотрением публичной сферы через призму личных интересов и ее описанием в категориях интимности. "Люди очень личностно относятся к общественным делам, распоряжаться которыми надлежащим образом можно лишь с безличными, в терминах личных ощущений"[9]. Общество приобретает значимость для индивида как психологическая система[10].

Цель статьи — показать падение публичной сферы как отражение процесса индивидуализации. Если изначально публичное пространство формировалось под влиянием средств массовой информации, политико-правовых и государственных систем, то в XXI в. публичная сфера становится пространством выражения индивидуальной свободы и независимости через блогосферу, видео-порталы и социальные сети. С развитием глобальных сетей коммуникации и цифровых технологий возникает необходимость пересмотра концепта публичной сферы.

Ключевые слова: *индивидуализация, индивид, модерн, публичная сфера, "общество интимности", сетевой индивидуализм, сетевой индивидуум, персонализация, частная жизнь, приватность.*

THE PUBLIC SPHERE TRANSFORMATION AS A REFLECTION OF THE INDIVIDUALIZATION PROCESS

Batsenkova Antonina A., Postgraduate Student of the Department of Contemporary sociology, The Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: batonal@mail.ru

Individualization is the process of distancing and relief an individual from any form of collectivities: collective consciousness, traditions, traditional group membership — and obtaining own, specific, only inherent characteristics by individual. Individualization as a historical and sociological category has various forms of its manifestation. One of the aspects of the individualization process is the detraditionalization of life spheres and the emergence of new "spaces of freedom", which give rise to new challenges for society and for the individual. The such a challenge for society is the drop of the social institutions importance as traditional guidelines for "life strategies and life situations". There are so — called "phantom institutions" that keep their external form but stop performing their tasks and change their meaning.

The individualization process has affected all spheres of society, including the public sphere. In the sociological tradition, the theme of change and decline of the public sphere is devoted to the work of J. Dewey, J. Habermas, H. Arendt, R. Sennett, W. Lippmann, etc. Researchers say about the public sphere crisis in modern Western society. It is associated with the fusion of public and private life, the consideration of

---

[9] *Сеннет Р.* Падение публичного человека. С. 12.

[10] Там же. С. 10.

the public sphere through personal interests and its description in the categories of intimacy. People treat to public affairs too personally, which can be properly managed only with the impersonal, in terms of personal feelings. Society becomes important for the individual as a psychological system.

The purpose of this paper is to show the fall of the public sphere as a reflection of the individualization process. If initially the public space was formed under the impact of mass media, political and legal systems and state systems, in the XXI century the public sphere becomes a space of expression of individual freedom and independence through the blogosphere, video portals and social networks. It is necessary to revise the concept of the public sphere because of the global communication networks development and the development of digital technologies.

Key words: *individualization, individual, modern, modernism, public sphere, the society of intimacy, network individualism, network individual, personalization, private life, privacy.*

Введение

Уже в начале XX в. исследователи (У. Липман, Дж. Дьюи, Х. Арендт, Н. Элиас, И. Гофман и др.) стали обращать внимание на изменение публичной сферы в западном обществе. В социологическом сообществе это выражается в неоднозначности ее определений и границ. В работе мы будем рассматривать частную и публичную сферу через процесс индивидуализации. Наша задача выявить, как в процессе трансформации публичной жизни изменялась роль индивида модерна и как индивидуализация повлияла на смешение частной и публичной жизни.

Классическими концепциями по этой теме являются работы Х. Арендт (1958), Ю. Хабермаса (1961) и Р. Сеннета (1977), которые обращаются к истории возникновения и развития публичного пространства. Социологи с разных точек зрения подходили к определению и времени возникновения публичной сферы.

Х. Аренд считала, публичная сфера зарождается в Античности, а в Новое время меняются формы публичного и его основы. Публичное — все то отличное от приватной сферы или все, что находится вне хозяйственной деятельности и частной собственности[11]. Для нее важны не столько средства коммуникации, сколько максимальная открытость индивида другим, когда его видят и слышат. С привнесением в публичное хозяйственно-экономических и социальных проблем идеал публичной жизни утрачивает свою содержательную форму. Это происходит в эпоху становления буржуазного общества.

С точки зрения Ю. Хабермаса публичная сфера появляется в результате возникновения буржуазии и общества модерна. Он не

[11] *Арендт Х.* Указ. соч. С. 69.

отрицает, что публичная сфера существовала в Античности. Публичность понималась в качестве общественного дела и напрямую была связана с римским правом. Она стала классическим идеалом и "идеологическим образцом". Но Античность не обеспечила социальными, правовыми условиями существование публичной сферы.

До Нового времени не существовало четкого разделения на публичную и частную сферу. В условиях абсолютизма публичная сфера функционирует как пространство репрезентации господства, связанное с демонстрацией статусной позиции. Начиная с конца XVIII в. в результате процесса поляризации или размежевания институтов феодальной власти (церкви, княжества, дворянства) репрезентативная публичность распадается на частные и публичные элементы[12]. Согласно Ю. Хабермасу, этот вид публичности сменяется буржуазным типом публичной сферы, которая становится зоной управления общими интересами под предводительством буржуазии.

Ю. Хабермас отождествляет публичную сферу с общественным мнением или "деланием". По его мнению, в эпоху модерна публичная сфера стала инструментом самоорганизации общества для противостояния государству как организации господства. В то же время публичная сфера оставалась закрытой сферой, выражая интересы господствующего класса буржуазии.Поэтому критики не раз выступали против идеализированного образа и роли буржуазии в формировании публичности[13].

Согласно Р. Сеннету, публичная жизнь существовала на протяжении веков. Но современную форму она приобрела только в XVIII столетии. Он описывает ее как сферу социальной жизни, расположенную вне семьи и круга близких друзей, жизнь, в которой существуют различные формы социального взаимодействия между различными слоями населения.

Представление о публичной сфере эволюционировало. Если в Античности публичная сфера понималась как диалог индивида с другими через непосредственное длительное взаимодействие и общение, то в XIX в. она виделась как общественная сфера, связанная с пассивным наблюдением, а не участием. Публичная сфера стала связываться с социальной корректностью. Она проявлялась в наборе социальных ограничений и условностей в отношении индивидов друг к другу как между незнакомцами и соблюдении дистанции

---

[12] *Хабермас Ю.* Указ. соч. С. 61.

[13] *Calhoun C.* Introduction // Habermas and the Public Sphere / Ed. by C. Calhoun. Cambridge, 1992; *Young I.M.* Inclusion and Democracy. Oxford, 2000; *Fraser N. et al.* Transnationalizing the Public Sphere. Cambridge; Malden, 2014; *Negt O., Kluge A.* Öffentlichkeit und Erfahrung. Zur Organisations analys evon bürgerlicher und proletarischer Öffentlichkeit [in German]. Frankfurt a/M., 1972.

между ними. Индивиды надевали на себя "маски", скрывающие их эмоциональность, близкие или родственные чувства. "Сфера частного, напротив, означала мир, где каждый может самовыражаться непосредственно при контакте с другой личностью; сфера частного означала мир, управляемый общением, но это надо было держать в секрете"[14].

На протяжении XVIII–XIX вв. граница между публичной сферой и приватной определялась границами между социальными требованиями (или требованиями культуры) и требованиями природы[15]. Приватная сфера была связана с представлением об индивиде как о животном существе. В публичной сфере индивид рассматривался как социальное существо, подчиняющее свою природу социальным нормам и обязательствам, ведущее себя с посторонними эмоционально сдержанным образом и дистанцировавшееся от своих желаний.

Индивидуализация публичной сферы. Общества интимности

Трансформация публичного пространства под влиянием индивидуализации начинается в XIX в. Она реализовывалась через изменение экономических, религиозных, политических условий существования индивида. Индивидуализация публичной сферы начинается со смешения публичного и приватного. По мнению Р. Сеннета, изменение границ между этими сферами было связано 1) с двойственным отношением к публичной сфере при индустриальном капитализме в большом городе, 2) с секуляризацией в XIX в., 3) с силой, встроенной в структуру самой публичной жизни при старом режиме. XIX в. создал условия для появления общества, живущего по законам приватной жизни.

Публичное как неличная сфера неличностного смысла и действия исчезает и смешивается с персональной сферой. Викторианская эпоха выступала против идеи личности, не стесненной запретами. Современный мир выступает против социального давления и подавления личности, отрицая какие-либо ограничения. Но в то же время уничтожить и эти ограничения полностью невозможно из-за культурных рамок, унаследованных от XIX в. Эта сфера стала полностью занимать человека, для которого смысл жизни стал сводиться к самопознанию. Это не значит, что в мире господствует индивидуализм. По мнению Р. Сеннета, среди современных индивидов существует обеспокоенность собой, своим "индивидуальным чувством".

---

[14] *Сеннет Р.* Падение публичного человека. С. 164.

[15] Там же. С. 27.

Появляется общество интимности. Это общество основано на мифе о том, что недостатки социального сводятся к его безличности, отчужденности и холодности. Близость между людьми воспринимается как моральное благо. Появляется идеология задушевности. Развитие собственной личности видится через опыт близких и сердечных отношений с другими. Социальные взаимоотношения всех видов тем реальнее, достовернее и аутентичнее, чем ближе они затрагивают внутренние психологические интересы каждого человека. Современный индивид большое внимание уделяет психологии и психоанализу в попытке понять внутренние механизмы работы своего "Я", "самости". Возникает психологическое общество[16], связанное рядом новых явлений "человеком психологическим"[17], "культурой нарциссизма"[18], "терапевтическим этосом" [19]. В таком обществе люди воспринимают себя как психологических субъектов, а индивид логически, этически и экзистенционально первичен по отношению к социальному[20]. Через призму своего личного опыта индивид оценивает социальную жизнь. К. Леш называет своих современников "Я — поколением", занятых только индивидуальными интересами: заботой о красоте, теле, психологическом самочувствии и избегающих реальности жизни. Р. Сеннет соглашается с К. Лешем и вступает в полемику с Д. Рисменом ("Одинокая толпа"), утверждая, что общество движется от состояния направленности на других к состоянию направленности на себя[21], когда публичная сфера описывается в категориях интимности. "Люди очень личностно относятся к общественным делам, распоряжаться которыми надлежащим образом можно лишь с безличными, в терминах личных ощущений"[22]. Общество приобретает значимость для индивида как психологическая система[23]. Ф. Рифф в работе "Фрейд: ум моралиста" и "Триумф терапевтического" доминантным типом индивида западной культуры считает "человека психологического". "История произвела тип, специально адаптированный к новому периоду: тип тренированного эгоиста, частного лица, покидающего арену общественной жизни,

---

[16] *Smith R.* The Norton history of the human sciences. N.Y., 1997.

[17] *Rieff P.* The triumph of the therapeutic: uses of faith after Freud. Chicago, 1978.

[18] *Lash C.* The culture of narcissism: American life in an age of diminishing expectations. L., 1980.

[19] *Rieff P.* Op. cit.

[20] *Сироткина И.Е., Смит Р.* Психологическое общество и социально-политические перемены в России // Методология и история психологии. Т. 3. Вып. 3. 2008. С. 73–90.

[21] Там же. С. 11.

[22] Там же. С. 12.

[23] *Сеннет Р.* Падение публичного человека. С. 10.

на которой он достиг успеха, чтобы заняться изучением себя и своих эмоций. Этой интроверсии интересов должна была соответствовать новая дисциплина, и психология Фрейда, с ее интерпретацией политики, религии и культуры в терминах внутреннего мира индивида и его посредственного семейного опыта, как нельзя больше подошла для этого"[24].

Особенность современного общества, что восприятие современных "институций" и событий идет через задействованных или воплощенных в них личностей[25]. Интимность как локализация человеческого опыта во всех сферах жизни разрушает социальным нормы, которыми люди руководствовались прежде. Самость стала определять социальные отношения, социальные значение стали пониматься через чувство индивидуальных человеческих существ. "Одержимость личным фактором за счет более безличных социальных отношений подобна фильтру… она приводит нас к убеждению, что общность — это акт взаимного раскрытия собственной самости, и к недооценке отношений общности в среде незнакомых, посторонних друг другу людей, в особенности отношений общности, возникающих в больших городах"[26]. Через призму интимно-личного опыта человек смотрит на общество.

Сеннет полагает, что существует тирания интимности, связанная с отрицанием реальности и ценности неличной жизни. Тирания заключается в том, что единственным стандартом измерения сложностей социальной реальности становится психологические моменты событий, связанные с участвующими в них личностях. Тирания интимности деформирует общество, в частности, Сеннет приводит в пример две сферы социальной жизни: власть и город.

Тирания интимности переводит политические категории в разряд психологических[27]. Власть оценивается не как способ изменения условий социальной жизни, а как сфера взаимоотношений между отдельными индивидами. Смысл политической деятельности сводится к тому, чтобы выразить свою индивидуальность посредством эмоций и чувств, раскрыть себя как исключительную личность. Отрицаются ограничения, которые прежде индивид накладывал на поведение в публичной сфере. "И все же мы пытаемся «избавиться» от этих ограничений, прибегая к интенсификации личностных черт, стараясь стать более прямыми, открытыми и искренними в наших отношениях друг к другу; мы приходим в замешательство, когда это

---

[24] *Rieff P.* Op. cit. P. 2–3.
[25] Ibid. P. 391.
[26] Ibid. P. 11.
[27] Ibid. P. 293.

кажущееся избавление приносит нам страдание, родственное тому, что ощущали викторианцы в своих репрессивных попытках упорядочить человеческие эмоции. Мы также отрицаем, что в общении между людьми должны быть какие-либо барьеры. Вся логика развития коммуникационных технологий XX века подчинена этой открытости выражения"[28]. Современный мир отрицает ограничения личности в любых сферах, в отличие от XIX в., когда личность была стеснена запретами. Сеннет пишет о возникновении "нецивилизованного" поведения политических лидеров, когда внимание обращается не на их действия и оценку их поступков, а на мотивацию, их качества как личностей. Политическая деятельность лидера освещается с точки зрения частной жизни политика, а не его реальной работы в области политики.

Взгляды Р. Сеннета дополняет позиция Ж. Липовецки, который в работе "Эра пустоты" главным трендом современного общества называет персонализацию всех сфер жизни общества, в процессе чего наблюдается всеобщая тенденция гуманизации, диверсификации, психологизации общественных отношений. Происходит переосмысление системы ценностей, на первое место выходит ценность индивидуального развития, признания субъективного своеобразия, неповторимости личности. Современный индивид теряет интерес к общественной жизни, полностью занимаясь только своей частной жизнью.

Следствием персонализации является процесс нарциссизма — "символ перехода" от "ограниченного индивидуализма" к "тотальному". "Нарциссизм находит образец для подражания в психологизации общественного начала, политики, общественной сцены в целом, субъективизации всех видов деятельности, которые некогда были неперсонализированными или объективными"[29]. Рождается неонарциссизм, связанный с забвением homo politicus и появлением homo psychologicus, заботящегося о себе самом и о собственном благополучии. Утрачивается интерес к политике, публичной сфере. Общественные проблемы не вызывают ничего, кроме равнодушия.

Отрицательным последствием индивидуализации публичной сферы, по мнению Сеннета, выступает тот факт, что социальная реальность лишается социальной корректности. Это приводит к исчезновению сферы, в которой индивид мог бы выразить себя под маской, сохранить свою личность для себя и своей семьи. "Маски обеспечивают чистое общение, не зависящее от социального по-

---

[28] *Rieff P.* Op. cit. P. 296.

[29] *Липовецки Ж.* Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме. СПб., 2001. С. 30.

ложения, страхов и личных чувств тех, кто их носит. Быть социально корректным — значит не обременять других собственным существованием"[30]. Маска позволяет сохранять дистанцию между людьми, позволяет относиться к другим как к незнакомцам. Ж. Липовецки также выделяет негативные аспекты, отмечая, что чрезмерная открытость и увлеченность собственным Я, может приводить к психологическим расстройствам и одиночеству современного индивида[31].

Современные тенденции развития публичной сферы

Учитывая современные тенденции развития общества и процессы обособления от классовых ограничений и институциональных систем, а также развитие информационных технологий, можно говорить, что современная публичная сфера формируется под влиянием не определенного класса, а отдельных индивидов. С развитием современных технологий, начиная со второй половины XX в., происходит расширение сфер обретения человеком независимости от организационных структур. Существование сетевых каналов связи и коммуникации приводит к децентрализации контроля над индивидами. Осознание индивидами возможности утверждения своей независимости приводит к размыванию границ публичного пространства. Если изначально публичное пространство формировалось под влиянием средств массовой информации, политико-правовых и государственных систем, то в конце XX в. публичная сфера становится пространством выражения индивидуальной свободы и независимости через интернет-сообщества, блогосферу, видео-порталы и социальные сети.

Как считает С. Бенхабиб[32], интернет становится площадкой создания частных мнений, самопрезентации и самовыражения. Индивидуализация через интернет размывает возможности консолидированного мнения, налаженной публичной дискуссии.

Й. Бенклер[33] полагает, что сетевая публичная сфера позволяет создать собственное медиа-сообщество, состоящее из децентрализованных индивидуальных действий. Традиционные СМИ утрачивают свою власть, так как стираются физические и экономические ограничения на создание информации. Он вводит идею "сетевого индиви-

---

[30] *Сеннет Р.* Падение публичного человека. С. 299.

[31] *Липовецки Ж.* Эра пустоты… С. 76.

[32] *Benhabib S.* The claims of culture: equality and diversity in the global era. Princeton, 2002.

[33] *Benkler Y.* The wealth of networks: how social production transforms markets and freedom. New Haven, 2006.

дуума", который управляет своими собственными взаимодействиями и ролями микросообщества, как в реальном, так и в виртуальном пространстве и динамически переключается между ними. Б. Веллман, А. Цюань-Гаазе, Д. Боаз, В. Чен[34] также изучают категорию "сетевого индивидуализма". Интернет устраняет посредническую роль СМИ между индивидом и государством. Интернет создает возможности для персонализации, при которых он сам контролирует источники информации, создает индивидуализированные формы общения и взаимодействия на основе своих предпочтений и потребностей, гибкой сетевой приверженности разным сообществам. Многие рассматривают интернет как единственную открытую для свободной политической дискуссии площадку, отделенную от манипулятивной публичной сферы[35].

Вопрос свободы в интернете является спорным во многом из-за того, что традиционные институциональные системы, государство и экономика не хотят терять свою власть над обществом. М. Кастельс анализировал проблему контроля в Сети. Основной контроль в интернете может осуществляться посредством производства и распространения исходных кодов и информации[36]. "Интернет сводит людей на публичной агоре, чтобы они делились своими заботами и надеждами. Поэтому взятие народом под свой контроль этой публичной агоры, быть может, является самым главным политическим вопросом, который ставит перед нами развитие Интернета"[37].

Первоначально интернет создавался как инструмент достижения свободы и независимости от СМИ и государства за счет анонимности и неограниченности сети. С коммерциализацией[38], изменением архитектуры компьютерных сетей, появлением технологий идентификации, наблюдения и отслеживания появились первые технологии контроля. "Трансформация свободы и приватности в интернете является прямым следствием его коммерциализации"[39]. Кастельс приводит примеры исследований в рамках трудовой деятельности, когда компании осуществляют регулярный надзор над

---

[34] *Wellman B. et al.* The social affordances of the Internet for Networked individualism // Journal of Computer-Mediated Communication. 2003. April. Vol. 8. N 3.

[35] *Этлинг Б., Алексанян К., Келли Дж., Фарис Р., Палфри Дж., Гассер У.* Публичный дискурс в российской блогосфере: анализ политики и мобилизации в Рунете // Исследования Центра Беркмана. 2010. Окт. № 11. URL: http://cyber.law.harvard.edu/sites/cyber.law.harvard.edu/files/Public_Discourse_in_the_Russian_Blogosphere RUSSIAN.pdf (дата обращения: 20.10.2013).

[36] *Кастельс М.* Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе / Под ред. В. Харитонова. Екатеринбург, 2004. С. 193.

[37] Там же. С. 194.

[38] Там же. С. 201.

[39] Там же. С. 200.

своими сотрудниками[40]. В электронной торговле информация о пользователях продается компаниям для реализации маркетинговых и рекламных целей. Собираются сведения по каждому щелчку мыши, сведения о посещениях web-сайтов используются в коммерческих целях[41]. Необходимость защиты прав интеллектуальной собственности в Сети, распространение киберпреступлений также приводят к необходимости контролировать процесс компьютерной коммуникации. В то же время Л. Лессинг и М. Кастельс делают вывод, что архитектура и природа интернета делают его исключением из "правил", которые регулировали индустриальную эпоху. Исходные коды компьютерных сетей позволяют выйти из-под контроля и надзора. Создаются специальный сайты и приложения, позволяющие противопоставить "технологиям контроля" "технологии свободы". Интернет, по мысли Кастельса, превратился в пространство борьбы и раскола, где встречаются защитники свободы и системы контроля со стороны государства. Обеспечение взаимного доверия позволило бы решить этот конфликт. Если бы гражданское общество могло использовать интернет для слежения за своим правительством, для соучастия и принятия решений на всех уровнях сверху донизу, то власть могла бы установить ограниченный контроль над интернетом с целью предотвращения "киберпреступлений" и различного рода нарушений. "Только при этих условиях, позволяющих добиться прозрачности политических институтов, власти могут на законных основаниях претендовать на установление ограниченного контроля над Интернетом с целью обнаружения немногочисленных случаев проявления порочности нашей натуры, в той или иной степени присущей каждому из нас"[42].

XXI в. отличается от предшествующих периодов тем, что идет экспансия индивидуализационных процессов в обществе. Индивидуализация способствовала изменению публичной сферы по нескольким основаниям:

1. Расширение подсистем публичного пространства и возможностей для выражения своей индивидуальности в публичной сфере. Изменение публичной сферы связано с расширением сферы публичного для индивидуального выражения. Если в начале XX в. публичное пространство формировалось за счет политических, экономических и социально-культурных видов коммуникации, субъектом которых являлось коллективное целое, то теперь стираются физические и экономические ограничения в определении наполненности этого

---

[40] *Howe J.* Big Boss is watching you. Yaho! // Internet Life. 2000. Oct. P. 105–107.

[41] *Lessing L.* Code and other laws of cyberspace. N.Y., 1999.

[42] *Кастельс М.* Галактика Интернет… С. 217.

пространства. Оно становится более гибким и институционально независимым от влияния системы и "формализованной коммуникации". Оно формируется на основе индивидуализированного выбора, предпочтений и потребностей. Оно наполнено частным мнением, выражением собственных взглядов и интерпретаций.

2. Перераспределение авторитетов выражения мнения в публичном пространстве. Политики, журналисты, экономисты, ученые и разного рода научные эксперты не являются единственными участниками выражения общественного мнения в публичном пространстве, влияющими на принятие решений. В XXI в. у людей появилась возможность создавать собственный контент и быть частью информационного поля. Различного рода блогеры, копирайтеры и модераторы, а также любой сетевой авторитет на местном уровне может создать свое сообщество и быть источником публичной информации. Опыт живого общения в сетевых каналах меняет привычную модель одностороннего вещания, принятую в СМИ в отношении, что выбирать, где и как. К блогосфере индивид проникается большим доверием, чем к СМИ[43]. По мнению некоторых авторов[44], блогосфера не является ни информационным рынком в чистом виде, ни ареной публичной дискуссии, ввиду поляризации взглядов участников тех или иных групп интересов. Интернет позволяет выбрать среди представленных каналов, предлагаемых новостей то, что хочется видеться и слышать. Публичная сфера через интернет индивидуализируется на основе предпочтений, интересов и желаний потребителей.

3. Утрата коллективной идентичности публичной сферы. Стирание социальных, географических, экономических и культурных границ через сетевые формы коммуникации создает гибкие сообщества, принадлежность к которым отличается необязательностью, открытостью и свободой участия.

4. Когда публичное пространство превращается в виртуальную реальность, созданную симуляцией реальной идентичности и заменой ее сконструированной моделью идентичности, происходит раздвоение публичной сферы, причем приоритет отдается виртуальной публичности, так как там индивид чувствует себя наиболее свободно.

Заключение

Таким образом, падение публичной сферы является отражением процесса индивидуализации, когда индивид для достижения своих целей не привязан к коллективным формам выражения публичности, к традиционным моделям принятия решения, контролируе-

---

[43] *Попов А.В.* Блоги: новая сфера влияния. М., 2008. С. 29.

[44] *Sunstein C.R.* Republic.com 2.0. Princeton, 2007.

мых государством, СМИ, экспертными сообществами. Увеличение возможностей индивида через публичное пространство интернета ведет к индивидуализации потребления публичной информации, к независимому и самостоятельному выбору публичного контента, формированию собственного индивидуального пространства через каналы интернета и виртуальную реальность. Необходимость общественного прямого взаимодействия как главного инструмента достижения поставленных целей уходит на второй план.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арендт Х. Vita activa, или о деятельной жизни / Под ред. Д.М. Носова. СПб., 2000.

Бек У. Общества риска. На пути к другому модерну. М., 2000.

Гидденс Э. Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004.

Дьюи Дж. Общество и его проблемы. М., 2002.

Кастельс М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе /Под ред. В. Харитонова. Екатеринбург, 2004.

Кимелев Ю.А., Полякова Н.Л. Модерн и процесс индивидуализации: исторические судьбы индивида модерна. М., 2017.

Кимелев Ю.А., Полякова Н.Л. Социально-исторический процесс индивидуализации и социальные механизмы его реализации. Часть I. Дифференциация и рационализация // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2018. Т. 24. № 1. С. 5–33.

Липовецки Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме. СПб., 2001.

Попов А.В. Блоги: новая сфера влияния. М., 2008.

Сеннет Р. Падение публичного человека. М., 2002.

Сеннет Р. Плоть и камень. Тело и город в западной цивилизации. М., 2016.

Сироткина И.Е., Смит Р. Психологическое общество и социально-политические перемены в России // Методология и история психологии. 2008. Т. 3. Вып. 3. С. 73–90.

Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы. Исследования относительно категории буржуазного общества. М., 2016.

Этлинг Б., Алексанян К., Келли Дж., Фарис Р., Палфри Дж., Гассер У. Публичный дискурс в российской блогосфере: анализ политики и мобилизации в Рунете // Исследования Центра Беркмана. 2010. Окт. № 11. URL: http://cyber.law.harvard.edu/sites/cyber.law.harvard.edu/files/Public_Discourse_in_the_Russian_Blogosphere RUSSIAN.pdf (дата обращения: 20.10.2013).

Юдин Г.Б. Рецензия на книгу: Хабермас Ю. Структурная трансформация публичной сферы: исследования относительно категории буржуазного общества (2016) // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2017. Т. I. № 1. С. 123–133.

REFERENCES

Arendt H. Vita activa, ili o deyatel'noj zhizni [Vita active or The Human Condition] / Pod red. D.M. Nosova. SPb., 2000 (in Russian).

Bek U. Obshchestva riska. Na puti k drugomu modern [Risk Society. On the way to another modernity]. M., 2000 (in Russian).

Benhabib S. The claims of culture: equality and diversity in the global era. Princeton, 2002.

Benkler Y. The wealth of networks: how social production transforms markets and freedom. New Haven, 2006.

Calhoun C. Introduction // Habermas and the Public Sphere / Ed. by C. Calhoun. Cambridge, 1992.

D'yui Dzh. Obshchestvo i ego problem [The society and its problems]. M., 2002 (in Russian).

Ehtling B., Aleksanyan K., Kelli Dzh., Faris R., Palfri Dzh., Gasser U. Publichnyj diskurs v rossijskoj blogosfere: analiz politiki i mobilizacii v Runete // Issledovaniya Centra Berkmana 2010. Okt. N 11. URL: http://cyber.law.harvard.edu/sites/cyber.law.harvard.edu/files/Public_Discourse_in_the_Russian_Blogosphere RUSSIAN.pdf (accessed: 20.10.2013) (in Russian).

Foucault M. Technologies of self // Technologies of Self: Seminar with Michel Foucault. L., 1988. P. 16–49.

Foucault M. Govern mentality // The Foucault Effect: Studies in Governmental rationality. Hemel Hempstead, 1991. P. 87–104.

Fraser N. et al. Transnationalizing the public sphere. Cambridge; Malden, 2014.

Giddens E.H. Uskol'zayushchij mir. Kak globalizaciya menyaet nashu zhizn' [Runaway World: How Globalization is Reshaping Our Lives]. M., 2004 (in Russian).

Habermas Yu. Strukturnoe izmenenie publichnoj sfery. Issledovaniya otnositel'no kategorii burzhuaznogo obshchestva [The Structural Transformation of the Public Sphere]. M., 2016 (in Russian).

Howe J. Big Boss is watching you. Yaho! // Internet Life. 2000. Oct. P. 105–107.

Kastel's M. Galaktika Internet: razmyshleniya ob Internete, biznese i obshchestve [The Internet Galaxy, Reflections on the Internet, Business and Society] / Pod red. V. Haritonova. Ekaterinburg, 2004 (in Russian).

Kimelev Yu.A., Polyakova N.L. Modern i process individualizaciy: istoricheskie sud'by individa moderna. M., 2017 (in Russian).

Kimelev Yu.A., Polyakova N.L. Social'no-istoricheskij process individualizacii i social'nye mekhanizmy ego realizacii. Chast' I. Differenciaciya i racionalizaciya. // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. 2018. T. 24. N 1. S. 5–33 (in Russian).

Lash C. The culture of narcissism: American life in an age of diminishing expectations. L., 1980.

Lessing L. Code and other laws of cyberspace. N.Y., 1999.

Lipovetsky Zh. Era pustoty. Esse o sovremennom individualizme [Era of emptiness. Essays on contemporary individualism]. SPb., 2001 (in Russian).

Lippmann W. The Phantom public. N.Y., 1925.

Negt O., Kluge A. Öffentlichkeit und Erfahrung. Zur Organisations analys evon bürgerlicher und proletarischer Öffentlichkeit [in German]. Frankfurt a/M., 1972.

Popov A.V. Blogi: novaya sfera vliyaniya. M., 2008 (in Russian).

Rieff P. The triumph of the therapeutic: uses of faith after Freud. Chicago, 1978.

Rose N. The psychological complex: psychology, politics and society in England, 1969–1939. L., 1985.

Rose N. Governing the soul: the shaping of the private self. L., 1999.

Sennet R. Padenie publichnogo cheloveka [The Fall of public man]. M., 2002 (in Russian).

Sennet R. Plot' i kamen'. Telo i gorod v zapadnoj civilizacii [The Corrosion of Character: The Personal Consequences of Work in the New Capitalism]. M., 2016 (in Russian).

Sirotkina I.E., Smit R. Psihologicheskoe obshchestvo i social'no-politicheskie peremeny v Rossii // Metodologiya i istoriya psihologii. 2008. 3. Vyp. 3. P. 73–90 (in Russian).

Smith R. The Norton history of the human sciences. N.Y., 1997.

Sunstein C.R. Republic.com 2.0. Princeton, 2007.

Wellman B. et al. The Social Affordances of the Internet for Networked Individualism // Journal of Computer-Mediated Communication. 2003. April. Vol. 8. N 3.

Young I.M. Inclusion and democracy. Oxford, 2000.

Yudin G.B. Recenziya na knigu: Habermas Yu. Strukturnaya transformaciya publichnoj sfery: Issledovaniya otnositel'no kategorii burzhuaznogo obshchestva (2016) // Filosofiya. Zhurnal Vysshej shkoly ehkonomiki. 2017. T. I. N 1. S. 123–133 (in Russian).

ПОЛИТОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЯ ПОЛИТИКИ

DOI: 10.24290/1029-3736-2019-25-1-145-161

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ: СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ

В.Е. Зиненко, асп. кафедры политологии и социологии политических процессов социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234*

Статья посвящена патриотическому воспитанию современной российской молодежи. В условиях внешних и внутренних угроз патриотическое воспитание граждан становится приоритетным в обеспечении национальной безопасности страны. История России свидетельствует о том, что патриотическая идея была одним из значимых факторов, обеспечивающих консолидацию общества. Недооценка патриотизма может привезти к ослаблению социально-экономических, духовных и культурных основ развития общества и государства. Одной из основных задач современной внутренней политики Российского государства является сохранение культурно-исторического наследия и традиционной системы ценностей. Основу этих ценностей должен составлять патриотизм.

Ключевые слова: *патриотизм, молодежь, патриотическое воспитание, национальная безопасность, интернет, информационная война.*

PATRIOTIC EDUCATION OF RUSSIAN YOUTH: MODERN REALITIES

Zinenko Viktoria Ye., Postgraduate Student of the Political science and sociology of political processes department, Faculty of sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: vickan@inbox.ru

The article deals with the problem of patriotic education of the Russian youth. In the face of contemporary external and internal threats patriotic education of citizens becomes a priority in ensuring national security of the country. History of Russia shows that the Patriotic idea was one of the significant factors in ensuring the consolidation of society. Underestimation of patriotism can lead to the reduction

* **Зиненко Виктория Евгеньевна,** e-mail: vickan@inbox.ru

of socio-economic, spiritual and cultural foundations for the development of society and the state. One of the main objectives of the current domestic policy of the Russian state is the preservation of cultural and historical heritage and traditional system of values. The basis for these values should be patriotism.

***Key words**: patriotism, youth, patriotic education, national security, Internet, information war.*

Современная международная ситуация характеризуется широкомасштабным противостоянием Запада и России в политической, экономической и информационной сферах. Нарастающие внешнеполитические угрозы послужили толчком к консолидации российского общества, идейной основой которой стал патриотизм. В своем ежегодном послании Федеральному Собранию Российской Федерации в 2012 г. Президент Владимир Владимирович Путин заявил, что именно "в патриотизме видит консолидирующую базу (российской) политики. Быть патриотом значит не только с уважением и любовью относиться к своей истории, хотя, безусловно, это очень важно, а прежде всего служить обществу и стране"[1].

История России свидетельствует о том, что патриотическая идея была одним из приоритетных факторов, обеспечивающих консолидацию общества. Недооценка патриотизма приводила к ослаблению социально-экономических, духовных и культурных основ развития общества и государства, что и произошло в 1990-е гг. Патриотизм вытеснялся из системы ценностей граждан чуждыми российскому обществу западными ценностями, а понятие "патриот" и "патриотизм" стали нарицательными.

В основе патриотизма лежит чувство любви к своей Родине. Патриотизм предполагает гордость за свою страну и во многом основан на чувстве "принадлежности" к Родине и народу. Однако этим определение патриотизма не ограничивается. Важными характеристиками патриотизма являются способность и готовность гражданина к активным действиям во благо Отечества. Именно поступки человека, его деятельность, направленная на развитие общества и государства, свидетельствуют о том, что человек является патриотом. При этом важно, что истинный патриотизм чужд национализму, космополитизму и сепаратизму. Активизация патриотических настроений при определенных условиях может привести к тому, что патриотизм начинает обретать "негативные черты национализма", зачастую проявляющегося в ксенофобии и нетерпимости по отношению к "чужакам".

---

[1] Послание Президента Федеральному Собранию РФ 12 декабря 2012 года. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/17118

Свидетельством этому являются события последних лет, происходящие в Украине, где за счет фальсификации исторических событий, национализм приобретает черты государственной политики с героизацией фашистской идеологии и ненавистью ко всему "русскому". Поэтому можно утверждать, что "проблема фиксации ценностей патриотизма через образовательно-воспитательное воздействие становится сегодня проблемой национальной безопасности"[2].

События, которые произошли в стране за последние 30 лет, подвергли большим испытаниям на прочность ценностные ориентации и установки российского общества. В период 1990-х гг. страна находилась в условиях жесточайшего социально-экономического кризиса, политической нестабильности, войны на части ее территории. Новое руководство нашей страны во главе с Президентом Б.Н. Ельциным активно проводило реформы, ориентированные, в первую очередь, на западные, либеральные ценности. При этом старые, устоявшиеся политические, экономические и общественные отношения разрушались с высокой скоростью, вместе с доверием населения к власти. С приходом к власти В.В. Путина в 2000 г. происходит улучшение экономической ситуации, страна постепенно переориентируется на проведение независимой внешней и внутренней политики, возвращению к традиционным ценностным ориентациям. Все эти изменения привели к охлаждению взаимоотношений Запада и России, а начиная с 2008 г. — к открытым военным конфликтам в Южной Осетии, Украине и Сирии.

В условиях внешнеполитических угроз патриотическое воспитание граждан становится приоритетным в обеспечении национальной безопасности страны. Исходя из сложившейся ситуации, в первую очередь, вектор развития патриотических идей необходимо направлять в сторону молодого поколения, которому предстоит решать проблемы, стоящие перед страной. Важным фактором развития патриотизма должен стать естественный, добровольный принцип восприятия его идей, без насаждения бюрократических и обязывающих методов воспитания. Одним из результативных инструментов развития этих идей может стать глобальная сеть, интернет. С одной, положительной стороны, интернет — это широкий охват молодежной аудитории, персональный доступ к конкретному лицу, огромная скорость распространения информации, с другой — мощнейшее средство манипуляции и внедрения чуждых идей.

Молодой человек с раннего детства окружен техническими устройствами, позволяющими воспринимать окружающий мир

---

[2] Асимметрия жизни современного российского общества: соотношение традиций и инноваций (монография) / Отв. ред. О.В. Аксенова. М., 2017. С. 148.

через виртуальное пространство. Социальные сети и компьютерные игры стали основными составляющими досуга и развлечения молодого поколения, так как виртуальный мир способен модулировать любую ситуацию и обстановку, зависящую только от фантазии и желания пользователя. Стоит отметить, что современные компьютерные игры с огромной аудиторией во всем мире постепенно превращаются в инструмент массовой политической пропаганды, где, например, "СССР в 1945 году закончил войну, сбросив атомную бомбу на Берлин", а на мирные США нападают "зомбированные злобные русские"[3]. В игре Call of Duty 4: Modern Warfare "русские ультранационалисты должны расправиться с толпой мирных граждан в московском аэропорту Шереметьево"[4]. Соответственно, все эти сценарии сопровождаются непрерывным процессом убийств с высоким и реалистичным качеством изображения. Еще в 1936 г. в Германии была популярна настольная игра Juden Raus! ("Евреи-вон отсюда")[5], где победителем объявлялся тот, кто выгнал и лишил имущества большое количество евреев. Печальный итог такого рода игр известен нам из истории.

По данным ВЦИОМ[6], зависимость молодежи от компьютерных игр составляет 77%, по признанию самих молодых людей. Негативное влияние Сети на молодых людей составляет 69%, что является более распространенной бедой молодежи, чем алкоголизм и наркомания (64%), конфликты с родителями (62%) и ровесниками (61%). В 2017 г. в рамках подготовки ежегодного доклада о положении молодежи и реализации молодежной политики в России Государственный университет управления провел исследование на тему "Ценностные ориентации российской молодежи"[7]. По данным исследования, 48,6% молодых людей встречаются с друзьями в реальности, а 44% — виртуально. Эксперты делают вывод, что доминирующим источником формирования ценностей молодого поколения является коллектив сверстников, который чаще бывает виртуальным, а не реальным.

Социальные сети также стали объектом массовой манипуляции сознанием, особенно среди молодежи. Примером этому является создание в социальных сетях так называемых "групп смерти", по-

---

[3] См.: Игра Freedom Fighters. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Freedom_Fighters

[4] См.: Игра Call of Duty 4: Modern Warfare. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki

[5] См.: Игра Juden Raus! https://en.wikipedia.org/wiki/Nazi_board_games

[6] Поколение Selfie: пять мифов о современной молодежи // Сайт ВЦИОМ. 2016. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115996

[7] Ценностные ориентации Российской молодежи в рамках подготовки ежегодного доклада о положении молодежи и реализации молодежной политики в России. URL: https://fadm.gov.ru/docs?categoryId=17&page=1

лучивших большой резонанс в обществе[8]. С декабря 2013 по май 2016 г. неизвестными гражданами в социальной сети "ВКонтакте" были созданы виртуальные сообщества, где в игровой форме и с использованием профессиональных психологических методов осуществлялась пропаганда суицидов среди несовершеннолетних пользователей. В мае 2016 г. Следственным Комитетом РФ выявлено не менее 15 погибших и 5 пострадавших от "групп смерти". Выбор злоумышленниками социальной сети "ВКонтакте" не случаен. По данным аналитической компании Similar Web, занимающейся исследованием поведения пользователей в сети, первое место в рейтинге самых популярных сайтов заняла социальная сеть "ВКонтакте", с количеством ежемесячных посещений 97 000 000 человек. По данным ФОМ[9], 76% российской молодежи регулярно посещают именно данную сеть. Причем чем младше возрастная группа, тем больше времени молодые люди проводят в Сети.

В современном мире интернет становится не только способом коммуникации, источником знаний, развлечений, но и мощным оружием воздействия и манипуляции. «Развиваемые посредством Интернет-коммуникаций транснациональные идентичности генерируют "альтернативную" политическую реальность и становятся своего рода альтернативными социокультурными и символическими "конкурентами" национально-гражданской идентичности российской молодежи, — отмечает Т.Н. Самсонова. — Важная задача — эффективно использовать Интернет-коммуникации для информационного продвижения гражданских ценностей — ответственность за собственный политический выбор, политический активизм, гражданственность и патриотизм»[10].

Такие понятия, как "твиттерная революция", прочно вошли в мировую практику организации политических конфликтов и противостояний через социальные сети. В настоящее время такие отдельные термины, как "интернет", "информационное воздействие",

---

[8] См.: Владимир Путин принял участие в расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: http://putin24.info/rasshirennoe-zasedanie-kollegii-mvd-rossii.html

[9] Опрос молодежи: досуговые и интернет-практики // Сайт ФОМ. 2016. URL: http://fom.ru/Obraz-zhizni/13103

[10] *Самсонова Т.Н.* Интернет как среда формирования национально-гражданской идентичности российской молодежи: достижения и проблемы // Контуры будущего: технологии и инновации в культурном контексте: Колл. мон. / Под ред. Д.И. Кузнецова, В.В. Сергеева, Н.И. Алмазовой, Н.В. Никифоровой. СПб., 2017. С. 78. См. также: *Самсонова Т.Н., Титов В.В.* К вопросу о становлении национально-гражданской идентичности российской молодежи в условиях глобальных социокультурных трансформаций начала XXI века // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2017. № 3.

“информационные войны” становятся синонимами и неотъемлемой частью современных геополитических противостояний. Примером этому служит признание американскими властями осенью 2017 г. российского телеканала RT в США и интернет-издательства “Спутник” иностранными агентами, что в свою очередь вызвало ответные зеркальные меры со стороны России.

Современная информационная война — это воздействие на сознание населения и, в первую очередь, на ту его часть, которая находится в стадии поиска и определения своих ценностных ориентиров, т.е. на молодое поколение. Поэтому одной из основных задач современной внутренней политики российского государства является сохранение культурно-исторического наследия с собственной системой ценностей. Основу этих ценностей составляет патриотизм, который “наполняет смыслом жизнь и деятельность людей, помогает им объединиться во имя служения обществу и государству”[11].

Следует отметить, что руководство страны начиная с 2000 г. проводит целенаправленную политику в области патриотического воспитания молодежи. В этом направлении задействованы различные министерства и ведомства. На федеральном уровне действуют и финансируются правительственные программы по патриотическому воспитанию. Аналогичные программы приняты и на региональных уровнях. Однако их эффективность практически не отразилась на росте патриотических настроений молодежи. По данным ВЦИОМ[12], в 2005 г. 70% молодых людей в возрасте 18–24 года и 25–34 лет ответили, что в России не существует системы патриотического воспитания граждан. В то время как безусловно считали себя патриотами 48,9% 18–24-летней молодежи, 34,5% — “скорее всего себя ощущали патриотами”, 10% — “не ощущали себя патриотами”[13]. Приведенные данные свидетельствуют о противоречивости и непонимании молодежью сущности патриотизма. Большинство молодых людей считает, что можно любить Родину, толком ничего не делая. Так, по данным ВЦИОМ[14], в 2005 г. всего 11% молодых людей в возрасте 18–24 года и 25–34 года ответили, что патриотизм проявляется в участии в патриотических организациях, 18,3% — в праздновании

[11] *Лутовинов В.И.* Военно-патриотическое воспитание и подготовка молодежи к военной службе: история и современность. М., 2014. С. 16.

[12] Как вы считаете, существует ли в России система патриотического воспитания граждан? // Сайт ВЦИОМ. 2005. URL: https://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=505&q_id=36869&date=30.11.2005

[13] Как вы бы сами себя охарактеризовали — как патриота своей страны или нет? // Сайт ВЦИОМ. 2005. URL: https://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=43&q_id=3674&date=18.11.2005

[14] В чем, на ваш взгляд, проявляется истинный патриотизм? // Сайт ВЦИОМ. 2005. URL: https://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=144&q_id=12061&date=14.12.2005

исторических событий и юбилеев. И на вопрос "Какие группы и слои российского населения сегодня настроены патриотично?", 42,13% 18–24-летних ответили, что молодежь настроена непатриотично. Отсюда следует, что молодые люди называли себя патриотами, но на деле ими не являлись.

Аналогичная ситуация наблюдается и в 2010 г. По данным ВЦИОМ[15], 36% 18–34-летней молодежи безусловно ощущали себя патриотами, 43% скорее всего себя ощущали такими и 13% — "не ощущали себя патриотами". По сравнению с 2005 г. процент молодежи, которая ощущала себя патриотами, практически не изменился. Можно предположить, что государственные программы патриотического воспитания существенно не повиляли на подъем патриотических чувств молодежи. Одним из вариантов объяснения сложившейся ситуации является факт "мирного и сытого" существования российского общества в 2000-е гг. С одной стороны, молодое поколение строило свою жизнь, опираясь на те базовые ценности, которые позволяли выжить в тяжелейших экономических условиях, в основном материального характера, таких как работа, материальный доход, безопасность. С другой стороны, государство формально выполняло установку на реализацию государственной молодежной политики и не требовало от молодежи выражения патриотических чувств.

Такие события, как выборы в Государственную Думу РФ в 2011 г., выборы Президента РФ в 2012 г., возвращение в состав РФ Крыма в 2014 г., боевые действия Вооруженных Сил РФ с 2015 г. в Сирии повлияли на патриотическое настроение молодежи. По данным Левада-центра[16], зафиксирован резкий рост гордости россиян за страну после воссоединения Крыма с Россией: если в 2013 г. таких было 53%, то уже в октябре 2014 г. — 69% (ответы "определенно да" и "скорее да"). К октябрю 2015 г. этот показатель достиг максимума — 71%, после чего несколько снизился, достигнув 68% весной 2016 г. и 67% — в апреле 2017 г. Решительные действия и высокий профессиональный уровень, проявленный российской армией в Сирии, стали неожиданным "сюрпризом" для Запада и жителей России. "На вопрос, чем именно россияне гордятся больше всего, 40% опрошенных в апреле назвали природные богатства страны и ее историю. 37% испытывают гордость за российскую армию, 29% — за масштаб страны и отечественную культуру. Ранее основным поводом для гордости была российская

---

[15] Как бы вы сами себя охарактеризовали — как патриота своей страны или нет? // Сайт ВЦИОМ. 2010. URL: https://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=679&q_id=49093&date=05.06.2010

[16] Россияне гордятся своей историей и армией // Сайт Левада-центр. 2017. URL: https://www.levada.ru/2017/05/04/rossiyane-gordyatsya-svoej-istoriej-i-armiej/

история, в мае 2016-го об этом говорили 44% респондентов. А вот гордость вооруженными силами страны последовательно растет с октября 2014 года"[17].

Понятие патриотизма тесно переплетено с чувством гордости за свою страну. 70% респондентов гордятся нынешней Россией (27% — "определенно да", 43% — "скорее да"). Тесно связано с понятием патриотизма и другое чувство — "любовь к своей стране". Согласно результатам исследования, проведенного ВЦИОМ в 2014 г.[18], для 74% 18–24-летней молодежи быть патриотом — значит "любить свою страну", и 70% 25–34-летних ответили соответствующе. Эти данные подтверждаются проведенным автором исследованием[19]. 69% молодых респондентов патриотизм понимают, как любовь к Отечеству, месту, где человек родился, к природе; 28% — верность, преданность, служение Отечеству и его защита, вплоть до самопожертвования; 13% — уважение к стране, ее традициям, культуре, к народу, к героям Отечества. Тем не менее, патриотизм — это не просто проявление "пассивной любви" к Родине, но и активное гражданское вовлечение в жизнь государства и общества. Лишь 6% респондентов выразило желание вносить свой вклад в развитие страны, выполнять долг, исправлять недостатки страны.

Можно констатировать, что у молодежи "чувственный патриотизм" преобладает над "деятельностным". Большинство молодых людей считают, что можно любить Родину и при этом толком ничего не делать. Следовательно, у большинства респондентов нет четкого понимания, что такое патриотизм и в чем он проявляется. Можно утверждать, что и в российском обществе в целом не существует единой трактовки понятия "патриотизм". Это наглядно проявилось после выступления в немецком бундестаге в ноябре 2017 г. школьника Николая Десятниченко из Нового Уренгоя с поддержкой "невинно погибших" солдат вермахта. Российское информационное про-

---

[17] Россияне гордятся своей историей и армией // Сайт Левада-центр. 2017. URL: https://www.levada.ru/2017/05/04/rossiyane-gordyatsya-svoej-istoriej-i-armiej/

[18] Что, по-вашему, значит быть патриотом? (закрытый вопрос, не более трех ответов) // Сайт ВЦИОМ. 2014. URL: https://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=989&q_id=68026&date=26.10.2014

[19] В феврале—апреле 2017 г. в 28 подшефных школах Международной Ассоциации ветеранов подразделения антитеррора "Альфа" было проведено сплошное социологическое исследование на тему "Уровень патриотизма современного российского школьника". Было опрошено 2910 респондентов из 14 регионов РФ: Москва, Московская область, Воронеж, Екатеринбург, г. Красноуральск Свердловской области, республика Башкортостан, г. Александров Владимирской области, г. Балаково Саратовской области, с. Пехлец Рязанской области, с. Васильевка Липецкой области, Калуга, г. Чусовой Пермского края, станица Чепигинская и г. Лабинск Краснодарского края. Объектом исследования была молодежь в возрасте 14–18 лет.

странство "взорвалось" от накала дискуссий на тему эффективности патриотического воспитания молодежи.

В 2016 г. ВЦИОМ[20] задавал вопрос: "Как вы считаете, какие общественные организации и объединения своей работой способствуют повышению уровня патриотизма?" 38% 18–24-летней молодежи считают, что военно-патриотические организации (ДОСААФ) способствует повышению патриотизма, 34% выбрали политические организации ("Единая Россия", "КПРФ", "ЛДПР"), 30% — молодежные организации (Молодая гвардия, Молодежная Общественная палата, Россия молодая), 26% — исторические клубы (Российское Военно-историческое общество), 23% — религиозные организации (Русская Православная Церковь, Совет муфтиев России, Федерация еврейских общин России), 20% — культурно-просветительские организации (Общество "Знание"). Таким образом, данные опроса свидетельствуют, что повышению уровня патриотизма молодежи способствуют военно-патриотические организации.

Одной из таких организаций является Международная Ассоциация ветеранов подразделения антитеррора "Альфа". В 1974 г. в СССР было создано спецподразделение антитеррора Группа "А", имеющее современное название — Управление "А" Центра специального назначения ФСБ России. С момента образования группа прошла славный и героический путь в борьбе с терроризмом во всех его проявлениях. В основе ее побед и подвигов лежали морально-волевые и патриотические качества сотрудников. В 1992 г. была создана Международная Ассоциация ветеранов подразделения антитеррора "Альфа". Ее основными задачами стали поддержка семей погибших и умерших сотрудников, увековечивание памяти погибших военнослужащих и военно-патриотическое воспитание молодежи. Ассоциация взяла на себя шефство над школами и военно-патриотическими клубами, в которых когда-то обучались здравствующие и погибшие сотрудники. В январе 2018 г. в Системе "Альфа" 14 именных общеобразовательных учебных учреждений, 19 подшефных школ, где открыты мемориальные доски памяти погибшим сотрудникам, а также 17 военно-патриотических и военно-спортивных клубов.

В школах и клубах ветераны проводят Уроки Мужества, круглые столы, конференции, вахты памяти, военно-полевые сборы, военно-спортивные игры и т.д. Уделяют особое внимание формированию интереса к изучению истории России школьников, активной гражданской позиции и чувства уважения к историческому прошлому

---

[20] Как вы считаете, какие общественные организации и объединения своей работой способствуют повышению уровня патриотизма? // Сайт ВЦИОМ. 2016. URL: https://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=1082&q_id=75201&date=19.06.2016

нашей страны, ее героическим страницам, в том числе сохранение памяти погибших защитников Отечества. Все это ветераны делают по собственной инициативе, понимая, что в системе общего образования уделяется недостаточно внимания патриотическому воспитанию ребят.

Результаты авторского исследования показывают, что половина опрошенных (58%) ощущают себя патриотами, 14% — не ощущают, 28% — затруднились ответить. Заметим, что среди московских школьников патриотами считают себя всего 52%, в то время как в регионах Российской Федерации — 60–91%. В именных школах 64% респондентов считают себя патриотами, в то время как в подшефных (где висят доски памяти погибшим сотрудникам) — 54%.

Чувство гордости испытывают 46% респондентов. И снова видим, что в именных школах гордятся страной — 57%, а в подшефных — 39%. 88% — в Ляминской школе имени Героя Советского Союза Г.Н. Зайцева Пермского края, 79 — в школе № 11 имени Героя России И.В. Марьенкова Краснодарского края, 77 — в гимназии № 7 имени В.М. Воронцова г. Воронежа, 67 — в школе № 2 имени А.Д. Бесчастного Московской области, 65 — в школе № 97 имени А.В. Гуменюка г. Екатеринбурга, 64% — в Пехлецкой школе имени В.В. Соловова Рязанской области.

Чем же непосредственно гордятся школьники? 73% — гордятся историей страны, победой в Великой Отечественной Войне; 41 — культурным наследием, традициями; 34 — армией, военной сферой; 31 — природным богатством страны; 24 — российским спортом; 17 — позицией России в мире и всего 3% гордятся здравоохранением, системой образования, сельским хозяйством, экономическими успехами, деятельностью органов власти.

На вопрос “Как вы считаете, кто должен формировать патриотические ценности у детей и молодежи?” 60% ответили — семья, 44 — школа, 33 — государство, 22 — общественные организации, 19 — военно-патриотические клубы, 15 — СМИ, 11 — сверстники и друзья, 7% считает, что никто.

Мы проследили такую тенденцию, что в тех школах, которые активно проводят патриотическую работу, на первом месте по формированию патриотических ценностей стоит школа. Например, в Пехлецкой школе имени В.В. Соловова Рязанской области 85% — отметило школу, 76 — семью, 43% — государство. В школе № 5 имени В.В. Зиненко г. Александрова Владимирской области 63% отметило школу, 60 — семью, 27% — государство. В школе № 97 имени А.В. Гуменюка г. Екатеринбурга и школе № 1 г. Агидели Республики Башкортостан респонденты отметили, что семья и школа наравне

должны формировать патриотические ценности. В то время как в тех школах, где слабо проводят патриотическую работу, "школу" выбрало меньше 20% респондентов. Так, в лицее № 1560 г. Москвы всего 16% отметило школу, 48 — семью, 35% — государство. В школе № 399 г. Москвы отметило 17% — школу, 31 — государство, 37% — семью. В школе № 763 г. Москвы 14% отметило школу, 30 — государство, 38% — семью.

Патриотизм проявляется в поступках, поэтому важным критерием уровня патриотизма является участие молодежи в патриотических мероприятиях. Так, 63% респондентов участвовали в патриотических мероприятиях за последние два года. Это высокий показатель, но в каждой школе он разный. В именных школах на данный вопрос положительно ответило 75%, а в подшефных — 56%. Самые высокие показатели в школе № 8 имени А.В. Демина Краснодарского края (97%), школе № 5 имени В.В. Зиненко г. Александрова Владимирской области (93%), школе № 11 имени Героя России И.В. Марьенкова Краснодарского края (93%), гимназии № 7 имени В.М. Воронцова г. Воронежа (91%), Пехлецкой школе имени В.В. Соловова Рязанской области (88%). 45% респондентов встречаются с ветеранами ВОВ, локальных войн, спецподразделений, и участвуют в военно-спортивных играх, 41% — в фестивалях и конкурсах патриотической направленности. Данные мероприятия способны формировать у школьников положительный образ защитников Отечества, военнослужащих. В связи с этим становится социально-одобряемым отношение школьников к армии. Так, 59% хотели бы, чтобы их сын служил в армии, всего 16% — не хотели бы. Среди именных школ 67% — хотели бы, чтобы их сын служил в армии, среди подшефных — 51%.

Чувство долга перед Отчизной у школьников достаточно сильно: 72% готовы были бы в случае необходимости участвовать в защите Отечества, 8 — не готовы, 20% — затрудняются ответить. На вопрос "Кем вы хотите стать?" 10% ответило — военнослужащим. Этот ответ входит в тройку самых популярных профессий среди школьников. По данным Министерства обороны[21], в течение последних трех лет существенно вырос вступительный конкурс в военные вузы. В 2016 г. конкурс в военные вузы среди юношей составил от 6 до 10 человек на место, а среди девушек — 30 человек на место. Уровень поддержки Вооруженных Сил РФ достиг в 2015 г. исторического максимума 82%[22].

---

[21] Интервью со статс-секретарем — заместителем Министра обороны Российской Федерации Николаем Александровичем Панковым. URL: http://www.edu.ru/person/nikolay-pankov/

[22] Армия России-2016: боеготовность, социальная миссия, роль в обществе // Сайт ВЦИОМ. 2016. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115586

После того, как российские войска стали бороться с международным терроризмом на территории Сирии, граждане РФ увидели, насколько профессионально работают военнослужащие, с какой самоотдачей и риском для жизни выполняют поставленные задачи.

Одним из важных направлений в ходе организации воспитательной работы является формирование у молодежи представлений о героях и героических поступках. По данным авторского исследования, 83% респондентов считают героическим поступком борьбу с терроризмом, освобождение заложников, 68 — спасение людей из горящего дома, 40 — служение Отечеству, 37 — спасение утопающих, 36% — оказание первой помощи человеку, которому стало плохо. В девяти школах задавался дополнительный открытый вопрос "Есть ли Герои нашего времени?" 58% затруднялись ответить. 18% назвали героями военнослужащих О.А. Пешкова и А.А. Прохоренко, погибших в Сирии, М.Н. Нурбагандова, погибшего в Дагестане, ветеранов подразделения "Альфа", таких как Герой Советского Союза Г.Н. Зайцев, Герой России А.Н. Савельев и других сотрудников подразделения "Альфа". 14% считают, что героями являются ветераны ВОВ, 10% героем назвали В.В. Путина. Заметим, что 46% выразили доверие Президенту, в то время как Государственной Думе РФ и Совету Федерации РФ выразили доверие всего 2%. Стоит обратить внимание на то, что большинство школьников не знает героев своего Отечества. Несмотря на то что школы носят имена героев, ведут патриотическую работу, образ героев плохо сформирован у подрастающего поколения. А отождествление Родины с определенными людьми, героями является важным компонентом образа Отечества. По данным ВЦИОМ[23], у большинства (57%) опрошенных молодых людей (респонденты до 35 лет) в жизни не существует тех, с кого можно брать пример. Каждый десятый (9%) считает своими кумирами поп- или рок-звезд. Реже упоминали о различных исторических личностях (4%), спортсменах (3%), современных российских политиках (2%) и др. О том, что их кумиром является В.В. Путин, сказали 2% молодых людей. Опрошенные старше 35 лет чаще высказывали предположения, что молодые люди стремятся быть похожими на героев телесериалов (4%), бизнесменов и олигархов (4%), нежели об этом говорила сама молодежь (1 и менее 1%, соответственно).

Результаты авторского исследования показали высокий уровень участия школьников в мероприятиях патриотической направленности, желание защищать Отечество, служить в армии, гордиться

[23] Российская молодежь: какой она представляется самой себе — и какой ее видит старшее поколение // Сайт ВЦИОМ. 2014. URL: http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114879

историей страны. Это подтверждает эффективность патриотической работы Международной Ассоциации ветеранов подразделения антитеррора "Альфа". В то же время возможности Ассоциации в расширении воспитательной деятельности среди молодежи ограничены. Выходом из данной ситуации является более широкое информационное обеспечение данной деятельности, создание условий для повышения активности ветеранских организаций в работе с молодежью, активизацию взаимодействия военно-патриотических объединений (клубов), ветеранских и гражданских организаций, вовлечения молодых ученых и преподавателей в развитие научно-методической базы патриотического воспитания.

Эффективность патриотического воспитания зависит не только и не столько от количества проводимых мероприятий, а от формирования единой системы, единого подхода в области патриотического воспитания граждан, от координации деятельности различных институтов общества и государства в этом направлении. В связи с этим следует обратить внимание на:

– создание единой общегосударственной структуры, которая бы осуществляла координацию деятельности государственных органов в сфере патриотического воспитания;

– разработку единой системы научно-методического обеспечения патриотической работы и конкретных рекомендаций по формированию патриотизма, а также критериев оценки патриотической работы;

– проведение мониторинга патриотической работы;

– контроль за реализацией финансовых средств со стороны координационного государственного органа;

– поддержку государственными органами, которые отвечают за реализацию программы "Патриотическое воспитание граждан на 2016–2020 годы", общественных организаций, которые на общественных началах непосредственно ведут патриотическую работу с детьми и молодежью;

– включение мероприятий по патриотическому воспитанию школьников в программу общеобразовательных учреждений;

– информирование граждан России через СМИ о реализации программы "Патриотическое воспитание граждан на 2016–2020 годы" и о героях Отечества;

– использование опыта СССР и зарубежных стран в сфере патриотического воспитания граждан.

Усилившееся в последнее время военно-политическое и экономическое давление на Россию показало готовность молодого поколения защищать интересы государства. Но подъем патриоти-

ческих чувств молодежи носит больше инстинктивный характер и не является в полной мере результатом государственной политики в области патриотического воспитания. Ни полюбить, ни разлюбить Родину по приказу невозможно[24], поэтому российскому обществу и государству необходимо найти идейную базу для формирования настоящих патриотических чувств. Основу этих идей может составить огромный исторический опыт и героическое наследие российского государства, его способность к сплочению и единению общества в трудные моменты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Армия России-2016: боеготовность, социальная миссия, роль в обществе // Сайт ВЦИОМ. 2016. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115586

Асимметрия жизни современного российского общества: соотношение традиций и инноваций (монография) / Отв. ред. О.В. Аксенова. М., 2017.

В чем, на ваш взгляд, проявляется истинный патриотизм? // Сайт ВЦИОМ. 2005. URL: https://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=144&q_id=12061&date=14.12.2005

Владимир Путин принял участие в расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: http://putin24.info/rasshirennoe-zasedanie-kollegii-mvd-rossii.html

Игра Freedom Fighters. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Freedom_Fighters

Игра Call of Duty 4: Modern Warfare. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki

Игра Juden Raus! URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Nazi_board_games

Ильин И.А. Сочинения: В 2 т. Т. 1. М., 2001.

Интервью со статс-секретарем — заместителем Министра обороны Российской Федерации Николаем Александровичем Панковым. URL: http://www.edu.ru/person/nikolay-pankov/

Как бы вы сами себя охарактеризовали — как патриота своей страны или нет? // Сайт ВЦИОМ. 2010. URL: https://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=679&q_id=49093&date=05.06.2010

Как вы считаете, какие общественные организации и объединения своей работой способствуют повышению уровня патриотизма? // Сайт ВЦИОМ. 2016. URL: https://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=1082&q_id=75201&date=19.06.2016

Как вы считаете, существует ли в России система патриотического воспитания граждан? // Сайт ВЦИОМ. 2005 URL: https://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=505&q_id=36869&date=30.11.2005

Лутовинов В.И. Военно-патриотическое воспитание и подготовка молодежи к военной службе: история и современность. М., 2014.

Молодежь Москвы: ценностные приоритеты, стратегии поведения и перспективы развития / Под ред. В.Д. Нечаева. М., 2012.

[24] См.: *Ильин И.А.* Сочинения: В 2 т. Т. 1. М., 2001. С. 154–156.

Опрос молодежи: досуговые и интернет-практики // Сайт ФОМ. 2016. URL: http://fom.ru/Obraz-zhizni/13103

Поколение Selfie: пять мифов о современной молодежи // Сайт ВЦИОМ. 2016. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115996

Послание Президента Федеральному Собранию РФ 12 декабря 2012 года. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/17118

Российская молодежь: какой она представляется самой себе — и какой её видит старшее поколение // Сайт ВЦИОМ. 2014. URL: http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114879

Россияне гордятся своей историей и армией // Сайт Левада-центр. 2017. URL: https://www.levada.ru/2017/05/04/rossiyane-gordyatsya-svoej-istoriej-i-armiej/

Самсонова Т.Н. Интернет как среда формирования национально-гражданской идентичности российской молодежи: достижения и проблемы // Контуры будущего: технологии и инновации в культурном контексте: Колл. мон. / Под ред. Д.И. Кузнецова, В.В. Сергеева, Н.И. Алмазовой, Н.В. Никифоровой. СПб., 2017.

Самсонова Т.Н. Становление гражданина-патриота // Вопросы социальной теории: Научный альманах. 2013–2014. Т. VII. Человек как субъект конструирования / Под ред. Ю.М. Резника, М.В. Тлостановой. М., 2015. Вып. 1–2. Том VII.

Самсонова Т.Н., Титов В.В. К вопросу о становлении национально-гражданской идентичности российской молодежи в условиях глобальных социокультурных трансформаций начала XXI века // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2017. № 3.

Формула распада: 25 лет назад советские граждане на референдуме решали судьбу СССР. URL: http://tass.ru/spec/ussr-referendum

Ценностные ориентации Российской молодежи в рамках подготовки ежегодного доклада о положении молодежи и реализации молодежной политики в России. URL: https://fadm.gov.ru/docs?categoryId=17&page=1

Что, по-вашему, значит быть патриотом? (закрытый вопрос, не более трех ответов) // Сайт ВЦИОМ. 2014.

REFERENCES

Armija Rossii-2016: boegotovnosť, social'naja missija, rol' v obshchestve. VTSIOM. 2016. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115586 (in Russian).

Asimmetrija zhizni sovremennogo rossijskogo obshchestva: sootnoshenie traditsij i innovatsij (monografija) / Otv. red. O.V. Aksenova. M., 2017 (in Russian).

Chto, po vashemu, znachit bit' patriotom? (zakrytyj vopros, ne bolee trex otvetov. URL: https://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=989&q_id=68026&date=26.10.2014

Formula raspada: 25 let nazad sovetskie grazhdane na referendume reshili sud'bu SSSR. URL: http://tass.ru/spec/ussr-referendum (in Russian).

Igra Call of Duty 4: Modern Warfare. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Freedom_Fighters (in Russian).

Igra Freedom Fighters. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Freedom_Fighters (in Russian).

Igra Juden Raus! URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Nazi_board_games (in Russian).

Il'in I.A. Sochineniya: V 2 tomah. T.1. M., 2001 (in Russian).

Interv'u so stats-sekretarem — zamestitelem Ministra oborony Rossijskoj Federatsii Nikolaem Aleksandrovichem Pankovym. URL: http://www.edu.ru/person/nikolay-pankov/ (in Russian).

Kak by vy sami sebja oharakterizovali — kak patriota svoej strany ili net? VTSIOM. 2010. URL: https://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=679&q_id=49093&date=05.06.2010 (in Russian).

Kak vy schitaete, kakie obshchestvennye organizatsii i objedinenija svoej rabotoj sposobstvujut povisheniju urovnja patriotizma? VTSIOM. 2016. URL: https://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=1082&q_id=75201&date=19.06.2016 (in Russian).

Kak vy schitaete, sushchestvuet li v Rossii sistema patrioticheskogo vospitanija grazhdan? VTSIOM. 2005. URL: https://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=505&q_id=36869&date=30.11.2005 (in Russian).

Lutovinov V.I. Voenno-patrioticheskoe vospitaniye i podgotovka molodezhi k voennoj sluzhbe: istorija i sovremennost'. M., 2014 (in Russian).

Molodezh Moskvy: tsennostnye prioritety, strategii povedenija i perspektivy razvitija / Pod red. *V.D. Nechaeva.* M., 2012 (in Russian).

Opros molodezhi: dosugovye i internet-praktiki. FOM. 2016. URL: http://fom.ru/Obraz-zhizni/13103 (in Russian).

Pokolenie Selfie: pjat' mifov o sovremennoj molodezhi. VTSIOM. 2016. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115996 (in Russian).

Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniju RF 12 dekabrja 2012 goda. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/17118 (in Russian).

Rossijane gordjatsja svoej istoriej i armiej. Levada-tsentr. 2017. URL: https://www.levada.ru/2017/05/04/rossiyane-gordyatsya-svoej-istoriej-i-armiej/ (in Russian).

Rossijskaja molodezh: kakoj ona predstavljaetsja somoj sebe — i kakoj ee vidit starshee pokolenie. VTSIOM. 2014. URL: http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114879 (in Russian).

Samsonova T.N. Internet kak sreda formirovanija natsional'no-grazhdanskoj identichnosti rossijskoj molodezhi: dostizheniaj i problemy // Kontury budushchego: tehnologii i innovatsii v kulturnom kontekste: Koll. mon. / pod red. D.I. Kuznetsova, V.V. Sergeeva, N.I. Almazovoj, N.V. Nikiforovoj. SPb.: Asterion, 2017 (in Russian).

Samsonova T.N. Stanovlenie grazhdanina-patriota // Voprosy social'noj teorii: Nauchnij al'manah. 2013–2014. T. VII. Chelovek kak sub'ekt konstruirovanija / pod. red. Ju.M. Reznika i M.V. Tlostanovoj. Moskva: Izd. Nezavisimogo instituta grazhdanskogo obshchestva, 2015. Vyp. 1–2. T. VII (in Russian).

Samsonova T.N., Titov V.V. K voprosu o stanovlenii natsional'no-grazhdanskoj identichnosti rossijskoj molodezhi v uslovijah global'nyh transformatsij XXI veka // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 18. Sotsiologija i politologija. 2017. N 3 (in Russian).

Tsennostnye orientatsii Rossijskoy molodezhi v ramkah podgotovki ezhegodnogo doklada o polozhenii molodezhi i realizatsii molodezhnoj politiki v Rossii. URL: https://fadm.gov.ru/docs?categoryId=17&page=1 (in Russian).

V chem na vash vzgljad, projavlaetsja istinnij patriotizm? VTSIOM. 2005. URL: https://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=144&q_id=12061&date=14.12.2005

Vladimir Putin prinjal uchastie v raschirennom zasedanii kollegii Minesterstva vnutrennih del Rossijskoj Federatsii. URL: http://putin24.info/rasshirennoe-zasedanie-kollegii-mvd-rossii.html (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2019-25-1-162-174

ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Н.С. Беляков, асп. кафедры философии и политологии факультета философии и социологии, БашГУ, ул. Заки Валиди, 32, Уфа, Республика Башкортостан, Российская Федерация, 450076*

К.Д. Кургачева, асп. кафедры философии и политологии факультета философии и социологии, БашГУ, ул. Заки Валиди, 32, Уфа, Республика Башкортостан, Российская Федерация, 450076**

Отличительной чертой современного политического процесса является информатизация социального пространства. В условиях информатизации интернет становится неотъемлемым элементом жизни современного человека, что ведет к необратимой трансформации классического политического процесса. В целом процесс информатизации можно рассматривать как позитивный тренд в развитии политики как сферы жизни общества. Применение информационных технологий позволяет налаживать субъект-субъектное взаимодействие граждан и политических акторов, ведет к демократизации, позволяет проводить действенную агитацию, создает основу для дискуссионных платформ по обсуждению социально-значимых проблем, обеспечивает наличие общедоступной информации и др. Но в то же время данная тенденция имеет ряд негативных моментов. Во-первых, проблема "цифрового неравенства". Во-вторых, негативный тренд к фрагментации политического сегмента сети по идеологическому принципу, который ведет к маргинализации политической активности и отсутствию дискуссии. В-третьих, возникает проблема кибербезопасности, государственного контроля над интернетом, манипуляции общественным сознанием и др. Однако в целом несмотря на наличие ряда деструктивных моментов полная информатизация представляется неизбежным будущим всех сфер общественной жизни, в том числе и политической. Таким образом, необходимо искать пути преодоления отрицательных факторов в развитии политического сегмента сети, добиться его превращения в реальную дискуссионную и рабочую площадку для всех разрешенных законом политических сил, вне зависимости от их представленности в органах власти. Особую роль в этом процессе должно играть государство, поскольку ему делегированы функции общественного контроля, от грамотного использования которых зависит

* **Беляков Николай Станиславович**, e-mail: belyakov.nikolay1994@yandex.ru

** **Кургачева Кристина Дмитриевна**, e-mail: kurgachevakristi@mail.ru

будущее развитие общества в целом и политического сегмента интернета в частности.

Ключевые слова: *политический процесс, интернет-коммуникация, интернет-технологии, демократизация, онлайн-голосование, интернет-ресурсы, политическая система, цифровое неравенство.*

INTERNET TECHNOLOGIES IN THE CONDITIONS OF MODERN POLITICAL PROCESS

Beliakov Nikolai S., Postgraduate Student of the Department of philosophy and political science, Faculty of philosophy and sociology, Bashkir State University, Zaki Validi street, 32, Ufa, Republic of Bashkortostan, Russian Federation, 450076, e-mail: belyakov.nikolay1994@yandex.ru

Kurgacheva Kristina D., Postgraduate Student of the Department of philosophy and political science, Faculty of philosophy and sociology, Bashkir State University, Zaki Validi street, 32, Ufa, Republic of Bashkortostan, Russian Federation, 450076, e-mail: kurgachevakristi@mail.ru

The distinctive feature of the modern political process is the informatization of social space. In the context of Informatization, the Internet becomes an integral part of modern life, which leads to an irreversible transformation of the classical political process. In general, informatization can be viewed as a positive trend in the development of politics as a sphere of social life. The use of information technologies makes it possible to establish subject-subject interaction between citizens and political actors, leads to the process of democratization, allows for effective agitation, creates a basis for discussion platforms for discussing socially important problems, ensures the availability of a public information, etc. But at the same time this the trend has a number of negative aspects. First, the problem of "digital inequality". Secondly, the negative trend towards fragmentation of the political segment of the network on the ideological basis, which leads to the marginalization of political activity and the lack of discussion. Thirdly, there is the problem of cyber security, state control over the Internet, manipulation of public consciousness, etc. However, in general, despite the existence of a number of destructive moments, full informatization seems to be the inevitable future of all spheres of public life, including political. Thus, it is necessary to look for ways to overcome negative factors in the development of the political segment of the web; to achieve its transformation into a real discussion and working platform for all legitimate political forces, regardless of their representation in the government bodies. The state should play a special role in this process, because the functions of public control was delegated to it, and from their competent use depends the future development of society as a whole and the political segment of the Internet in particular.

Key words: *political process, Internet communication, Internet technologies, democratization, online voting, Internet resources, political system, digital inequality.*

В качестве одного из основных трендов современного общества можно отметить стремление к демократизации политических процессов и политической системы в целом, исходящее как от рядовых членов социума, так и от политических акторов. Данная тенденция отличается крайней многосторонностью своих проявлений начиная от реальных либерально-демократических преобразований в социально-политической сфере, таких как создание института омбудсмена, формирование электронного правительства и др., заканчивая номинальными и отчасти популистскими изменениями, суть которых заключается лишь в заявке на демократизацию как на основной запрос общества без реальных изменений в политическом процессе. К подобным явлениям, с нашей точки зрения, можно отнести, например, постоянные реформы внутри государственных структур, выделение или наоборот ликвидацию отдельных ведомств. Вместо реальной демократизации в большинстве случаев это ведет к бюрократизации или иным негативным последствиям.

Так или иначе, демократизация как идеал становится все более популярной в общественно-политической среде. При этом современная демократизация немыслима без развития сетевых технологий, инновационных средств коммуникации и иных атрибутов постиндустриального общества. Важно отметить, что политические процессы, проходящие в современном трансформирующемся обществе, в глубинной своей сути остаются неизменными. В наиболее общем виде их можно охарактеризовать как взаимодействие между политическими акторами, политической элитой, государственными структурами как проводниками политической активности политических субъектов и гражданами общества. Меняется лишь характер этого взаимодействия. Однако в конечном итоге это ведет к значительному переформатированию политической системы в целом.

Интернет представляет собой площадку, на которой разворачиваются разнообразные политические процессы, начиная от предвыборной агитации и заканчивая нелегальной деятельностью маргинальных политических групп. Возможности интернета связали воедино на одной коммуникационной площадке подавляющее большинство реальных политических процессов. Пусть мы ходим голосовать на выборы в режиме офлайн как и 100 лет назад, но вот политическая борьба, предшествующая волеизъявлению граждан, коммуникация между политическими субъектами и гражданами, т.е. то, что непосредственно представляет собой суть политического процесса, во многом перенесены в электронную сферу. Достигнута инновационная возможность субъект-субъектного взаимодействия между государством или иными политическими субъектами и гражданами. Интересно отметить, что подобный тип взаимодействия

коррелируется с парадигмой постмодерна[1], в том числе в сфере политического.

Таким образом, вопрос о влиянии интернета на политический процесс и его дальнейшее развитие является весьма актуальным и противоречивым. Ряд исследователей в области политологии, такие как Й. Бенклер, Д. Моррис, Л. Гроссман и др[2]. отмечают, что глобальная сеть главным образом позволит изменить классическую модель политической системы и окажет положительное влияние на политический процесс. Сторонники данной позиции акцентируют свое внимание на исключительных свойствах сети, таких как интергрируемость, мультимедийность, целенаправленность, оперативность и т.п.

Наряду с вышеперечисленными свойствами или достоинствами интернета немаловажной характеристикой данной технологии является интерактивность, посредством которой глобальная сеть выступает в качестве эффективного механизма обеспечения обратной связи между органами власти и обществом.

С учетом вышеизложенного можно констатировать тот факт, что новая технология открывает широкие возможности для участников политического процесса. Здесь следует отметить несколько основных моментов, касающихся использования сети политическими акторами, актуальных как в настоящий момент времени, так и в перспективе развития политического сегмента интернета:

Пропаганда с помощью различного спектра интернет-технологий позволит обратить на себя большее внимание со стороны электората, что в свою очередь приведет к повышению политической активности граждан.

Интернет позволит с меньшими затратами осуществлять организацию проведения выборов на всех уровнях власти.

Новая технология изменит существующую ранее систему управления в сторону прямой демократии и т.п.

Следует отметить, что первые два из отмеченных нами пунктов уже в значительной степени реализованы в настоящее время и в дальнейшем их актуальность будет только возрастать в силу неизбежного процесса увеличения роли интернета в общественной жизни.

В то же время идеализировать интернет-коммуникацию, с нашей точки зрения, также неразумно, как минимум потому что существу-

---

[1] См.: *Чирун С.Н., Николаев А.В., Зайцева В.А.* Политические технологии в сетевой реальности постмодерна // Власть. 2018. № 3. С. 7–13.

[2] *Benkler Y.* The wealth of Networks: how social production transforms markets and freedom. New Haven, 2016; *Morris D.* Direct democracy and the Internet // Loyola of Los Angeles Law Review. 2013. Vol. 34. N 3. P. 1033–1053; *Grossman L.K.* The electronic republic: reshaping democracy in the information age. N.Y., 2017; и др.

ет проблема "цифрового неравенства". Интернет пока не является атрибутивной составляющей жизни 100% граждан нашей страны. Согласно данным ВЦИОМ, по состоянию на 1 квартал 2018 г. доля пользователей интернета составила 80%, причем среди молодежи в возрасте от 18 до 24 лет она превышает 95%[3]. Тем не менее, многие социальные группы, такие как пенсионеры, недостаточно представлены в данном типе коммуникации, кроме этого, несовершенность самой интернет-связи делает ее недоступной для удаленных регионов страны. Например, А.О. Несмашный отмечает, что "проблема цифрового неравенства отражается на эффективности политических информационных интернет-технологий, значительным образом сужая возможности точечного воздействия технологий"[4]. Таким образом, снижается легитимность результатов политических процессов, проходящих при помощи интернета, так как идеалом политического процесса является полное взаимодействие с гражданами всех регионов и всех социальных групп.

Ряд исследователей неоднозначно относятся к роли интернета в политическом процессе. Основной фокус внимания ученых здесь сосредоточен на проблеме сокращения активизации гражданского общества. Например, по мнению Н. Лумана[5] ключевым фактором в этом случае выступает отмеченное нами выше "цифровое неравенство". Данный феномен раскрывает ситуацию, при которой часть населения не будет включена в функционирование политической системы общества, вследствие того что не все пользователи имеют равные возможности доступа к интернету.

Наряду с обозначенной выше проблемой немаловажным является и то обстоятельство, что трансформация существующей системы управления имеет значительные преграды. Так, Т.М. Шварц[6] указывает, что цифровое неравенство порождает проблему нерепрезентативности результатов интернет-опросов, онлайн-голосований и т.п. Тем самым, встает вопрос о прозрачности интернет-деятельности политических акторов, результатов онлайн-голосований и других

---

[3] Жизнь в Интернете и без него. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9024 (дата обращения: 05.08.2018).

[4] *Несмашный А.О.* Интернет-технологии в политике и политические информационные интернет-технологии: различия в сущности с содержании понятий // Социум и власть. 2017. № 2. С. 63.

[5] См.: *Луман Н.* Глобализация мирового сообщества: как следует системно понимать современное общество // Социология на пороге XXI века: новые направления исследований. М., 2016. С. 93–96.

[6] См.: *Schwartz P.M.* Vote.com and Internet politics: a comment on dick Morris's version of Internet democracy // Loyola of Los Angeles Law Review. 2014. Vol. 34. N 3. P. 1071–1088.

политических процессов, осуществляемых при помощи глобальной сети. Помимо этого, возникает проблема обеспечения соответствия принимаемых путем онлайн-голосования решений национальным интересам и учета потребностей всех слоев населения.

Обладая интернет-ресурсами, политическая элита в полной мере может использовать сеть в своих корыстных целях. Например, возникает проблема накрутки голосов политическими акторами, что ведет к потере доверия общества к власти и деградации политической системы в целом. Кроме того, возникает проблема манипуляции. Подтасовке подвергаются результаты конкретных кампаний, что в итоге может отразиться на общественном мнении в целом. Это дает повод некоторым авторам рассматривать интернет-пространство как "глобальное манипулятивное пространство политики"[7].

Помимо вышеперечисленного, существует субъективный фактор недостаточной репрезентативности политической интерент-активности. Он вызван избирательной активностью пользователей сети. Они склонны посещать ресурсы только интересующих их политических сил, что разбивает интернет-пространство на множество автономных областей: чатов, форумов, групп, в которых общаются люди исключительно одинаковых политических взглядов. Интересен факт, что к такой фрагментации интернет-пользователей подталкивает сама логика построения интернет-пространства. Например, наличие так называемой "умной ленты новостей", которая подстраивает новости в соответствии с предыдущими запросами пользователя, а также архитектура конкретных сайтов, в которых заложены ссылки на определенные ресурсы. Например, С.В. Володенков пишет, что «активно применяются технологии создания "архитектуры выбора", позволяющие при видимой свободе выбора источников информации определять маршруты пользователей от сайта к сайту, предлагая разнообразные ссылки и переходы на требуемые ресурсы при сохранении иллюзии осуществления самостоятельного выбора пользователем тех сайтов, которые он посещает»[8].

С одной стороны, в этом есть позитивная сторона, так как индивид в первую очередь увидит потенциально интересную информацию, но с другой — альтернативная информация может быть проигнорирована, таким образом, мнение пользователя сознатель-

---

[7] *Ибрагимов Л.Х.* Технологии интернет-манипуляции в сетевом пространстве политики // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2015. № 2. С. 34.

[8] *Володенков С.В.* Особенности Интернета как современного пространства политических коммуникаций // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2017. № 4. С. 10.

но подводится к определенному шаблону. В результате в наиболее пессимистическом прогнозе это приведет к отсутствию полноценной дискуссии и маргинализации подобных виртуальных объединений. В этом плане связующим звеном в политическом интернет-пространстве нам представляются порталы общегосударственного значения, например, Госуслуги. Конечно, на данный момент этот портал дает лишь возможность индивидуального, субъектного взаимодействия гражданина с государственными структурами, что собственно и отражено в его названии. Тем не менее, нам представляется необходимой доработка подобных порталов с последующем включением в их рамки дискуссионных площадок для представителей различных политических сил. Иными словами, стоит задача консолидации политической интернет-активности. Создание своего рода "интернет-парламента", где в обсуждении вопросов смогут принимать участие представители всех политических сил независимо от их присутствия в реальных органах власти. Государство здесь выполняет исключительно функцию арбитра: недопуск ботов, спама и прочих видов деструктивного взаимодействия. При этом важно сохранить плюрализм позиций и включать в политический диалог все разрешенные законом политические силы, начиная со сторонников А.А. Навального, и заканчивая теми, кто разделяет взгляды Комитета 25 января.

Здесь важно отметить, что в рамках данной статьи мы рассматриваем интернет-коммуникацию одной отдельно взятой страны на примере России. Поэтому мы опускаем проблему экстраполирования фрагментации политической интернет-коммуникации по национальному и государственному признаку, которая также имеет место быть в действительности и наличие которой тормозит глобальное развитие политического сегмента сети.

Еще одной важной особенностью коммуникации в интернете является возможность субъектов собирать значительную аудиторию и доносить уникальную или альтернативную в отличие от официальной информацию, воздействуя там самым на политические процессы в стране. Подобные процессы реализуются на таких площадках, как ВКонтакте, YouTube, Livejournal и др.

Ряд исследователей отмечают, что "часто успешные кампании инициируются людьми, далекими от политики или неангажированными"[9]. Данное утверждение является вполне оправданным, достаточно вспомнить деятельность А.А. Шария. Его работа отно-

[9] *Соколов А.В.* Интернет-технологии политического участия и их влияние на офлайн-политику // Известия Алтайского государственного университета. 2014. № 4–1. С. 305.

сится к блоговой активности. Как отмечает Г.Л. Акопов, "Блогосфера стала ареной для политических дебатов и средой для формирования общественного мнения. Она представляет собой совокупность всех блогов как единого сообщества. Все блоги тесно связаны между собой, блоггеры читают и комментируют друг друга, ссылаются друг на друга и таким образом создают свою субкультуру"[10]. Применительно к российской политике это можно проиллюстрировать полемикой между упомянутым выше А.А. Шарием и А.А. Навальным[11], которая разворачивалась исключительно в интернет-пространстве и значительно способствовала переосмыслению деятельности А.А. Навального в негативном контексте в глазах потенциального электората. Эта полемика была уникальна еще тем, что происходила без участия государства, тем самым были продемонстрированы реальные практические возможности политической интернет-дискуссии.

В результате подобных процессов индивиды становятся объектами информационного воздействия, превращаются из атомарных индивидов в группу лиц, разобщенных в реальном времени и пространстве, но являющихся аналогом ведомой лидером толпы в виртуальном пространстве. Ярким примером такой интеренет-коммуникации является активность А.А. Навального в период до президентских выборов 2018 и частично в настоящий момент, деятельность которого во многом построена на использовании интернет-технологии и акцентирована преимущественно на молодежь. Более того, А.А. Навального можно рассматривать как "Интернет-проект, с большим количеством материальных вложений и включающий работу большого штаба профессионалов, занимающихся продвижением этого проекта"[12].

Необходимо помнить, что значимым фактором развития интернета как средства политической коммуникации является необходимость защиты баз данных, обеспечение государственной безопасности и прочие вопросы кибербезопасности. Эта проблема усугубляется вследствие того, что центральные серверы и базы данных многих крупнейших коммуникационных и информационных площадок, таких как Google, Facebook, YouTube, Twitter, Instagram и др., находятся за пределами нашей страны, что создает трудности осуществления контроля за ними. Блокировка потенциально опас-

---

[10] *Акопов Г.Л.* Политика и Интернет. М., 2016. С. 85.

[11] См.: *Чаусов А.* За что Шарий взялся за Навального? URL: https://vz.ru/opinions/2017/5/31/872579.html (дата обращения: 05.08.2018).

[12] *Плотникова О.В., Устюгова Е.В.* Использование технологии Интернет для формирования имиджа политика-борца с несправедливой политической системой (на примере А. Навального) // Сибирский международный. 2015. № 17. С. 243.

ных ресурсов также вызывает ряд затруднений у государственных структур. В связи с возможностью смены IP-адресов, посредством которой меняется виртуальная территориальная принадлежность, «текущее нормативное регулирование, а также запрет доступа к различным ресурсам, расположенным "на территории государства", во многих случаях является неэффективным»[13]. Подчеркнем, что наличие государственного контроля над интернетом "не является прерогативой только авторитарных и тоталитарных политических режимов"[14], таких как КНДР, где имеется внутригосударственная сеть Кванмён, отрезанная от мировой сети. Контроль существует и в демократических западных государствах. Это обусловлено тем фактом, что сетевая безопасность является ключевым пунктом социальной стабильности в условиях информационного общества[15]. Данная тенденция прослеживается и в России. В течение последних нескольких лет был принят ряд законопроектов, нацеленных на обеспечение безопасности, в том числе регулирующих интернет-активность. Например, сюда можно отнести получивший широкую известность "пакет Яровой"[16], одним из пунктов которого является необходимость хранения информации о пользователях сети.

Резюмируя рассмотренные тенденции относительно применения и развития интернет-технологии в политическом процессе, можно отметить, что преобладающей является позиция, положительно оценивающая перспективы развития глобальной сети в политике. Уже сейчас интернет обеспечивает колоссальные возможности для установления более тесного контакта между властью и населением, происходит активизация процессов гражданского участия.

---

[13] *Володенков С.В.* Особенности интернет-коммуникации в современном политическом процессе // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2014. № 2. С. 18.

[14] *Ваховский А.М.* Политико-правовые вопросы регулирования Интернета: мировой опыт и российская практика // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2016. № 2. С. 9.

[15] См.: *Jasmine J.* Terrorist's use of the Internet: the case of Daesh. The Southeast Asia Regional Centre for Counter-Terrorism (SEARCCT), Ministry of Foreign Affairs. 2016; The use of the Internet for terrorist purposes // United Nations publication. 2012; и др.

[16] См.: Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О противодействии терроризму" и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности». URL: https://rg.ru/2016/07/08/antiterror-dok.html (дата обращения: 05.08.2018); Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности". URL: https://rg.ru/2016/07/11/uk375-dok.html (дата обращения: 05.08.2018).

Таким образом, интернет-коммуникацию необходимо рассматривать как тренд — направление развития политической системы. В крупных городах, которые являются центрами политической и экономической активности, этот тренд уже реализован в полной мере и стал частью повседневной действительности. В данном случае можно говорить о фактической информатизации политических процессов.

Подобная информатизация вносит как позитивные изменения в политическую систему, так и создает определенные риски. Необходима консолидация политической интернет-активности, не допускающая дезинтеграцию сегментов сети по идеологическому или иным критериям. Корме того, важным пунктом функционирования интернета является государственный контроль за безопасностью, не сводящийся при этом к авторитарным методам тотального контроля и недопуску политических сил на кибер-арену на основании их политических представлений при условии того, что последние разрешены законом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акопов Г.Л. Политика и Интернет. М., 2016.

Ваховский А.М. Политико-правовые вопросы регулирования Интернета: мировой опыт и российская практика // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2016. № 2. С. 3–11.

Володенков С.В. Особенности интернет-коммуникации в современном политическом процессе // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2014. № 2. С. 12–20.

Володенков С.В. Особенности Интернета как современного пространства политических коммуникаций // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2017. № 4. С. 1–13.

Жизнь в Интернете и без него. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9024 (дата обращения: 05.08.2018).

Ибрагимов Л.Х. Технологии интернет-манипуляции в сетевом пространстве политики // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2015. № 2. С. 34–40.

Луман Н. Глобализация мирового сообщества: как следует системно понимать современное общество // Социология на пороге XXI века: новые направления исследований. М., 2016. С. 93–96.

Несмашный А.О. Интернет-технологии в политике и политические информационные интернет-технологии: различия в сущности и содержании понятий // Социум и власть. 2017. № 2. С. 59–64.

Плотникова О.В., Устюгова Е.В. Использование технологии Интернет для формирования имиджа политика-борца с несправедливой политической системой (на примере А. Навального) // Сибирский международный. 2015. № 17.

Соколов А.В. Интернет-технологии политического участия и их влияние на офлайн-политику // Известия Алтайского государственного университета. 2014. № 4–1.

Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О противодействии терроризму" и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности». URL: https://rg.ru/2016/07/08/antiterror-dok.html (дата обращения: 05.08.2018).

Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности". URL: https://rg.ru/2016/07/11/uk375-dok.html (дата обращения: 05.08.2018).

Чаусов А. За что Шарий взялся за Навального? URL: https://vz.ru/opinions/2017/5/31/872579.html (дата обращения: 05.08.2018).

Чирун С.Н., Николаев А.В., Зайцева В.А. Политические технологии в сетевой реальности постмодерна // Власть. 2018. № 3. С. 7–13.

REFERENCES

Akopov G.L. Politika i Internet [Politics And The Internet]. M., 2016 (in Russian).

Benkler Y. The wealth of Networks: how social production transforms markets and freedom. New Haven, 2016.

Chausov A. Za chto Sharij vzjalsja za Naval'nogo? [For Which Shariy took on Navalny?]. URL: https://vz.ru/opinions/2017/5/31/872579.html (accessed: 05.08.2018) (in Russian).

Chirun S.N., Nikolaev A.V., Zajceva V.A. Politicheskie tehnologii v setevoj real'nosti postmoderna [Political Technology in The Web Reality of Postmodernism] // Vlast' [The Power]. 2018. N 3. P. 7–13 (in Russian).

Federal'nyj zakon ot 6 ijulja 2016 g. N 374-FZ «O vnesenii izmenenij v Federal'nyj zakon "O protivodejstvii terrorizmu" i otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii v chasti ustanovlenija dopolnitel'nyh mer protivodejstvija terrorizmu i obespechenija obshhestvennoj bezopasnosti» [Federal Law of July 6, 2016 No. 374-FZ "On Amendments to the Federal Law" On Counteracting Terrorism "And Certain Legislative Acts of The Russian Federation Regarding The Establishment of Additional Measures to Counter Terrorism And Ensure Public Safety"]. URL: https://rg.ru/2016/07/08/antiterror-dok.html (accessed: 05.08.2018) (in Russian).

Federal'nyj zakon ot 6 ijulja 2016 g. N 375-FZ "O vnesenii izmenenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii i Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii v chasti ustanovlenija dopolnitel'nyh mer protivodejstvija terrorizmu i obespechenija obshhestvennoj bezopasnosti" [Federal Law of 6 July 2016 N 375-FZ "On Amendments to The Criminal Code of The Russian Federation And The Code of

Criminal Procedure of The Russian Federation With regard to the Establishment of Additional Measures to Combat Terrorism and Ensure Public Safety"]. URL: https://rg.ru/2016/07/11/uk375-dok.html (accessed: 05.08.2018) (in Russian).

Grossman L.K. The electronic republic: reshaping democracy in the information age. N.Y., 2017.

Ibragimov L.H. Tehnologii internet-manipuljacii v setevom prostranstve politiki [Technologies of Internet Manipulation in The Web Policy Space] // Problemnyj analiz i gosudarstvenno-upravlenchekoe proektirovanie [Problem Analysis And Public Management Design]. 2015. N 2. P. 34–40 (in Russian).

Jasmine J. Terrorist's use of the Internet: the case of Daesh. The Southeast Asia Regional Centre for Counter-Terrorism (SEARCCT), Ministry of Foreign Affairs. 2016.

Luman N. Globalizacija mirovogo soobshhestva: kak sleduet sistemno ponimat' sovremennoe obshhestvo [Globalization of The World Community: How to Systematically Understand Modern Society] // Sociologija na poroge XXI veka: novye napravlenija issledovanij [Sociology at the threshold of the XXI century: new research directions]. M., 2016. P. 93–96 (in Russian).

Morris D. Direct democracy and the Internet // Loyola of Los Angeles Law Review. 2013. Vol. 34. N 3. P. 1033–1053.

Nesmashnyj A.O. Internet-tehnologii v politike i politicheskie informacionnye internet-tehnologii: razlichija v sushhnosti s soderzhanii ponjatij [Internet Technologies in Politics and Political Information Internet Technologies: Differences in Essence With The Content of Concepts] // Socium i vlast' [Society and power]. 2017. N 2. P. 59–64 (in Russian).

Plotnikova O.V., Ustjugova E.V. Ispol'zovanie tehnologii Internet dlja formirovanija imidzha politika-borca s nespravedlivoj politicheskoj sistemoj (na primere A. Naval'nogo) [Use of Internet Technology to Form The Image of a Politician-fighter With an Unfair Political System (By The Example of A. Navalny)] // Sibirskij mezhdunarodnyj [Siberian international]. 2015. N 17. P. 243 (in Russian).

Schwartz P.M. Vote.com and Internet politics: a comment on Dick Morris's version of Internet democracy // Loyola of Los Angeles Law Review. 2014. Vol. 34. N 3. P. 1071–1088.

Sokolov A.V. Internet-tehnologii politicheskogo uchastija i ih vlijanie na oflajn-politiku [Internet Technologies For Political Participation And Their Impact on Offline Politics] // Izvestija Altajskogo gosudarstvennogo universiteta [Proceedings of Altai State University]. 2014. N 4–1. P. 305 (in Russian).

The use of the Internet for terrorist purposes // United Nations publication. 2012.

Vahovskij A.M. Politiko-pravovye voprosy regulirovanija Interneta: mirovoj opyt i rossijskaja praktika [Political And Legal Issues of Internet Regulation: World Experience and Russian Practice] // Izvestija Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki [Proceedings of the Tula State University. Humanities]. 2016. N 2. P. 3–11 (in Russian).

Volodenkov S.V. Osobennosti Interneta kak sovremennogo prostranstva politicheskih kommunikacij [Features of The Internet as a Contemporary of Political

Communication] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (jelektronnyj zhurnal) [Bulletin of Moscow State Regional University (e-journal)]. 2017. N 4. P. 1–13 (in Russian).

Volodenkov S.V. Osobennosti internet-kommunikacii v sovremennom politicheskom processe [Aspects of Internet Communication in the Contemporary Political Process] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 12. Politicheskie nauki [Bulletin of Moscow University. Series 12. Political science]. 2014. N 2. P. 12–20 (in Russian).

Zhizn' v Internete i bez nego [Life on The Internet And Without It]. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9024 (accessed: 05.08.2018).

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Общие требования к рукописям, предлагаемым для опубликования в журнале “Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология”

Материалы, представленные на рассмотрение для публикации в журнале, обязательно должны соответствовать тематике журнала (основные тенденции современного социального развития и изменения, методологические и теоретические проблемы современной социологии и политологии, конкретные области социологического и политологического анализа, исследования проблем и специфики современного общества и институционального порядка, политических процессов, вопросы социальной и государственной политики, социального и организационного менеджмента).

Все материалы должны представлять собой самостоятельное научное исследование (то есть должны содержать вклад автора в постановку и разработку выбранной для научного исследования проблемы). В целях обеспечения качества публикуемых материалов и соблюдения авторских прав все поступающие статьи проходят проверку через систему “Антиплагиат”.

Материалы должны быть актуальными (содержать элементы научной и информационной новизны). Рукопись обязательно должна соответствовать принятым в журнале техническим требованиям к оформлению.

В случае соответствия требованиям предлагаемая статья может быть рассмотрена в редакции и отправлена на рецензирование (экспертную оценку), а при необходимости может быть обсуждена на редколлегии.

В последующем будет принято решение о возможности/невозможности публикации рукописи с учетом публикационных планов журнала. Редакция оставляет за собой право сокращать объем статей и редактировать их в соответствии с требованиями научного журнала. По вопросам, связанным с публикацией представленных в редколлегию материалов, необходимо обращаться по электронной почте vestnik@socio.msu.ru, ilinih@socio.msu.ru, а также по телефону ответственного секретаря журнала Ильиных Ольги Владимировны +7 (903) 268-89-69.

Желающие опубликовать статью в журнале “Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология”, могут присылать материалы

в № 1 (январь–март) — до 20 августа,

в № 2 (апрель–июнь) — до 20 ноября,

в № 3 (июль–сентябрь) — до 20 февраля,

в № 4 (октябрь–декабрь) — до 20 мая

каждого года.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Рукописи не возвращаются. Гонорар авторам за публикацию рукописей не выплачивается.

Плата с авторов (в том числе с аспирантов) за публикацию рукописей не взимается.

Рукописи, подаваемые в журнал, должны соответствовать следующим требованиям

Материалы предоставляются в редакцию в электронном виде (в том числе рисунки (диаграммы, графики, схемы и т.п.)).

Все предоставляемые в редколлегию материалы должны содержать:

1) название статьи на русском и английском языках;

2) сведения обо всех авторах на русском и английском языках: фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, полное название научного или учебного учреждения и его структурного подразделения, контактный телефон и адрес электронной почты автора, город, страна, индекс. Авторская транслитерация ФИО должна учитывать то обстоятельство, что ее изменение, возможно, затруднит поиск прежних публикаций автора, которые перестанут учитываться в перечне его работ (то есть необходимо транслитерировать ФИО так, как в загранпаспорте или в предыдущих работах, т.е. унифицировать).

3) аннотации на русском и английском языках (не менее 200–250 слов каждая);

4) ключевые слова (6–8 слов/словосочетаний) на русском и английском языках;

5) основной текст. К рассмотрению принимаются материалы и статьи преподавателей и научных сотрудников объемом от 1 авторского листа (40 тыс. знаков) до 1,3 авторского листа (приблизительно 53 тыс. знаков). Объем аспирантских статей от 0,5 авторского листа (20 тыс. знаков) до 1 авторского листа (40 тыс. знаков). (Указано общее число знаков вместе с пробелами, знаками рисунков, оформительскими страницами);

6) список литературы в конце статьи (число русскоязычных работ + число работ на иностранных языках = 20–30). Отсутствие пристатейного списка литературы может стать причиной отказа в рассмотрении статьи.

Список литературы помещается после основного текста статьи, и оформляется следующим образом:

а) список литературы на русском языке (по алфавиту (кириллическому) без нумерации). Этот список имеет подзаголовок “Список литературы”;

б) Второй список имеет подзаголовок “References”. Этот список в свою очередь включает в себя транслитерацию (по системе BSI. При создании транслитерации возможно использование программы транслитерации текста, к примеру, translit.net) и перевод на английский вышеприведенного списка литературы на русском языке, а также список литературы на иностранных языках (транслитерация русскоязычных работ + список работ на иностранных языках, все общим списком по алфавиту (латинскому)).

Более подробно требования к оформлению статей представлены на сайте журнала http://vestnik.socio.msu.ru/jour Там же можно посмотреть образцы оформления ссылок, списков литературы и т.п.

Кроме того, на сайте есть электронная форма, с помощью которой необходимо подать статью в редколлегию.

С уважением,
редколлегия журнала “Вестник Московского университета.
Серия 18. Социология и политология”